

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
Институт истории

Н. Ф. КОТЛЯР

ФОРМИРОВАНИЕ
ТЕРРИТОРИИ
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ
ГОРОДОВ
ГАЛИЦКО-
ВОЛЫНСКОЙ
РУСИ
IX—XIII вв.

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1985

Исследовано образование территории Галицко-Волынской Руси — важной составной части Древнерусской державы. Подробно прослежены процессы развития западнорусских земель — Червенской, Белзской, Перемышльской (VIII—XI вв.), складывание на их основе территорий Галицкой и Волынской земель (XI—XII вв.) с последующим их слиянием и перерастанием в Галицко-Волынскую Русь. Проводится мысль о стабильности складывания территории Галицко-Волынской Руси. Показан генезис галицких и волыньских городов. Книга написана на материале древнерусских летописей с привлечением иностранных источников и археологического материала. Подобное исследование предпринято впервые.

Для историков, археологов, краеведов, преподавателей и студентов вузов, всех, кто интересуется прошлым нашей Родины.

Ответственный редактор

Ф. П. Шевченко

Рецензенты

С. А. Высоцкий, Т. А. Балабушевич

Редакция исторической литературы

«По сравнению со старой родовой организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по *территориальным делениям*»

Ф. Энгельс

ВВЕДЕНИЕ

Вплоть до настоящего времени в среде историков не прекращаются споры вокруг многоцветного этногеографического полотна, созданного Нестором во введении к «Повести временных лет». В этой необыкновенно яркой картине остается немало неясного. В частности, летописец не упомянул о том, когда и как из многочисленных восточнославянских племенных объединений образовались отдельные древнерусские земли и княжества, которые, в свою очередь, стали территориальными компонентами Киевского государства. Сделаем попытку ответить на эти вопросы на материале Волыни и Галичины.

Определяя цель своего широкоизвестного труда «Русская земля», выдающийся советский ученый А. Н. Насонов писал: «Предмет нашего исследования — образование древнерусской государственной территории. Нам предстоит не только проследить, как росла и формировалась древнерусская государственная территория, но и объяснить этот процесс, раскрыть его в общем ходе общественного развития»¹. Книга А. Н. Насонова пролила свет на многие закономерности указанных явлений, но, разумеется, не могла исчерпать проблему.

За минувшие после выхода труда Насонова три десятилетия историческая наука обогатилась свидетельствами новооткрытых источников, прежде всего археологических, значительно усовершенствовалась методика научного поиска. Пришла, как нам представляется, пора глубокого исследования конкретных явлений и фактов складывания отдельных древнерусских земель. Значительным и своевременным шагом в этом направлении следует считать подготовку и публикацию Институтом истории СССР АН СССР коллективной монографии «Древнерусские княжества X—XIII вв.» (М., 1975), которая объединяет историко-территориальные очерки о Киевской, Черниговской, Переяславской, Новгородской, Полоцкой и Смоленской землях. Есть основания видеть в этих очерках заявки на углубленное

и подробное изучение названных территорий. Ждет своего исследования ряд других земель, и среди них столь важных, как Волынская и Галицкая.

На нынешнем этапе изучения проблематики Киевской Руси все труднее обходиться без исследований историко-территориального характера. Ведь вопрос о зарождении и развитии государства неотделим от вопроса о формировании его территории. Ф. Энгельс подчеркивал, что «по сравнению со старой родовой организацией государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по *территориальным делениям*»². Поэтому динамика борьбы новых социальных, экономических и политических явлений, сопровождавших феодализацию восточнославянского общества, со старым родоплеменным обществом должна быть исследована в территориальном аспекте.

Этногеографическое введение к «Повести временных лет» подробно повествует о расселении славянских племен на просторах Восточной Европы. Теперь установлено, что под летописными «племенами» скрывались племенные объединения, союзы племен и что создание этих союзов можно датировать очень ранними временами, не позднее VI в. н. э.³

Позднеплеменной строй у всех славян имел приблизительно одинаковую двухступенчатую территориальную структуру. Низшая ступень — племя (его еще называют «малым племенем»), высшая — союз племен (иначе говоря, «большое племя»). Кроме того, племена делились на фракции с начальным названием «жупы». У восточных славян это наименование перестало употребляться очень рано: когда началось складывание городищ, жупу называли «городом», поскольку укрепленное место делалось обычно средоточием внутренней жизни той или иной территориальной единицы⁴.

Древнерусский летописец начала XII в. рассматривает известные ему племенные объединения в большом хронологическом диапазоне (вообще-то присущем введению к «Повести временных лет») начиная, по крайней мере, с VI в. н. э. Но из его повествования трудно уяснить не то что точные даты, но даже столетия, когда существовало большинство упоминаемых им союзов племен. Между тем представляется исключительно важным определить хронологические рамки бытования крупных племенных объединений в связи с тем, что они были зародышами грядущих княжеств, а времена образования значительных союзов племен непосредственно предшествовали формированию древнерусской народности, а то и совпадали с начальными стадиями этого длительного процесса⁵.

ГЕНЕЗИС ВОЛЫНСКИХ И ГАЛИЦКИХ ГОРОДОВ

В наше время никто уже не возражает против тезиса, согласно которому процесс образования городов у восточных славян был частью общего процесса развития феодальной формации. Есть веские основания полагать, что возникновение городов сопутствовало перерастанию старых племенных союзов в новые территориальные объединения — земли. Поэтому прежде, чем перейти к проблеме генезиса волынских и галицких городов, стоит отметить, что время и обстоятельства связанного с ним общего процесса перехода от родоплеменных объединений к территориальным в Восточной Европе остаются не вполне ясными.

Академик Л. В. Черепнин обратил внимание на то, что процесс формирования отдельных самостоятельных княжеств в эпоху феодальной раздробленности был связан с «окончательным изживанием племенного деления» и что границы племенных объединений не совпадали с рубежами феодальных земель. Это видно из того, что, например, Владимиро-Суздальская земля образовалась на территориях вятичей, кривичей и новгородцев, а Галицкая — в области расселения уличей, тиверцев и хорватов¹.

Существует и другая точка зрения, представленная выдающимся знатоком древнерусской истории Б. А. Рыбаковым, который считает, что старое племенное деление у восточных славян послужило структурной моделью Древнерусского государства эпохи феодальной раздробленности, когда «Киевская Русь распалась на полтора десятка самостоятельных княжеств, более или менее сходных с полутора десятками древних племенных союзов», а столицы ряда княжеств были когда-то центрами племенных объединений (Киев, Смоленск, Полоцк²).

Имеется и компромиссная позиция, принадлежащая польскому академику Г. Ловмянському. В недавно вышедшей работе синтетического характера он писал, что на Руси «земли как единицы территориального деления государства

в общих чертах возникали либо на основе племенного деления территории (например, в границах северян расположились земли Северская и Черниговская, в границах кривичей — земли Полоцкая и Смоленская), либо из слияния племенных территорий (Киевская земля охватывала территории полян и покоренных ими древлян)». Ученый считает, что земли возникали и на одноплеменной основе; в частности, дулебы, по его мнению, положили начало Волынской земле. Изредка же отдельные территории племен дробились и входили в соседние земли. Так было с радимичами и вятичами³.

Как видим, в современной науке нет единства мнений даже по столь кардинальному вопросу, как соотношение между делением племенным и земельно-территориальным. На наш взгляд, при изучении этого вопроса не всегда должным образом учитывается мнение Ф. Энгельса: «Старые родовые объединения, возникшие и державшиеся в силу кровных уз, сделались... недостаточными большей частью потому, что их предпосылка, связь членов рода с определенной территорией, давно перестала существовать»⁴.

Конкретные условия поступательного движения восточнославянского общества от союзов племен к землям до сих пор недостаточно выявлены. В этом разделе мы пытаемся осветить один из важных факторов, способствовавших этому движению,— генезис городов и городской жизни, используя при этом материал по истории Волыни и Галичины.

Более полувека назад видный русский либерально-буржуазный историк А. Е. Пресняков резонно заметил: «Вопрос в том, как представить себе переход от древнейшего племенного быта к историческому строю городских земель — областей, труднейший в истории Древней Руси». Но он ошибался, когда продолжал эту мысль следующим образом: «Все попытки вывести второе явление из первого в виде органической эволюции не дают никакого результата и обречены на неизбежную неудачу»⁵. Как мы думаем, существует связывающее звено между названными явлениями — *города*.

Историки не раз обращали внимание на значение городских центров в длительном процессе перехода от племенного деления к территориальному. При этом советские ученые руководствовались указанием К. Маркса и Ф. Энгельса: «Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации»⁶.

Феодализация восточнославянского общества в VIII—IX вв. способствовала рождению городов как ремесленно-торговых и административных центров. На первом этапе этого процесса названия племенных союзов возникали от их главных средоточий (например, бужане от Бужска, волыняне от Волыня). Не удивительно поэтому, что историки уже давно интересуются ролью городов в ходе феодализации общества, в частности городов восточнославянских.

В науке нет общего взгляда на главные факторы возникновения городов у восточных славян, хотя все согласны в том, что оно явилось результатом всеобщего процесса развития феодальной формации. Не определена также хронология этого явления. Один из крупнейших авторитетов в истории Древней Руси Б. Д. Греков утверждал, что там, как и в других странах, города стали появляться уже в классовом обществе и что «в более прогрессивных участках Руси процесс вызревания городов падает на VII—VIII вв.»⁷. Этот тезис вызывает определенные сомнения хотя бы потому, что в восточнославянском обществе VII—VIII вв. классы находились еще только на стадии формирования. К сожалению, Б. Д. Греков не аргументировал свое мнение, ограничившись общим предположением, что археологические изыскания в будущем прольют свет на характер этих древних городов.

Специально исследовавший городообразование на древнерусских землях М. Н. Тихомиров считал временем интенсивного развития городов XI век, отмечая, что этот процесс характерен для многих стран Европы того времени. Он видел прямую связь «между возникновением городов и развитием земледелия как основного занятия населения». Ученый отдавал должное и роли ремесла в формировании городской жизни, отметив, что нарастание феодальных отношений вызвало приток сельских жителей в города⁸.

Сходную точку зрения еще раньше высказал французский медиевист М. Блок: «Если бы население не возросло и возделанная площадь не увеличилась, если бы поля не стали производительней благодаря большому числу рабочих рук и более регулярной вспашке, а урожай не были бы более обильными и частыми, каким образом можно было бы собрать в городах столько ткачей, красильщиков, стригальщиков сукон и кормить их?»⁹.

Некоторые историки и археологи искали первопричину, основной фактор, вызвавший к жизни городские центры. В начале 50-х годов в среде советских археологов обсуждались две подобные теории. Первая рассматривала появление

городов как результат оседания ремесленников у стен укрепленных усадеб-замков феодалов. Вторая предполагала, что ремесленно-торговые города выросли на базе бывших племенных центров восточных славян. Анализируя эти теории, Н. Н. Воронин отметил, что процесс возникновения городов вообще «развивался не по единой «социологической формуле», но имел несколько конкретных вариантов», и поэтому попытки свести сложную историческую действительность к какой-либо единой схеме уводят в сторону от решения вопроса. Сам Н. Н. Воронин думал, что подлинные города на Руси, средоточия значительного населения и очаги самостоятельного ремесла и развитой торговли, родились в конце X — начале XI вв.¹⁰

Изучение времени и обстоятельств возникновения городов на Руси затрудняется различным пониманием самого термина «город». Исследовавший городские центры Северо-Восточной Руси А. М. Сахаров определил феодальный город как «особое социально-экономическое явление феодального общества, как центр ремесла, торговли, товарного производства и товарного обращения» и далее указал на столь существенную черту феодального города, как оборонительные сооружения¹¹. Б. А. Рыбаков более емко и кратко формулирует отличительные признаки феодального города, которому присуще «сочетание следующих элементов: крепости, дворов феодалов, ремесленного посада, торговли, административного управления, церквей»¹². Это определение принято большинством советских исследователей.

Понятно, однако, что в формулировке Б. А. Рыбакова речь идет о классическом, уже полностью оформившемся феодальном городе. По всей вероятности, на начальных этапах складывания будущий город всеми этими признаками не обладал. Каковы же в таком случае решающие городообразующие признаки? В. В. Карлов выделяет два: укрепление, окружавшее поселение, и торгово-ремесленное население¹³.

Предлагаем добавить к этим, несомненным с нашей точки зрения, определяющим протогород признакам, еще один — наличие в поселении представителя власти (центральной или местной).

Подобные квази-города принято называть зародышами, эмбрионами и т. п. Польский археолог В. Хенсель именует их зачатками, Д. А. Авдусин предлагает употреблять иной термин: протогорода¹⁴. Разумеется, неизбежно возникает вопрос о времени и путях рождения этих зародышей городов или протогородов, предшествовавших подлинным городам. В «Советской исторической энциклопедии» этот вопрос

во второй его половине решается довольно просто: «У восточных славян города первоначально возникали как укрепленные поселения. С формированием классового и раннефеодального общества города стали превращаться в укрепленные центры княжеской власти, а затем и в центры экономической жизни»¹⁵ (выделено нами.— Авт.).

Более обоснованным представляется мнение польского историка А. Поппэ. Считая, что города рождались в результате развития ремесла, он полагает в то же время, что городская жизнь появилась прежде всего в центрах власти, потому что княжеские и владельческие замки делались центрами спроса на ремесленные изделия и способствовали торговому обмену. Благодаря этому рядом с замком («градом» русских летописей) вырастало ремесленно-торговое поселение («предградье») ¹⁶.

В. В. Карлов предлагает выделить три основных пути развития ранних догородских поселений (эмбрионов): 1) замки феодалов и княжеские крепости; 2) ремесленно-торговые поселки, торжки и пр.; 3) межплеменные центры, добавляя при этом, что сложность и многообразие путей создания городов в Древней Руси зависели, по всей вероятности, от многообразия функций феодального города*. По мнению этого исследователя, в период зарождения и складывания городов те или иные присущие феодальному городу признаки могли преобладать над прочими, но подлинный город характеризуется только совокупностью этих признаков¹⁷. Впрочем, как полагает Д. А. Авдусин, «даже подлинные города эпохи развитого феодализма не имеют полного набора указанных черт»¹⁸. В. Хенсель, предпринявший попытку проследить в целом процесс возникновения городов на славянских землях, ограничивается общим замечанием, что зачатки городов явились продуктом хозяйственного, общественного и политического развития¹⁹.

Один из крупнейших советских медиевистов А. И. Нусыхин не раз обращался к проблеме генезиса европейских городов. Он полагал, что «средневековый город возник как результат сложных, перекрещивающихся процессов — экономических, социальных и военно-политических — и сразу же выступил на сцену в виде сложного комплекса явлений... Дело обстояло не так, что корнем, исходной точкой роста города было то или иное явление — цех, рынок, бург

* Отдельные исследователи резонно, на наш взгляд, считают лишь кажущимся многообразие типов предгородских поселений, которые в основном возникают из племенных центров (см.: Куза А. В. Рец. на кн.: Русский город.— Сов. археология, 1978, № 4, с. 290).

и т. д., ...нет, как раз наоборот: все силы развития, все элементы, из которых построенся город, даны в самом начале процесса»²⁰, т. е. в зародыше города.

Подобное глубокое понимание зародыша города вполне соответствует свидетельствам археологических источников VII—X вв., которые дают возможность судить о наличии уже в исходном пункте основных элементов этого зародыша: укреплений, ремесленного производства, рынка и пр. В частности, мы имеем в виду результаты археологических исследований волынских и галицких городов (а также зародышей городов этого региона), особенно активно проводившихся в послевоенные годы.

Не исключается вместе с тем и единовременное возникновение древнерусских городов. Б. А. Рыбаков писал, что в ряде случаев археологические изыскания дают возможность предположить активное вмешательство княжеской власти в судьбу городов. В качестве примеров ученый приводит случаи форсированного строительства городов-крепостей на границах Руси с «диким полем» в конце X или начале XI вв., в частности меры Владимира Святославича по укреплению южных рубежей²¹.

Процесс зарождения и развития городов — явление безусловно интернациональное, характерное в главных чертах, по меньшей мере, для Европы в целом. В заключении своего труда В. Хенсель проводит важную мысль о существовании многих аналогий в генезисе городов у западных, южных и восточных славян. Образование славянских городов представляло собой фрагмент общего процесса горообразования в Европе и вообще во всем мире²². Как нам представляется, достаточно привести следующий пример тождественности закономерностей возникновения городов в таких различных по своим социально-экономическим и политическим условиям регионах, как Западная и Восточная Европа X—XI вв.

Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что вновь образованный феодальный город был создан освобожденными крепостными²³. Историки видят в бегстве крепостных от феодалов, в возникновении проблемы рынка и свободного труда одно из основных условий создания средневековых городов. Они справедливо исходят из мнения, что к моменту возникновения городов крепостное право в Западной Европе повсеместно восторжествовало²⁴.

Но в Восточной Европе X—XI вв., наряду с феодально зависимым крестьянством и холопами, сохранялась масса свободного населения. Тем не менее и здесь

бегство холопов и челяди от феодалов было важным, если не решающим фактором складывания городского населения. Достаточно вспомнить замечание Титмара Мерзебургского, что население Киева в 1018 г. состояло в основном из беглых рабов («ex fugitivorum... servorum») ²⁵. Существуют различные попытки толкования этого места «Хроники» Титмара, однако же наиболее вероятным представляется его буквальное понимание ²⁶. В бегстве холопов в город нет ничего удивительного, поскольку в крупнейших не только на Руси, но и в Европе городских центрах вроде Киева, Новгорода или Смоленска холоп легко мог затеряться в массе торгово-ремесленного населения ²⁷ — и влиться в него.

Согласно результатам исследований М. Н. Тихомирова, «поразительно быстрый рост населения городов в XI—XIII вв. объясняется постоянным притоком большого количества беглых крестьян и холопов... Практически и на Руси городской воздух делал зависимого человека свободным» ²⁸ — относительно, конечно. А Н. Н. Воронин отмечал, что, по-видимому, Владимир на Клязьме был создан «мизинными людьми», бывшими «холопами, орачами и древоделами» ростовской знати, о чем упоминает Лаврентьевская летопись под 1177 г. ²⁹ Тем более есть основания распространять это наблюдение и на предыдущий период (когда роль холопского труда в феодальном хозяйстве была более важной) и рассматривать беглых холопов и челядь в качестве важной составной части населения городов-зародышей IX—X вв.

Поэтому правомерной представляется попытка изучения генезиса городов Древней Руси на материалах двух земель последней: Волынской и Галицкой. Вообще региональный аспект исследований социально-экономической проблематики может быть очень плодотворным, в частности рассмотрение компактных, исторически сложившихся групп городских центров. Такое изучение подсказывается источниками. В. Т. Пашуто выделяет подобные группы в восточнославянских землях и среди них называет «червенские грады», «грады уличей и тиверцев» ³⁰.

Возвращаясь к вопросу о соотношении общего явления — развития феодальной формации — и частного — возникновения городов, — приходится отметить, что в литературе оно объяснено недостаточно. М. Н. Тихомиров придерживался мнения, что рост городов происходил одновременно с развитием феодальных отношений и зависел от последнего ³¹. Автор обстоятельной работы о генезисе древнерус-

ского города В. В. Карлов думает, что «складывание определенных территориально-земельных группировок и объединение их в раннефеодальном государстве (как результат развития феодализма.— *Авт.*) совпадает с начальным периодом истории русских городов»³². Наконец, А. Поппэ полагает, что образование восточнославянских городов, связанное с раннефеодальным развитием общества, сопутствует процессу формирования государства в IX—X вв.³³

Можно было бы указать еще на несколько высказываний по этому вопросу, принципиально не слишком отличающихся от приведенных. Во всех них города выступают в основном в пассивной роли: они — порождение генезиса феодализма и процессов образования раннефеодальных государств. Это определение, без сомнения, верное, но одностороннее и не исчерпывает полностью диалектически сложного явления горообразование. Мы хотим обратить внимание читателя на другую сторону дела: города, в свою очередь, активно содействовали переходу от племенного деления к земельно-территориальному и, в конечном итоге, образованию государства. Они также способствовали развитию феодальных отношений, хотя бы отделению ремесла от сельского хозяйства и подъему торговли.

Д. А. Авдусин полагает, что «протогород не мог возникнуть раньше обособления ремесла и независимо от него, так как именно ремесло противопоставляет его деревне. До этого момента любой населенный пункт — сельский»³⁴. Это все так, однако оба процесса (горообразование и обособления ремесла), как нам думается, протекали параллельно.

К сожалению, процесс активного влияния городов и городского населения на создание областных территорий, возникновение государства и развитие феодальной формации прослеживается по источникам недостаточно четко. Напомним, что речь идет о периоде древнерусской истории, вообще слабо отраженном в памятниках письменности. Поэтому многое в предложенном нами взгляде на роль городов в образовании территорий-земель гипотетично.

В литературе отмечалось, что, судя по летописи, владение каким-либо городом всегда тождественно владению его округой (волостью, землей)³⁵. С. В. Юшков писал, например: «Территориальный округ, тянувшийся к городу, так тесно с ним связан, что когда говорят о передаче города, то это означает и передачу городской округи. Город без окружавших его земель в этот период (древнерусский.— *Авт.*) не мыслится»³⁶ (в общественном мнении.— *Авт.*). Наблюдение справедливое, хотя и не полное. Дело в том,

что города сами в значительной степени формировали принадлежавшую им волость*. Для подтверждения сказанного обратимся к источникам.

Уже первое известие в летописи об интересующем нас регионе сводится к указанию городов, представляющих эту территорию: «Иде Володимер к ляхом и зая грады их, Перемышль, Червен и ины грады» (981 г.; Повесть временных лет, ч. 1. М.-Л., 1950, с. 58; далее — ПВЛ). Это двойное упоминание о городах Червенской земли, думается, не случайно: хронист подчеркивал, что они олицетворяют эту землю. Когда в 1022 г. Ярослав Владимирович совершил неудачную попытку отбить у польских феодалов захваченную ими часть Волыни, летописец откликается на его демарш лаконичным сообщением: «Приде Ярослав к Берестию», т. е. к главному городу Берестейской земли (ПВЛ, 1, с. 99; аналогичное по смыслу сообщение читаем на с. 101, под 1030 г.: «Ярослав Бслзы взял»). Успешная операция возвращения в 1031 г. оккупированной войском Болеслава Храброго в 1018 г. Червенской земли опять-таки интерпретируется «Повестью временных лет» как овладение ее основными городами: «Ярослав и Мьстислав ... заяста грады Червеньския опять» (ПВЛ, 1, с. 101).

Выдающуюся роль городов в создании областных территорий летопись Нестора подчеркивает под 988 г., повествуя о новой системе управления развивавшимся Древнерусским государством. Владимир Святославич сажает сыновей по крупнейшим городам подвластной ему территории: «И посади Вышеслава в Новгороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове» (ПВЛ, 1, с. 83), т. е. в центрах уже сложившейся Новгородской и еще только складывавшихся Полоцкой**, Туровской и Ростово-Суздальской земель.

В завещании Ярослава Владимировича (1054 г.) впервые назван город Владимир — центр формирующейся в новых (по сравнению с прежними племенными) границах Волынской земли. Владимир Волынский получил Игорь (ПВЛ, 1, с. 108). Через четверть века город достался Ярополку Изяславичу, и киевский князь расширил его волость, «придав ему Туров» (ПВЛ, 1, с. 135), разумеется, с округой — Туровской землей.

* Недаром слово «волость» происходит от старославянского «власть» (владение, собственность): Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964, т. 1, с. 344.

** А. Е. Пресняков указывал, что Полоцкое княжество Изяслава, «городская волость Полоцкая», выглядит скорее новообразованием, чем какой-либо стародавней единицей» (Указ. соч., с. 94).

Когда территориальные объединения в Западной Руси стали уже реальностью,— конец XI в.— понятия город и волость рассматриваются летописцем как тождественные: «И рече Святополк, яко «поведа ми Давыд Игоревичь: яко Василко брата ти убил, Ярополка, и тебе хочеть убити и зяяти волость твою, Туров, и Пинеск, и Берестие, и Погорину» (1097 г.; ПВЛ, I, с. 174) *. Это тождество сохраняется и в период феодальной раздробленности, когда роль городов в обособлении княжеств и земель была особенно заметной. В 1150 г. Юрий Долгорукий дает сыну Андрею «волость: Туров и Пинеск, и Дорогобуж, и Пересопнищу. Андрей же, поклонився отцу, шед седе в Пересопнищи» ³⁷.

Отождествление понятий «волость» и «город» берет начало в раннем периоде истории Древнерусского государства. Во всяком случае, редакторы «Повести временных лет» не видели между ними большой разницы. Так, если в Лаврентьевском списке под 862 г. мы читаем: «И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро» (ПВЛ, I, с. 18), то в Ипатьевском списке параллельно с термином грады употреблен и термин волости: «И прия Рюрик власть всю один... и раздая мужем своим волости, и города рубати (повелел), овому Полътеск, овому Ростов, другому Белоозеро» (Летопись по Ипатскому списку. СПб, 1871, с. 11; далее — Ипат.).

Понятие «волость» постепенно отделяется от понятия «город» и изредка приобретает в источниках как бы самостоятельное значение. Так, под тем же 1150 г. киевский летописец сообщает, что Мстислав Изяславич сопровождал Глеба Юрьевича из Дорогобужа «до Коречьска; и тако проводив и за Корческ, и рече ему Мьстислав: «поеди же, брате, к отцю своему, а то волость отца моего и моя по Горину» (Ипат., с. 276). Характерно, что понятие «волость» во времена феодальной раздробленности связывается уже с конкретными границами. Но и в дальнейшем княжеская собственность, волость во многих случаях определяется в источниках при помощи указания ее основных городов. В 1152 г. Владимирко Галицкий клянется вернуть часть Воыни Изяславу Киевскому: «И пришед Изяслав Володимирю, посла посадники своя в города, на них же бяше

* В решении Любечского княжеского «снама» того же года понятие отчина-земля идентифицируется все с тем же понятием города: «Кждо да держит отчину свою: Святополк Киев Изяславлю, Володимер Всеволожу, Давыд и Олег и Ярослав Святославлю, а им же роздаял Всеволод города: Давыду Володимерь...» и т. д. (ПВЛ, I, с. 170—171).

хрест целовал Володимир, в Бужеск, в Шюмеск, в Тихомль, у Выгошев, у Гноиницю; и не да их Володимер» (Ипат., с. 313).

О значении городов в образовании территориальных объединений может свидетельствовать и тот факт, что древние племенные названия в летописях постепенно сменяются названиями, образованными от главных центров союзов племен, а затем и вновь сложившихся земель. Под 1152 г. Киевская летопись сообщает, что Изяслав Киевский пошел на Володимирка Галицкого: «И вшедше в землю Галичкую... Володимер не дадя в свою землю внити рати» (Ипат., с. 309).

На примере составной части Галичины — Перемышльской земли — удается проследить ход образования этой территории, бывшей одно время удельным княжеством. Летописные известия 981 и 1018 гг. как будто дают основания думать, что первоначально Перемышльская земля входила в состав Червенской (ПВЛ, I, с. 58, 97) *. Но уже в летописном сообщении 1097 г. Перемышльская земля выступает самостоятельно, ее олицетворяет главный город. В решении Любечского съезда читаем: «А им же роздал Всеволод города: Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володаревни, Теревовль Василкови» (ПВЛ, I, с. 171). Для летописца конца XI в. понятия города и сплотившейся вокруг него земли были уже идентичными. А через три года, под 1100 г., «Повесть временных лет» сообщает, что после Витичевского «снама» Владимир Мономах и Святополк Изяславич послали к Володарю сказать: «Помии брата своего Василка к собе, и буди вам едина власть (волость.— Авт.) Перемышль» (ПВЛ, I, с. 181). Как видим, к этому времени вокруг Перемышля сформировалась волость, ставшая уделом одного из Ростиславичей — Володаря.

Во времена феодальной раздробленности, наступившие с 30-х годов XII в., Перемышльская волость рассматривается на Руси уже как устойчивая территориально-государственная единица. Ее обычно именуют в летописи по названию главного города. В 1187 г. Ярослав Галицкий в своем

* Однако далеко не все историки разделяют подобное мнение. Так, специально исследовавший территорию «Червенских градов» Я. Д. Исаевич считает, что с самого начала Перемышль с округой составлял особую землю. См.: *Исаевич Я. Д. Грады Червенские и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX — начало XI в.)*. — В кн.: *Исследования по истории славянских и балканских народов: Киев. Русь и ее славянские соседи*. М., 1972, с. 110.

завещании записал: «Приказываю место свое (в Галиче.— Авт.) Олгови, сынови своему меньшему, а Володимеру даю Перемышль» (Ипат., с. 442). Галицко-Волынская летопись XIII в. рассматривает интересующую нас территорию или ее часть как «горную страну Перемышльскую» (Ипат., с. 525) и как одно из удельных княжеств Западной Руси. Владимир Василькович в конце 80-х годов XIII в. упрекает двоюродного брата Льва Даниловича: «Оже Берестья хочешь (Берестейской земли! — Авт.), а сам держа княжения три: Галичское, Перемышльское, Белзьское» (Ипат., с. 601).

Взаимосвязанность процессов образования территориальных объединений-земель и возникновения городов подтверждается, как мы думаем, также следующими соображениями.

Историки не раз пытались определить время начала интенсивного горообразования на Руси и вообще в Европе. Предлагалось, в частности, считать «гранью между тем периодом западноевропейской истории, когда она не знала городов как массового явления, и их массовым появлением» X—XI вв. Эта грань, естественно, относительна ввиду неравномерности общественно-экономического развития в разных странах. Например, в Италии города как ремесленно-торговые центры оформлялись уже в VIII в., а во Франции, Германии, Фландрии и Брабанте — только в X в.³⁸

Впрочем, согласно высказанному недавно болгарским ученым С. Н. Лишевым мнению, «болгарский средневековый город возник в результате развития славяноболгарской материальной культуры, разделения труда и сосредоточения собственного ремесленного производства в Плиске и Преславе в VIII—X вв.»³⁹. Неясно только, что имеется в виду автором этих слов — подлинные города или же их зародыши.

Для более конкретного установления времени появления подлинных раннефеодальных городов следует, по нашему мнению, связать это явление с хронологией создания их предшественников — зачатков городов или протогородов. Одной из наиболее аргументированных и последовательных представляется нам теория Н. Н. Воронина, созданная на основе компаративного изучения свидетельств письменных и вещественных источников. Ученый считал, что в VIII—IX вв. на Руси рождаются поселения, «которые мы можем назвать зародышами городов». Процесс же перерастания таких поселений в настоящие города был длительным и означал одновременно отделение города от деревни. Н. Н. Воронин обращает внимание читателя на слова

К. Маркса: «Целых три столетия понадобилось Германии для того, чтобы установить первое крупное разделение труда, каковым является отделение города от деревни»⁴⁰. На Руси, как полагал Н. Н. Воронин, процесс превращения зародышей городов в истинные города начался примерно в IX в. «и протекал весьма энергично. Уже для конца X и несомненно для XI в. мы можем с полной уверенностью констатировать сложение подлинных городов»⁴¹.

Сходную во многом концепцию предложил В. Хенсель. Он полагает, что на Руси, так же как, например, в Чехии (за исключением Моравии периода существования Великоморавского государства, где города появились раньше) и в Польше, зародыши городов возникают в VIII в. и отмирают в X в. Период X—XIII вв. — время существования настоящих раннефеодальных городов. Лишь для некоторых русских городских центров ученый допускает, что они развились непосредственно на основе раннесредневековых поселений VIII в., но не известно, зародышей ли городов⁴².

Иные хронологические рамки определяет для процесса горообразования другой польский историк А. Поплэ. Он тесно связывает город-эмбрион, или протогород, с будущим городом феодального общества, когда пишет, что генезис крупнейших центров, таких, например, как Киев, Новгород, Смоленск, Чернигов, Полоцк, приходится в зародыше на IX в., в основном же — на X в. А XI—XII вв. рассматривает как время дальнейшего роста старых городских центров и одновременно появления новых (среди них — Галича). Переломный момент в развитии городской жизни на Руси А. Поплэ видит в конце X — начале XI вв., отмечая при этом, что интенсивная урбанизация Древнерусского государства в XI—XIII вв. идет в ногу с феодальной раздробленностью⁴³.

Изложенные выше теории несколько абстрактны, поскольку исходят из общего течения процессов феодальной раздробленности в Европе и на Руси, в частности. Но ведь феодальные отношения на громадной территории Русской земли развивались вовсе не одинаково. Естественно поэтому, что зарождение и расцвет городов, связанные с конкретным развитием раннего этапа феодальной формации, должны были протекать по-разному и в разное время в различных районах Восточной Европы. По всей вероятности, установление четкой взаимосвязи между формированием территориальных объединений-земель и образованием городов может пролить дополнительный свет на хронологию этого явления применительно к отдельным регионам Русской земли.

По нашему мнению, временная связь между рождением городов и образованием вокруг них земель в ряде случаев выступает в источниках довольно четко. Не всегда, впрочем, она прослеживается буквально, поскольку глубинные процессы социально-экономического характера не нашли должного отражения в летописях, вследствие чего многие города, равно как и тяготевшие к ним земли, выходят на историческую арену как бы внезапно.

Установлено, что «Русская земля» в узком понимании этого термина (Киевщина, Черниговщина, Переяславщина) образовалась в IX в., «еще при хазарах, т. е. до Игоря и Олега, в эпоху спада хазарского преобладания». Безусловно, это явление вытекает из общего развития феодального способа производства в Среднем Поднепровье. «Внешние события — напор кочевников-угров, борьба с ними и с хазарами — стимулировали образование государства, включавшего три русских города, во главе с Киевом, объединения, из недр которого со временем возникли три феодальных полугосударства»⁴⁴.

Думается, столь раннее формирование «Русской земли» следует связывать и с интенсивным горообразованием в Среднем Поднепровье VIII—IX вв. Так, Чернигов упомянут в летописи под 907 г. уже как один из крупнейших городов Руси. Хотя археологически Чернигов изучен недостаточно, есть основания принять мнение Б. А. Рыбакова, согласно которому время основания города «теряется в глубокой древности»⁴⁵. Последние изыскания археологов дают основания полагать, что Киев в зародыше возник в конце V—VI вв.⁴⁶ По всей вероятности, это один из древнейших городов-эмбрионов на славянских землях вообще. VIII—IX вв. были временем перерастания Киева в настоящий феодальный город.

Не случайным кажется и то обстоятельство, что западная часть территории Владимиро-Суздальской земли сложилась довольно поздно, в XII — начале XIII вв. Ведь в современном Подмосковье зародыши городов возникают лишь в XI в. как опорные пункты славянской колонизации и административные центры племенных объединений вятичей и кривичей. С конца XI в. вследствие окняжения земель вятичей и кривичей на территории Подмосковья вырастают первые крупные города, опорные пункты княжеской администрации и хозяйственные центры⁴⁷. Интенсивное их развитие приходится на XII в. Эти города активно влияли на складывание тяготевшей к ним территории. Недаром М. Н. Тихомиров считал «замечательной особенностью в развитии городов Ростово-Суздальской земли... отсущ-

стве какого-либо одного бесспорно крупнейшего центра»⁴⁸.

Переходя к вопросу о генезисе галицких и волыньских городов, отметим, что, согласно компетентному мнению А. Н. Насонова, Галицкая и Волынская «области» родились исключительно как следствие развития «местных отношений: здесь, к тому времени, когда сюда проникло русское господство (т. е. распространилась власть киевских князей.— *Авт.*), уже существовали города с местным правящим классом феодалов, спаявшим, объединившим известную территорию, населенную восточными славянами: тиверцами, хорватами и др. Летопись называет их: Перемышль и Червен»⁴⁹. Как видим, А. Н. Насонов уверенно связывал образование западнорусских территориальных объединений с деятельностью городов, хотя основную роль в этом процессе и отводил усилиям правящего класса. Полагаем, что прежде всего эти территории сплотило развитие производительных сил, созидательная деятельность народных масс, главным образом ремесленников, составлявших значительную часть городского населения.

По мере выступления на историческую арену западнорусских городов оживляется процесс складывания окружавших их земель. Так, Червен и Перемышль впервые упоминаются в летописи под 981 г., а в конце X—XI вв. уже формируются соответствующие земли. Трудно сказать, лежат ли в основе названных городов протогорода или зародыши городов: археологи пока не обнаружили в Червене и Перемысле культурных слоев, датирующихся ранее X в.

Под 1018 г. впервые назван в «Повести временных лет» город Воынь: «Приде Болеслав с Святополкомъ на Ярослава с ляхы. Ярослав же совокупив Русь, и варягы, и словене, поиде противу Болеславу и Святополку, и приде Воыню, и стаха оба пол реки Буга» (ПВЛ, 1, с. 96—97). Но зародыш этого города существовал много раньше, о чем может свидетельствовать упоминание в недатированной части «Повести» племени воынян (ПВЛ, 1, с. 13). Тогда он был их племенным центром. Археологические раскопки показали, что ремесленное поселение Воыня существовало с VII в. и что, по крайней мере, с IX в., когда обозначилось его интенсивное развитие, имело укрепленный характер⁵⁰.

Волыньская земля как территориально-государственное образование, если судить по источникам, сформировалась позднее, в течение XI в. Первое упоминание о Волыньской земле встречается в летописи под 1077 г.: «Всеволод же иде противу брату Изяславу на Воынь» (ПВЛ, 1, с. 132). Вряд ли можно считать случайным, что Волыньская област-

ная территория формируется вслед за образованием раннефеодального города (в X — начале XI вв.), активно влиявшего, думается, на ее складывание.

Еще более отчетливо эта связь прослеживается на примере Галицкой земли. Город Галич выступает в источниках довольно поздно, под 1140 г. (Ипат., с 218). Первое достоверное летописное упоминание застаёт Галич княжеским городом, в котором сидит сын Володаря Владимирко. Делались различные, но неосновательные, как нам кажется, попытки «удревнить» этот город. Археологами установлено, что значительное и постоянное поселение ремесленного характера на территории позднейшего города существовало в VIII—IX вв. Не известно, однако, когда оно было укреплено и когда, следовательно, возник зародыш города, но доказано, что это поселение существовало непрерывно с VIII до XII вв.⁵¹

Столь позднее появление Галича на исторической карте удивляло некоторых исследователей. М. Н. Тихомиров писал, например, что хотя Галич появляется в летописи лишь в середине XII в., «оформление Галицкой земли в особую область произошло гораздо раньше, по крайней мере, в XI в.»⁵². Но есть основания считать Галицкую землю более поздним образованием, чем, например, Червенская и Перемышльская. Так, А. Н. Насонов, скрупулезно разобрав свидетельства источников, пришел к выводу, что будущая Галицкая «областная» территория в верхнем течении Днестра сложилась во второй половине XI — первой половине XII вв.⁵³ Как мы покажем ниже, это произошло еще позднее: в середине — второй половине XII в.

Галицкая земля выступает в летописи впервые почти непосредственно вслед за Галичем. Под 1152 г. киевский летописец записал следующее заявление великого киевского князя Изяслава Мстиславича: «Любо голову слою, любо налезу Галичьскую землю» (Ипат., с. 312). Естественно, что и город, и сгруппировавшаяся вокруг него волость возникли не внезапно, а постепенно, как можно судить по косвенным свидетельствам той же Киевской летописи.

И в случае с Галичем неясно, сформировался ли он на базе города-эмбриона или возник, минуя эту стадию. Уместно вообще обратиться к вопросу о времени вызревания зародышей городов или протогородов и их дальнейших судьбах в Волынской и Галицкой землях. Ведь отсчет времени горообразованием приходится вести именно от них.

Сходясь во мнении, что подлинному раннефеодальному городу обычно предшествовал его зародыш, большинство

авторитетов расходится в определении хронологии возникновения и существования последнего. Когда В. Хенсель решил назвать VII в. в качестве нижней хронологической черты бытования у славян этих протогородов, он тут же оговорился, что видит причину возникновения столь ранних зародышей городов в том, что они родились на славянских землях, граничивших с древними римскими провинциями на Дунае⁵⁴, следовательно,— под влиянием сложившихся ранее устойчивых форм городской жизни. Однако выдвигание в качестве одного из решающих признаков возникновения зародышей городов фактора внешнего влияния, сомнительное само по себе, опровергается следующими соображениями.

Выше указывалось, что протогород Кисва сформировался еще раньше времени, указанного В. Хенселем: в конце V—VI вв., хотя ни о каком непосредственном римском влиянии в этом случае не может быть и речи. Трудно говорить о подобном влиянии и в случае с Зимновским городищем VI—VII вв. (расположенным в 5 км от Владимир-Волынского), которое обладает несомненными признаками зародыша будущего раннефеодального города. Оно было укреплено деревянными стенами. Археологи обнаружили на городище богатый комплекс находок, в частности железные изделия в широком ассортименте, что указывает на развитое кузнечное ремесло. Развиты были также ювелирное и камнерезное ремесла, ткачество. По мнению руководившего раскопками В. В. Аулиха, Зимновское городище могло быть административным центром небольшого племени, входившего в дулебский союз племен⁵⁵. Трудно сомневаться в том, что город-зародыш, открытый археологами в Зимно, возник в результате действия глубинных социально-экономических процессов в начальный период формирования древнерусской народности и создания союзов восточнославянских племен. Нет ли связи, пусть и не буквальной, между этим зародышем города и будущим Владимир-Волынским!?

Можно согласиться с тем, что в Зимно находился один из племенных (скорее, межплеменных) центров восточных славян. Ведь «племенные» города были еще не городами в точном смысле слова, а зародышами городов. В качестве примера такого «племенного» города В. В. Карлов приводит древлянский Искоростень. Им, несомненно, был и Пересечен улицей, о котором мы знаем из сообщений Новгородской летописи под 922 и 940 гг.⁵⁶ и, конечно же, многочисленные города, отмеченные Баварским географом второй половины IX в. на землях бужан, волынян, тиверцев

и улицей⁵⁷. Впрочем, многочисленность этих городов в названном источнике настолько озадачила В. Хенслея, что он предлагает считать их не зародышами городов, а лишь основой таких зародышей. Как нам представляется, под многочисленными восточнославянскими «*civitates*» Баварского географа скрываются, по всей вероятности, и межплеменные, и племенные центры, и, быть может, даже центры отдельных значительных родов.

Археологи отмечают бурный рост зародышей городов. Но дальнейшая их судьба оказалась различной. Одни быстро превратились в города, у других «эмбриональный» период затянулся, третьи вовсе не сделались городами и исчезли⁵⁸. Им не нашлось места в новых территориальных объединениях — землях. К последним, кроме Зимно и Пересечна, можно причислить, например, открытые в Северной Буковине, в с. Ломачинцах Сокирянского района Черновицкой области остатки деревянной крепости IX в. и некоторые другие подобные памятники указанного региона. Согласно мнению Б. А. Тимощука, ряд укрепленных славянских городищ Северной Буковины датируется VIII—IX вв.⁵⁹ Примером зародыша, превратившегося в город, может быть городище VII—VIII вв. на территории Луцка⁶⁰, впервые упомянутое в летописи под 1085 г. К VII—VIII вв. отнесен археологами древнейший этап существования другого восточнославянского города — Плисна (вблизи с. Подгорцы Олеского района Львовской области), которое его исследователь М. П. Кучера склонен считать одним из дулебских племенных центров⁶¹.

По всей вероятности, абсолютное большинство зародышей городов так и не превратились в раннефеодальные города. И это не удивительно. Новые социально-экономические условия, интенсивное утверждение феодальных отношений требовали иных центров ремесленного производства, торговли, власти и пр. Как образно выразился В. В. Карлов, «всегда лишь счастливое сочетание» тех и других городообразующих признаков делало зародыш настоящим городом⁶².

Компаративное изучение письменных и вещественных источников позволяет предложить следующие хронологические рамки генезиса городов на территории Волыни и Галичины:

1. Появление зародышей городов: первых — VI—VII вв., в массовом количестве — VIII—IX вв.
2. Существование и развитие зародышей городов: VI—IX вв. включительно.
3. Начало перерастания их в раннефеодальные города:

вторая половина X — первая половина XI вв. По нашему мнению, невозможно провести общую хронологическую границу между зародышами городов и подлинными городами — ввиду неравномерности развития процесса перерастания первых во вторые в различных частях исследованного региона вследствие неравномерности развития феодализма в этих частях.

4. Формирование основной массы городов: вторая половина XI — первая половина XII в.

5. Увеличение общего количества городов под влиянием процессов феодальной раздробленности: вторая половина XII в. — первое сорокалетие XIII в.

Процессы горообразование на Руси были достаточно интенсивными, по темпам и размаху они не уступали аналогичным процессам в Центральной и Западной Европе. Недаром уже раннесредневековые западные источники упоминают Русь как страну городов. Старорунические надписи на территории Швеции X и XI вв. называют Русь «Gardar» (Грады). Со второй половины XI в. Древнерусское государство именуется в Дании «Ostrogard», «Austur—Gard», а в Исландии XIII в. — «Gardariki», т. е. страной городов⁶³. Хотя, по мнению большинства ученых, это наименование возникло благодаря непосредственному впечатлению скандинавов от обилия городов Северной Руси, есть определенные основания распространять его на остальные древнерусские земли, в частности — на Волынскую и Галицкую.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП СКЛАДЫВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ (ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРВЕНСКОЙ, БЕЛЗСКОЙ И ПЕРЕМЫШЛЬСКОЙ ЗЕМЕЛЬ)

Вряд ли сыщется в историографии Древней Руси более дискуссионная проблема, нежели проблема «градов Червенских». Вокруг нескольких предельно лаконичных упоминаний о них в «Повести временных лет» уже более ста лет продолжаются острые споры, выросла большая научная литература. Известный польский историк, академик Г. Ловмянский остроумно заметил по поводу этих дискуссий: «В конце концов в сообщении летописца * почти ничего не осталось такого, что бы не было подвергнуто сомнению; все было критиками заподозрено, все пересмотрено: и год, и цель, и характер, и результаты похода; вне подозрения осталось лишь имя Владимир... Есть опасения, что в данном случае критика переродилась в гиперкритицизм, в отрицание подлинности всех элементов текста, которые не соответствуют концепциям самих критиков, тогда как строгий исторический метод требует, чтобы наши концепции опирались на данные источников, а не наоборот»¹.

Действительно, чрезмерный скептицизм большей части исследователей мешал воссозданию реального процесса складывания западной части будущей галицко-волынкой территории, точно так же, как и неразборчивость при пользовании источниками, когда не видели разницы между авторитетными и сомнительными памятниками.

Как уже говорилось, раньше всего на Руси территориальные объединения-земли начинают складываться в Поднепровье (Киевская и Черниговская). Мы связываем это явление главным образом с консолидирующей ролью городов и прежде всего Киева — древнейшего городского центра у восточных славян. Территория Галицко-Волынкой Руси формируется позднее. Вначале оформляются ее западная и северо-западная части: Червенская, Белзская и Перемышльская земли.

* Речь идет о летописной статье 981 г.: «Иде Володимер к ляхом и зая грады их, Перемышль, Червен и ины грады» (ПВЛ, I, с. 58).

Прежде чем перейти к рассмотрению обстоятельств и хронологии образования названных территорий, стоит отметить, что в научной литературе прошлого придавали, на наш взгляд, слишком большое, чуть ли не самодовлеющее значение формированию отдельных земель, из которых затем сложились Воынь и Галичина. В подобном подходе был бы смысл, если бы источники давали четкое представление о политическом строе, общественном устройстве, рубежах, разграничивавших эти территории. Но сведений об этом в них нет. И для нас упомянутые земли важны, главным образом, потому, что впоследствии они вошли в крупные территориально-государственные объединения: Воыньское и Галицкое княжества, оказавшись в их фундаменте.

Да и сам характер известных памятников письменности не позволяет сколько-нибудь подробно изучать ранний этап истории каждой из этих земель по отдельности. Основной советский исследователь Червенской земли Я. Д. Исаевич писал, что древнейшие времена ее истории (до 981 г.) приходится штудировать совместно с другими западнорусскими землями (прежде всего Белзской и Перемышльской), потому что сведения источников касаются преимущественно более крупных территориальных комплексов².

Названная особенность свидетельств письменных памятников была одной из основных причин того, что автор специально посвященной Червенской земле монографии А. В. Лонгинов некритически распространял эти свидетельства на все западнорусские земли. Он полагал, что территория «Несторовых Червеньских градов» охватывала позднейшие Берестейскую, Холмскую, Белзскую, Галицкую, Перемышльскую, Звенигородскую, Воыньскую, Бужскую, Дрогичинскую, Теробовльскую земли³. Не говоря уже о том, что трудно сказать что-либо определенное относительно границ и хронологии сколько-нибудь самостоятельного существования части перечисленных земель, отметим, что, по существу, А. В. Лонгинов подменил понятие «Червенская земля» понятием «Западная Русь», без должных оснований отнеся известия летописи конца X — первой трети XI вв., касающиеся почти исключительно Червенских градов, ко всем другим не упомянутым в источниках (и в большинстве своем еще не сложившимся) соседним землям.

Необходимо заметить, что книга Лонгинова имела заметное влияние на последующих исследователей Червенской земли. Правда, ее территориальные рамки по Лонгинову вызвали сомнения даже у тех, кто в целом принял его взгляд на эволюцию складывания области Червенских

градов. Например, А. М. Андрияшев в вышедшей вскоре после появления труда Лонгинова книге не согласился с чрезмерно широким толкованием историко-географического понятия «Червенская земля» и предложил ограничить эту землю территориями позднейших княжеств Холмско-Червенского и Белзского (с Бужской землей), хотя и не аргументировал надлежащим образом свое мнение ⁴.

Серьезный недостаток работ дореволюционных исследователей интересующей нас проблемы состоял в анахроничности подхода к свидетельствам источников. Тот же Андрияшев определял рамки Червенской земли «вообще», пользуясь сведениями летописей как конца X, так и второй половины XIII вв. Так, ссылаясь на Галицко-Волынскую летопись конца XIII в., он писал, в частности, что северный рубеж Червенщины в X—XI вв. не переступал летописной реки Кросны, потому что Воишь, «село на Краищице», принадлежало к Берестейской земле ⁵.

Другим существенным изъяном дореволюционных работ о Червенской земле была недостаточная требовательность ученых при подборе самих источников. Сегодня каждый серьезный историк знает, что исследование такого рода следует строить на авторитетных источниках — «Повести временных лет», Киевской, Суздальской, Новгородской, Галицко-Волынских летописях и других аутентичных памятниках древнерусского периода. Источники же позднейшего времени приходится использовать с большой осторожностью. Вместо этого Лонгинов и другие дореволюционные ученые не делали различий между, например, «Повестью временных лет» и фольклорными произведениями гораздо более позднего времени: XVII, XVIII и даже XIX вв. Определяя западную границу Червенской земли, названный историк включал в нее Люблинскую землю на том основании, что Богдан Хмельницкий полагал, будто Русь доходила до Вислы, и что народные предания придерживаются аналогичного мнения. Отталкиваясь от подобных, интересных самих по себе, но бездоказательных аргументов, Лонгинов свел определение западного рубежа Червенщины к определению... западных же пределов Люблинщины ⁶. Понятно, что подобное некритическое отношение к источникам и привело ученого к чрезмерному расширению территориальных рамок Червенской земли.

И в этих выводах А. В. Лонгинов не был одинок среди ученых последней четверти XIX в. В своем желании отодвинуть как можно дальше на запад рубеж Червенщины А. И. Добрянский безапелляционно проводил границу между Русью и Польшей возле Кракова и называл его погранич-

ным польским городом возле русского кордона. При этом он также широко использовал источники сомнительной достоверности⁷.

Следует отметить, что известия аутентичных источников о Червенской земле исключительно лаконичны и не отличаются историко-географической конкретностью. Сам термин «Червенская земля» нам удалось встретить в летописи лишь однажды, в записи начала 20-х годов XIII в.: «Данилу же князю воевавшю с Ляхы землю Галичкую и около Любачева и плени всю землю Бельзеськую и Червеньскую» (Ипат., с. 498). То были времена, когда Червенская земля давно уже не играла сколько-нибудь значительной роли и была скромным уделом в Волынском княжестве. В летописных же записях поры ее экономического и политического подъема она называлась «Грады (города) Червеньская» (ПВЛ, I, с. 97, 101).

Впрочем, первое упоминание об интересующей нас территории сформулировано в «Повести временных лет» несколько иначе: «Иде Володимер к Ляхом и зая грады их, Перемышль, Червен и ины грады, иже и до сего дне под Русью» (ПВЛ, I, с. 58). Почти идентичная формулировка встречается в столь авторитетном источнике, как «Летописец Переяславля Суздальского»: «Понде Владимир к Ляхом и взя град их Премышль, Червен и ины грады»⁸.

Однако в рассказе той же «Повести временных лет» об отвоевании спорной территории польским войском в 1018 г. употреблена иная формулировка: Болеслав Храбрый «города Червеньская зая собе» (ПВЛ, I, с. 97). Эту же формулировку видим в названном источнике под 1031 г.: «Ярослав и Мьстислав собрата вой мног, идоста на Ляхы, и заяста грады Червеньская опять» (ПВЛ, I, с. 101).

По-видимому, благодаря этим двум летописным свидетельствам в научной литературе утвердился термин «Червенские грады». Однако до сих пор никто из ученых не дал четкого ответа на естественный вопрос: какие именно города, кроме Червена, входили в их число. Первое летописное упоминание о занимающей нас территории называет, наряду с Червеном, и Перемышль. Но это не дает серьезных оснований считать Перемышль одним из червенских городов, хотя бы потому, что в конце XI в. он имел на Руси куда большее значение, чем сам Червен. В Перемышле тогда существовал княжеский стол, на котором сидел один из Ростиславичей, Володарь. Точно так же недостает доказательств гипотезе М. Кордубы относительно вхождения Белза в состав Червенских городов в 1030—1031 гг.⁹

Некоторые исследователи называют среди Червенских градов Столибе, Угровеск, Верешин, Комов, т. е. города, упоминающиеся в летописи лишь с начала XIII в., а также Сутейск, выступивший на политической арене с 1069 г.¹⁰ Понятно, что лишь Сутейск мог принадлежать к Червенским городам 60-х годов XI вв., да и то нет уверенности в том, существовал ли он раньше середины XI в. Выдвигалось предположение, будто бы Сутейск построен в 30-х годах XI в. Ярославом Мудрым, однако оно не имеет весомых оснований¹¹.

В связи с изложенным важно подчеркнуть необходимость изучения любой территориальной единицы, в частности Червенской земли, только в ее историческом развитии, в динамике, а не в статической застылости. Между тем этой динамике лишены основные труды дореволюционных ученых о Червенщине. Вместо того, чтобы попытаться определить ее границы сначала до конца X — первых десятилетий XI вв., а затем для позднейших периодов (каждого в отдельности), рубежи названной территории определяются обычно суммарно, при использовании всего фонда источников X—XIII вв.

Известный польский историк А. Поппэ справедливо заметил, что если известия о пределах Червенских градов первой трети XI в. очень неопределенные, то данные о Червенской земле начала XIII в. уже таковы, что ее размеры можно установить достаточно подробно. Но оба эти понятия вовсе не обязательно должны быть тождественными, хотя ученый и называет достойной внимания точку зрения, согласно которой Червенские грады «Повести временных лет» — это Червенская земля Галицко-Волынской летописи первой половины XIII в.¹²

Приступая к исследованию обстоятельств и времени складывания древнейшего территориального ядра Галицко-Волынской Руси, необходимо учесть, что Червенская, так же как и Перемышльская и Белзская земли, лежали на западной оконечности восточнославянского региона и служили предметом соперничества между Русью, Чехией, Польшей и Венгрией. Это обстоятельство, в частности, не могло не повлиять на характер зарождения западнорусских городов, многие из которых развились из порубежных замков.

Для темы нашего исследования особенно важны границы Червенских градов X—XI вв. Ведь это одна из старейших земель на площади будущей Волыни. Вероятнее всего, именно Червенские грады положили начало позднейшей Волынской земле.

Роль Червена как организующего ядра Червенской земли пока не выяснена. Он никогда не был и центром значительного княжества. Правда, во второй половине XII — начале XIII вв. Червен представлял собой стольный град небольшого удела в Волынском княжестве, но как политический центр находился в глубокой тени города Владимира. Все это дает основания А. Поппэ решительно не согласиться с распространенным в науке мнением об организующей роли этого скромного города в процессе формирования Червенской земли¹³. Этому ученому принадлежит гипотеза, в соответствии с которой в летописных текстах 1018 и 1031 гг. само понятие «грады Червенские» возникло ошибочно, вследствие неверного прочтения позднейшим редактором или переписчиком словосочетания «Червен и ны грады»¹⁴.

Думаем, однако, что дело состоит не столько в ошибке (самой по себе весьма возможной), сколько в сознательной подмене одного понятия другим. Выше упоминалось о том, что древнерусские летописцы отождествляли слова «град» и «земля» (или «волость»). Понятно поэтому, что Нестор (или его продолжатель) распространил название Червена на прилегавшую и тяготевшую к этому городу территорию, вследствие чего и родилось парадоксальное, на первый взгляд, словосочетание «грады Червенские», хотя никаких других городов в этой земле конца X — начала XI вв., кроме самого Червена, никому из историков и археологов не посчастливилось выявить.

Расположенный при впадении р. Синюхи в р. Гучву, левый приток Западного Буга, как окончательно установлено при помощи археологических и топографических исследований, Червен в момент своего выступления на историческую арену был очень молодым городом. Поселение на его месте возникло в IX в., однако было укреплено (и превращено в город) не ранее второй половины X в.⁵, т. е. непосредственно перед походом Владимира Святославича на Запад в 981 г. Более того, А. Поппэ небезосновательно считает, что город Червен возник лишь в последней четверти X в., во времена соперничества Древнерусского и Польского государств за земли между Бугом и Вепрем¹⁶.

Это наводит на мысль, что Червенская земля к 981 г., когда вспыхнула война между Русью и Чехией, пока только находилась в процессе формирования. Ее главный город еще не мог успеть консолидировать и сплотить прилегавшую к нему территорию. А после 1031 г. известия о Червенских градах вообще исчезают из летописи. Вместо этого несколько раз упоминается сам Червен и далеко не всегда

в качестве центра удельного княжества. Поэтому имеются все основания согласиться с хорошо обоснованным выводом Я. Д. Исаевича, согласно которому «Червенские грады — сравнительно небольшое и недолго существовавшее территориальное объединение на западной окраине древней Волыни»¹⁷. Именно как часть Волыни, с которой, по всей вероятности, начиналось складывание Волынской областной территории, мы и рассматриваем эту землю.

Переходя к определению границ Червенщины, обратим внимание на город, хотя и не принадлежавший, скорее всего, к Червенским градам, но по времени политического подъема синхронный Червену и, вне всякого сомнения, имевший с ним экономические и политические связи. Речь идет о Волыне, древнем центре племенного союза волынян.

Стоявший неподалеку от Червена, на той же реке Гучве, при ее впадении в Западный Буг, град Волынь издавна привлекал внимание исследователей. Его местоположение было впервые установлено Адамом Чарноцким, писавшим под псевдонимом Зорнана Доленги-Ходаковского. Решающим аргументом в пользу подобной локализации стал текст документа польского короля Станислава II Августа 1546 г., в котором названо рядом с селом Грудек «городище Волыньское»¹⁸ (ныне Грудек Надбужный, вблизи Грубешова, ПНР). Чарноцкий изучил Волыньское городище и высказал предположение, что город был завоеван Владимиром Святославичем в 981 г., вместе с Червеню и Перемышлем (вспомним слова летописца: «и ины грады». — *Лвт.*); укрепления его были разрушены князем, разгневанным упорным сопротивлением волынян¹⁹.

Последнее предположение Чарноцкого, не имевшее под собой ничего, кроме интуитивных догадок, оказалось при его проверке не столь уж безосновательным. В течение 1952—1955 гг. Волыньское городище исследовала группа польских археологов во главе с профессором З. Раевским. Сохранившиеся валы города суммарно датированы ими XI в. Вместе с тем «Повесть временных лет» начала XI в. упоминает Волынь как укрепленный город, форпост Киевской Руси вблизи ее западных рубежей (ПВЛ, I, с. 96—97). Значительная роль Волыни во время войны Ярослава Мудрого с Болеславом Храбрым 1018 г. может свидетельствовать о том, что и в начале XI в. город имел укрепления²⁰.

Хотя археологи и не обнаружили в Волыне фортификационных сооружений, возведенных ранее XI в., высказывалось мнение, что остатки старых укреплений уничтожили, расчищая площадку для строительства новых, и что ремес-

ленное поселение, существовавшее на этом месте с VII в., по крайней мере с IX в., когда оно было достаточно развито, имело укрепленный характер. Однако град Волынь в качестве ремесленно-торгового центра остановился на каком-то этапе своего развития. Это произошло намного позже времени, о котором рассказывается в данной главе, а именно в середине XIII в., когда Волынь оттеснил на второй план Грубешов²¹.

Приходится признать, что и Червен, и Волынь играли важную роль как территориальные центры лишь не позже первой четверти XI в. Далее оба города отходят в тень нового экономического, социального и политического образования, вокруг которого сформировалась Волынская земля,— города Владимира.

Едва ли не главной причиной быстрого упадка Червена и Волыни следует считать их недостаточно выгодное экономическое расположение, вследствие чего они оказались центрами малосильных сельскохозяйственных округ. А это, в свою очередь, отрицательно влияло на развитие ремесел, промыслов и торговли. Поэтому-то оба города останавливаются на половине пути своего общественно-экономического развития, а их место территориальных средоточий заняли другие — прежде всего Владимир.

Стремясь к возможно более полным характеристикам земель, из которых впоследствии сложилась территория Галицко-Волынской Руси, нельзя не пытаться установить хотя бы приблизительное прохождение их рубежей. При этом мы руководствовались указанием В. И. Ленина, что на начальных этапах истории человечества «горы, реки и моря служили неимоверно большими препятствиями, чем теперь, и образование государства шло в пределах географических границ, гораздо более узких»²².

Историки обычно рассматривают природно-географические условия не только как второстепенные, но и среди второстепенных отодвигают их на задний план, опасаясь, как бы их не упрекнули в географическом детерминизме. О несостоятельности подобных опасений писал Б. А. Рыбаков: «У нас, как мне кажется, существует некоторая боязнь географического фактора... Как только мы обращаемся к более ранним эпохам, начинается эта робость, опасение обвинений в переоценке географического фактора. Хотя на самом деле отрыв от географического фактора — это отход от реализма, изучение общества вне той среды, которая влияла на его формирование. Чем дальше мы углубляемся в глубь веков, тем важнее учет географического фактора»²³.

Исследование значительного фонда источников XII—XVI вв.: летописей, агиографической литературы, актового материала, записей иностранцев приводит к выводу, что многие из этих источников отмечали большое значение в истории Восточной Европы «злых лесов и болот» как «вековых рубежей городу с городом»²⁴.

Определение рубежей Червенской земли X—XI вв. чрезвычайно затруднено бедностью и неконкретностью свидетельств источников. Осторожно используя ретроспективный метод (т. е. принимая в расчет сведения о пределах Червенских градов XII—XIII вв.), ученые в последнее время пришли к выводу, что восточная граница * Червенской земли проходила по Западному Бугу, северная достигала области позднейших городов Угровеска, Верещина и Комова, западная прилегала к р. Вепрю, южная стыковалась с рубежом Белзского княжества, которое большинство историков рассматривает как отдельное территориально-политическое образование начала XI в.²⁵

Не может быть принятым мнение польского ученого С. Кучиньского, утверждавшего, что в X в. рубеж между польскими племенными союзами мазовшан и лендзян, с одной стороны, и бужанами (в территории которых они видят Червенскую землю) — с другой, проходил восточнее линии, образуемой позднейшими городами Дрогичин, Бересть, Луцк, Перемышль, и безоговорочно включавшего в состав польской территории подлинные Червенскую, Перемышльскую и Белзскую земли²⁶. Ученый совершенно не учитывает свидетельств археологии и произвольно толкует письменные источники, прежде всего «Повесть временных лет». Согласно авторитетному мнению польского академика Г. Ловмянского, червенские поселения были отделены от сплошной польской территории полосой безлюдных или полубезлюдных лесов вдоль р. Вепря²⁷.

У нас нет возражений против утвердившейся в науке и приведенной выше локализации Червенщины, хотя кое-что, в частности северный рубеж, вызывает сомнения. Но при нынешнем состоянии фонда письменных и вещественных источников не представляется возможным существенно уточнить пределы Червенской земли. В особенности это касается ее западной границы.

Впрочем, установление более точных границ земель наталкивается не только на трудности, определяемые скудностью и неконкретностью сведений источников. Как из-

* Необходимо учитывать всю условность и относительность этого понятия для периода раннего феодализма.

вестно, для средневековья увереннее всего фиксируют прохождение тех или иных рубежей пограничные города. В Червенской же земле конца X—XI вв. мы не знаем подобных городов. Положение изменяется только в XII веке.

Начиная характеристику Белзской земли, отметим, что одно время ее считали одной из двух главных частей земли Червенской — другой была территория самих Червенских градов²⁸. Исходя из контекста сообщений «Повести временных лет» начала 30-х годов XI в., можно, действительно, допустить, что Ярослав Мудрый вернул Руси Червенскую землю двумя походами. Под 1030 г. источник отмечает: «Ярослав Белзы * взял», а под следующим, 1031 г., сообщает об овладении Ярославом и Мстиславом Владимировичами «градаами Червенскими» (ПВЛ, I, с. 101). Но уверенности в подобном понимании этих известий летописи у нас нет. По крайней мере, можно полагать, что в начале 30-х годов XI в. Белз, как и Червен, имел немаловажное значение среди западнорусских городов.

Упоминание летописи о Белзе, к сожалению, остается единственным не только для XI, но и для первой половины XII в. Следующее по времени летописное известие об этом городе содержится в Киевском своде под 1150 г. («Володимир же в то время стояше у Белза» — Ипат., с. 282), а сообщение того же источника под 1188 г. характеризует его как княжеский стол, мало чем уступавший самому Владимиру Волынскому: «Роман же еха в Володимерь (княжити.— Авт.), а Всеволод в Белз» (Ипат., с. 446) — речь идет о братьях, сыновьях Изяслава Мстиславича. Всеволод получает Белз как компенсацию за отданный Рюриком Ростиславичем Роману Владимир.

Центром удельного княжества Белз оставался до конца XIII в. В 1288 г. смертельно больной волынский князь Владимир Василькович укорял своего корыстолюбивого двоюродного брата Льва Даниловича: «Оже Берестья хочшь, а сам держа княжения три Галицькос, Перемышльское, Белзьское» (Ипат., с. 601. Аналогичное по смыслу упоминание о Белзе см. на с. 611).

А. Поппэ принадлежит интересное наблюдение над динамикой взаимоотношений Червена и Белза. Анализируя свидетельства летописей, польский историк пришел к выводу, что «политический упадок Червена был тесно связан с выростанием Белза, который с начала XI в. по своему значению был равен Червену. Уже в первой половине

* Не Белз, а «Белзы», т. е. Белзскую волость. Правда, в Ипатьевском списке «Повести» — «Белз» (Ипат., с. 105).

XIII в. Червен и Белз образовывали единый княжеский удел, причем все выразительнее выступала роль Белза как главного центра этого удела»²⁹.

Однако эта мысль не вполне согласуется с рядом сообщений Галицко-Волынской летописи. Временами из названных двух городов действительно упоминается один Белз, что дает определенные основания считать его средоточием объединенной Червенско-Белзской земли. Но в других случаях эти земли выступают в источнике по отдельности. Так, в записи середины 20-х годов XIII в. читаем: «Данилу же князю восвавшю с Ляхы землю Галичькую и около Любачева, и плени всю землю Галичькую и Червеньскую» (Ипат., с. 498). Аналогично содержание летописного сообщения 1288 г., в котором вне всякого сомнения названы города-столицы удельных княжеств. Юрий Львович жалуется на отца Владимиру Васильковичу: «Отнимать у мня города, что ми был дал, Белз, и Червен, и Холм» (Ипат., с. 599).

Поэтому естественнее всего считать, что Белз и Червен в эпоху феодальной раздробленности были столицами мелких удельных княжеств, которые при нескончаемых переходах земель от одного князя к другому временами могли объединяться в одно княжество, иметь общий княжеский стол.

Археология кое-что прибавляет к исключительно скудным известиям летописей о Белзе. Город был расположен в болотистой местности, на полуострове, образованном слиянием рек Солокии (приток Западного Буга) и впадающей в нес Речицы. Здесь сохранилось городище четырехугольной формы. С трех сторон его окружал вал, с четвертой город был защищен естественной крутизной склона. Есть основания считать, что на вале стояла деревянная стена — заборол. Внутри Белз был разделен еще одним валом, который, по всей вероятности, отделял детинец от окольного града. При земляных работах на городище находили пряслица из белого и розового шифера, стеклянные бусины, фрагменты керамики древнерусской эпохи³⁰. Во время раскопок в 30-х годах нашего столетия обнаружены боевая секира, нож, оловянная вислая печать³¹. Город был разрушен ордами Батыея в 1241 г., но, по свидетельству Галицко-Волынской летописи, его затем отстроили. К сожалению, систематические археологические исследования Белза не проводились.

Впоследствии, когда начала складываться территория Волыни, Белз стал ее порубежным городом-крепостью на границе с Галицкой землей, аналогично другому городу на

Западном Буге — Бужску (не раз переходившему от волыньских князей к галицким). Когда в 1097 г. Давид пытался отнять у ослепленного им Василько Терсбовльскую волость, «усрете и Володарь, брат Василков, у Божьска» (ПВЛ, 1, с. 176).

Не представляется возможным установить пределы Белзской земли — даже с той приблизительностью, с какой это сделано в отношении рубежей земли Червенской. Я. Д. Исаевич резонно, на наш взгляд, считает, что без серьезных археологических исследований «трудно сказать что-либо определенное о времени выделения Белзской земли в особый территориальный комплекс и о его границах. Полагаем, что первоначально район, тяготевший к Белзу, не переходил за Буг». Ученый выдвигает интересную гипотезу, согласно которой Белзская земля играла роль связующего звена между Перемышльской и Червенской землями³².

Принимая в целом это мнение, добавим, что источники дают основания считать наиболее северным городом Белзской земли Всеволож, наиболее южным — Бужск. Из сообщения «Повести временных лет» под 1097 г. видно, что это был в широком смысле волыньский город: Давид обещал Василько «который ти город люб, любо Всеволож, любо Шеполь, любо Перемиль» (ПВЛ, 1, с. 175—176). Но запись того же источника под тем же годом уточняет, что Всеволож являлся пограничным городом Давида, сидевшего во Владимире Волыньском: «И наставши весне, приде Володарь и Василко на Давыда, и придоста ко Всеволожу, а Давыд затворился Володимери. Онема же ставшима около Всеволожа, и взяста копьем град и зажгоста огнем, и бегоша людье огня» (ПВЛ, 1, с. 177).

Долгое время ученые (М. П. Погодин, Н. И. Надеждин, К. А. Неволин, Н. П. Барсов, А. М. Андрияшев, А. Н. Насонов) безуспешно спорили относительно местонахождения этого города. В свое время П. А. Раппопорт, внимательно изучив все прямые и косвенные известия о Всеволоже, предложил считать его остатками значительное древнерусское городище на левом берегу Западного Буга в 35 км к югу от Владимира. Это городище имеет в длину около 150 м и окружено по периметру валом (о наличии укреплений свидетельствует также приведенный выше рассказ летописи о штурме города войском Ростиславичей). Обнаружен культурный слой X—XI вв. Ученый связывает название Всеволожа с именем Всеволода Владимировича, княжившего во Владимире Волыньском в конце X в.³³ (Под 988 г. в «Повести временных лет» читаем, что Владимир

Святославич «посадиша... Всеволода Володимери» — ПВЛ, I, с. 83).

После разрушения Всеволожа Володарем и Василько в 1097 г. город был отстроен, но не играл заметной роли в общественно-политической жизни западнорусских земель. Около 1287 г. он упоминается в Галицко-Волынской летописи как волынский город, самовольно захваченный Мстиславом Даниловичем. Смертельно больному Владимиру Васильковичу «поведаша: брат ти дасть город Всеволож бояром и села роздавать» (Ипат., с. 592).

Древний племенной центр бужан, Бужск гораздо позднее — болес чем на столетие! — в сравнении с другими племенными центрами: Пересечном (922 г.), Перемышлем и Червеном (981 г.) выступает на страницах летописи. М. Н. Тихомиров был уверен, что этот город возник намного раньше первого упоминания о нем в источниках под 1097 г., «так как название Бужск тесно связано с племенным прозвищем бужан,.. в стране которых надо искать первые государственные объединения среди восточных славян»³⁴. Однако до сих пор это мнение остается недоказанным.

Древнерусский Бужск локализуется на месте современного города Буска Львовской области. Там обнаружены два городища, одно из которых находится на мысе при впадении р. Полтвы в Западный Буг. Это небольшое городище (имевшее форму срезанного конуса) разрушено при позднейших земляных работах. Другое городище четырехугольной формы расположено на высокой террасе правого берега Западного Буга. Оно больше первого и, по всей вероятности, возникло позднее его. В нынешнем городе Буске при различных работах выявлены керамика времен Киевской Руси, а также железная боевая секира³⁵.

Пограничное, как уже отмечалось, расположение Бужска зафиксировано летописью. В XII в. из-за него соперничали галицкие и волыньские князья. Временами на него распространялась власть великого киевского князя. Под 1152 г. Изяслав Мстиславич Киевский, победив Владимирко Володаревича Галицкого, «посла посадники своя в городы.. в Бужеск, в Шюмеск, в Тихомль, у Выгошев, у Гноиницю» (Ипат., с. 313). Интересно отметить, что все, кроме Бужска, названные города были близки к границе Киевской земли.

Киевская летопись конца 60-х годов XII в. сообщает, что Бужск был стольным градом удельного княжества, где тогда сидел сын Изяслава Ярополк (Ипат., с. 361). Следовательно, овладев этим городом, находившимся вдали от га

лицко-киевского порубежья, киевский властелин превратил его в надел для своего сына, создав великокняжеский форпост в сердце Западной Руси.

К 1171 г.* Бужск был возвращен Ярославом Галицким, но киевские князья не переставали претендовать на него. В том же году княгиня Ольга, жена Ярослава Владимировича, вместе с сыном Владимиром и ближними боярами бежит в Польшу. Оттуда Владимир посылает к сыну великого князя киевского Мстислава Изяславича Святославу, предлагая ему следующую сделку: «Аже ти сяду в Галичи, то Бужьск твой возъворочю и 3 города придам к тому». Святослав же да ему и крест к нему целова помагати ему» (Ипат., с. 384—385).

Дальнейшая судьба Бужска неясна. Если он и сделался киевским городом после смерти Ярослава Галицкого и вокняжесия в Галиче Владимира, то не навсегда. Из единственного для XIII в. упоминания летописи о нем (первая половина 30-х годов) можно заключить, что город оставался во владении галицко-волинских князей (Ипат., с. 513—514).

В связи со сказанным нет оснований согласиться с мнением М. Н. Тихомирова относительно значения Бужска в истории Юго-Западной Руси: «Во второй половине XII в. в нем сидят порой отдельные князья, но это все-таки второстепенный центр, каким он и остается в течение всего киевского времени»³⁶.

Упорное стремление занимавших киевский стол князей из династии Мономашичей владеть этим городом бросает свет на его подлинное — важное стратегическое значение в борьбе между киевскими и галицкими князьями за первенство на южнорусских землях. Иное дело, что во времена феодальной раздробленности Белзская земля растворяется в возникшей позднее Волынской земле.

К древнейшим территориальным объединениям на пространстве будущей Галицко-Волынской Руси принадлежит Перемышльская земля — «горная страна Перемышльская», как называет ее галицкий летописец XIII в. Исходя из того что в первом известии «Повести временных лет» о Перемышле 981 г. он назван даже перед Червеном (ПВЛ, 1, с. 58), можно допустить, что уже тогда город был центром особой земли³⁷.

Само наименование Перемышля носит следы чешского влияния. Польский историк XV в. И. Длугош считал даже,

* Здесь и далее датировки событий летописцами уточнены по исследованию Н. Г. Бережкова (*Бережков Н. Г. Хронология русского летописания.*— М., 1963).

что город освоен чешским князем Пржемыслом³⁸. Я. Д. Исаевич резонно предполагает, что Перемышль мог быть заложен Болеславом II из династии Пржемысловичей и назван в честь ее основателя. Представляется возможным пребывание Червенских градов и Перемышльской земли в сфере политического влияния Чешского государства накануне закрепления этой территории за Киевской Русью в 981 г.³⁹

Ученые отметили выгодное географическое положение Перемышля, возле которого проходил древний торговый путь из Регенсбурга через Прагу и Краков на Русь⁴⁰. К сожалению, археологическая изученность Перемышля оставляет желать много лучшего. Согласно материалам раскопок, город возникает во второй половине X в. Мощные земляные валы окружали площадь около одного га. В X—XI вв. (возможно, между 1018 и 1030 гг.) построена одноабсидная церковь-ротонда. Известна также церковь, возведенная, вероятно, при Володаре Ростиславиче (умер в 1124 г.). Городская застройка в первой половине XIII в. охватывала более 30 га. На замковой горе открыты остатки укрепленного княжеского дворца в детинце. Под горой расположено Подградье⁴¹.

Летописи отражают процесс постепенного сплочения Перемышльской земли вокруг ее главного центра. Известие «Повести временных лет» под 1086 г. сообщает, что в Перемышле тогда уже существовал княжеский стол, на котором сидел старший из братьев Ростиславичей — Рюрик. В том году убийца Ярополка Всеволодовича Перядец «бежа... Перемышлю к Рюрикови» (ПВЛ, 1, с. 136). Когда в 1092 г. Рюрик умер, его княжеское место переходит к следующему по старшинству брату — Володарю. В решении знаменитого Любечского съезда 1097 г. отмечено: «Каждо да держить отчину свою, ... а им же роздаял Всеволод (Ярославич.— Авт.) города: Давыду Володимерь, Ростиславичема Перемышль Володареви, Теревовль Василкови» (ПВЛ, 1, с. 170—171). Всеволод Ярославич скончался в 1093 г., следовательно, Володарь получил Перемышльскую землю в 1092—1093 гг.; в Любече Перемышль был уже признан наследственным владением Ростиславичей.

Княжеский стол в Теревовле, по нашему мнению, не имел самостоятельного значения, будучи в подчинении вначале Перемышля, а затем, когда возник Галич — этого стольного града Галицкой земли. Не последнюю роль в этом сыграло его крайнее положение — на границе с Киевщиной. Теревовль оставался пограничным городом и после образования Галицкой земли. В 1153 г. Изяслав Мсти-

славич Киевский пошел войной на Ярослава Владимировича Галицкого. Противники встретились на р. Серете, у Теробовля, т. е. на границе Галицкого княжества. Потерпевшие поражение «галичане въбсгоша тогда в город свой Теробовел» (Ипат., с. 322). Прав был А. Н. Насонов, называя Теробовль «воротами в Галицкий край»⁴². Об этом, в частности, свидетельствует наличие укреплений на обоих берегах Серета⁴³, что должно было затруднить врагу преодоление Теробовльской твердыни.

На второстепенное положение Теробовля в Перемышльской земле, на наш взгляд, указывают слова Владимира Мономаха и Святополка Изяславича, сказанные Володарю после Витичевского княжеского «сняма» 1100 г.: «Поими брата своего Василка к себе, и буди вама едина власть (волость.— *Лвт.*) Перемышль» (ПВЛ, 1, с. 181). Этими словами Перемышльская земля признается волостью, т. е. государственной территорией. Согласно определению А. Н. Насонова, «государственная территория — это территория, входящая в состав данного государства, население которой подчиняется власти государства, иными словами, это — территория, население которой в интересах господствующего класса подчинено публичной власти, возникшей для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое население, творящей суд и устанавливающей всякого рода поборы»⁴⁴.

Не следует придавать этим словам самодовлеющего значения. В общем смысле государственной территорией восточных славян была территория Киевской Руси, но она складывалась из меньших государственных территорий — земель, имевших свой государственный аппарат, хотя и зависимый в большей или меньшей степени от киевского центра.

Перемышльская земля сохраняла несколько обособленное положение и в составе Галицкой земли, сложившейся в XII в. Когда в 1156 г. киевский князь Изяслав Мстиславич пошел на своего брата Владимира, сидевшего во Владимире Волынском (летописец почему-то называет его «стрыем», т. е. дядей Изяслава), тот «утече Перемышлю, ...оттуда бежа в Угры к королеве зятеви своему» (Ипат., с. 333).

В Галицком княжестве эпохи его расцвета при Ярославе Владимировиче (названном в «Слове о полку Игореве» Осмомыслом) Перемышль — центр удельного княжества — был вторым по значению городом этого, государственно-территориального объединения. В своем завещании (1187 г.) Ярослав повелевал: «Приказываю место свое

(в Галиче.— *Авт.*) Олгови сынови своему меншему, а Володимеру даю Перемышль» (Ипат., с. 442).

В 1211 г. во время боярской смуты в Галицкой земле вокняжились три брата Игоревичи, сыновья Игоря Святославича: «Седе же Володимер в Галиче, а Роман во Звенигороде, а Святослав в Перемышли, а сыну своему да Теробовль Изяславу» (Ипат., с. 484). А в 1227 г. овладевший Галичем Мстислав Мстиславич Удалой «по совете льстивых бояр Галичких вда дщерь свою меншую за королевича (венгерского.— *Авт.*) Андрея, и дасть ему Перемышль» (Ипат., с. 499).

В Перемышле сосредоточивалась враждебная центральной власти Галицкого княжества боярская оппозиция. В конце 1230 — начале 1231 гг. Александр Всеволодович Белзский после неудачной попытки сбросить с галицкого стола Даниила Романовича «выбгьшу в Перемышль к съветником своим (т. е. оппозиционным Даниилу боярам.— *Авт.*), а Василко прия Белз» (Ипат., с. 509).

После нашествия полчищ Батыя на Русь боярская анархия в Галицкой земле разыгралась с новой силой, и Перемышль стал одним из ее главных очагов. Крупный земельный магнат «Григорья же Васильевичь себе горную страну Перемышльскую мышляше одержати» (Ипат., с. 525), т. е. сделаться удельным князем. Даниил Романович сумел подавить боярский мятеж и устранить Григория Васильевича. Перемышль был взят галицкими войсками под командованием «дворечкого» Андрея (Ипат., с. 527—528).

Но и после укрощения боярских олигархов в Перемышле сохранялся удельный княжеский стол, о чем, в частности, свидетельствует Галицко-Волынская летопись 1288 г. (Ипат., с. 601).

Расположение в горной местности, труднопроходимость дорог, удаленность от Галича были главной причиной того, что Перемышльщина в течение всего XIII в. оставалась удельным княжеством. Не последнюю роль сыграли в этом могущественные галицкие бояре, против свосволия которых ожесточенно боролись Роман Мстиславич и его сын Даниил Галицкий.

При определении рубежей Перемышльской земли наука сталкивается с трудностями, аналогичными тем, которые отмечены нами в процессе установления границ Червенской и Белзской земель. Представляется наиболее вероятным мнение Я. Д. Исаевича, согласно которому Перемышльская земля конца X — первой половины XI вв. в основном совпадала с территорией позднейшего Перемышльского удельного княжества. Историк видит южную границу этой

земли в Карпатских хребтах (Бойковский и Лемковский Бескид); западной границей служили карпатские густые леса между Вислоком и Дунайцем и Сандомирская пуща от Нижнего Сана до Вислы. Юго-восточная граница Перемышльской земли шла, скорее всего, по р. Стрию⁴⁵. На северо-востоке Перемышльская земля стыковалась с Червенской и Белзской землями.

Рассмотрев динамику складывания и определив, хотя и в общих чертах, территории Червенской, Белзской и Перемышльской земель конца X—XI вв., приходим к следующим выводам. Эти земли были древнейшими на пространстве последующих Волыни и Галичины. С них началось формирование Галицко-Волынской Руси. Если мы нанесем на карту известные по летописи города X—XI вв., то увидим, что они сосредоточены на сравнительно небольшом пространстве у истоков Западного и Южного Бугов, Стыря, Сана и Вепря. Эта плодородная (в сравнении с соседними землями) равнина и стала сердцевинной будущего крупного государственно-территориального объединения.

Из двух составных частей Галицко-Волынской Руси Волынь образуется первой. Процесс ее формирования интенсивно проходит в XI в., тогда как Галицкая земля складывается лишь в XII. Эту хронологическую разницу достаточно красноречиво отражает карта, на которой на территории будущей Волыни можно насчитать 16 городов X—XI вв., тогда как на территории Галичины — лишь 4. Вполне закономерно поэтому продолжить наше исследование с изучения процессов складывания Волыни.

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЛИ

Среди возникших в X в. городов особое внимание привлекает Владимир — столичный град сложившегося в XI в. Волынского княжества.

Хотя Владимир-Волынский основан несомненно позднее Червена и Перемышля (первое известие об этом городе содержится в летописи под 988 г.), мы не упоминали о нем при характеристике начального этапа складывания будущей территории Галицко-Волынской Руси. Причина этого состоит в том, что Волынская земля, центром которой был Владимир, начала формироваться гораздо позднее, во второй половине XI в. И это при том, что свое название она получила от древнего племенного союза волян, занимавшего часть ее будущей территории.

Письменные источники не только XI, но и XII в. содержат очень мало сведений о территории Волыни, и поэтому изучение ее складывания весьма затруднено. Исследователи процессов формирования Волынской земли находятся в гораздо менее выгодном положении, чем их коллеги, работающие по проблеме возникновения и развития Киевской земли, находившейся в фокусе социально-экономической и политической жизни Древней Руси.

Большинство ученых вообще не отводит места Волыни на исторической карте западнорусских земель конца X — первой половины XII вв. Наиболее авторитетный среди них А. Н. Насонов писал по этому поводу: «Можно сомневаться, чтобы вся территория, отделявшая Червен от Берестья (т. е. основное ядро Волыни XII—XIII в.— *Авт.*), была в X и в первой половине XI в. освоена в отношении дани и суда». Далее ученый утверждал, что «на востоке червенская территория граничила с «Русскою землею». «Нет сомнения в том,— продолжал Насонов,— что червенская территория захватывала течение р. Стиря, но не доходила до Горыни. Луцк или Луческ лежал при впадении Гижицы в Стирь»¹. Таким образом, в науке утвердилось

мнение, что будущая территория Волыни до второй половины XI в. частью была еще не освоена, частью входила в состав Червенской земли.

Согласно сведениям В. Н. Татищева, Владимир Святославич «построил в земли Червенской град во свое имя Владимирь»². Хотя хронология названного события определена ошибочно (992 г.), пренебрегать этим известием не стоит, ибо среди источников, которыми располагал Татищев, были и неизвестные нам летописи.

«Повесть временных лет», рассказывая под 988 г. об административной реформе Владимира Святославича (замена в наиболее значительных городах местных князей сыновьями), сообщает, в частности, что киевский князь «посадиша... Всеволода Володимери» (ПВЛ, 1, с. 83). Однако нет оснований буквально понимать эту запись источника и считать Владимир того времени стольным градом Волыни. По всей вероятности, это была крепость, упрочивавшая власть киевского князя в недавно отвоеванной у чешских феодалов Западной Руси. Затем город Владимир надолго исчезает со страниц летописи. То же можно сказать и о Всеволоде Владимировиче, по данным саги об Олафе Тригвасоне, бежавшем в Скандинавию и погибшем там в 995 г. Вероятно, Всеволод восстал против власти отца³.

Нет особенных причин считать 988 г. временем основания Владимира или даже первого упоминания о нем в летописи. Запись Нестора о «посаждении» сыновей Владимиром Святославичем в крупнейших городах Руси была, без сомнения, итоговой, суммарной. Реформа не могла быть проведена в одночасье. В первую очередь, сыновья-посадники направились в уже существующие города, имевшие местных князей. Крепость же Владимир могла быть основана и позднее.

Следует учитывать мнение А. Е. Преснякова, что рассказ «Повести временных лет» о распределении Владимиром Святославичем сыновей по различным городам «страдает... тем, что сводит в одно разновременные явления»⁴. В частности, в «Сказании о Борисе и Глебе» Нестора говорится, что первоначально во Владимире-Волынском сидел Борис, но затем Владимир Святославич перевел его в Ростов, подальше от хищного Святополка. Это сообщение древнего памятника выглядит достоверным, хотя объяснение мотивов переезда Бориса и его время сомнительны: ведь Всеволод исчезает с политического горизонта Руси еще в середине 90-х годов X в.⁵

Владимир-Волынский расположен при впадении р. Смочи в р. Луг, приток Западного Буга, в 20 км от последнего.

Город находится в болотистой местности, что затрудняло подход к нему в течение большей части года. Археологические источники также свидетельствуют о том, что Владимир долгое время оставался небольшим городом со слабо развитыми ремеслами и торговлей. По мнению М. К. Каргера, «до середины XII в. во Владимире, по-видимому, не было каменных храмов»⁶.

Размеры первоначальной крепости были невелики. Контур сохранившихся валов напоминает полукруг. По всей вероятности, лишь в XII в. город перешагнул их пределы⁷. Галицко-Волынская летопись XIII в. изображает Владимир громадным и прекрасным городом. В 1232 г. войско венгерского короля Андрея вторглось в пределы Волыни, стремясь использовать выступление галицких бояр против Даниила Романовича: «Король поиде ко Володимерю. Пришедшу же ему Володимерю, дивившуся ему, рекъшу: «Яко така град не изобретох ни в Немечских странах» (Ипат., с. 510). О грандиозности укреплений этого города свидетельствует другой рассказ волынского летописца — о приходе неисчислимой орды завоевателей под водительством Бурундая на Волынь осенью 1259 г.: «Бурундай же нача молвити про Володимерь: «Василко! Розмечи город»; князь же Василко нача думать в себе про город, зане немощно бысть розметати вборзе его величеством, повеле зажечи и; и тако черес почь изгоре весь!» (Ипат., с. 562). Эти (и ряд других) летописные известия о расцвете Владимира в XIII в. согласуются с данными археологических раскопок⁸.

Понятно, что скромный город-крепость, каким был Владимир конца X—XI вв., не мог оказывать достаточно сильное консолидирующее влияние на прилежавшие к нему земли. Не случайно поэтому, что само понятие Волынь, Волынская земля довольно поздно появляется в письменных источниках. Впервые мы встречаем упоминание о ней лишь под 1077 г., когда в борьбе за власть в Русской земле между Ярославичами «Всеволод же иде противу брату Изяславу на Волынь *, и створиша мир, и пришед Изяслав сседе Кыеве» (ПВЛ, 1, с. 132). Да и то Волынь упомянута попутно, поскольку там был заключен мир между братьями, оспаривавшими друг у друга Киев.

Между тем со времен административной реформы Владимира Святославича во Владимире-Волынском сидели сы-

* Д. С. Лихачев понимает этот топоним как город Волынь (Указ. соч., с. 411), нам же представляется, что речь идет о земле, территории, на что указывает не только предлог «на», но и контекст сообщения летописи.

новья последнего. Этот порядок сохранялся при Ярославе, в завещании которого 1054 г. владимирский стол был отдан одному из его младших сыновей: «а Игорю Володимерь» (ПВЛ, 1, с. 108). Ко времени кончины Ярослава во Владимире сидел старший брат Игоря Святослав, переведенный в 1054 г. согласно «ряду» (завещанию) отца в Чернигов (ПВЛ, 1, с. 108).

Вначале Изяслав примирился с передачей Владимира с округой Игорю. Под тем же 1054 г. «Повесть временных лет» констатирует: «Начало княжения Изяслава в Кыеве. Пришед Изяслав седе Кыеве, Святослав Чернигове, Всеволод Переяслави, Игорь Володимери, Вячеслав Смолинске» (ПВЛ, 1, с. 109). Но когда в 1057 г. умер княживший в Смоленской земле Вячеслав, Изяслав посадил там Игоря, отняв у него Волынь и не передав ее никому другому («И посадиша Игоря Смолинске, из Володимеря выведше» — ПВЛ, 1, с. 109). Следует полагать поэтому, что Изяслав Ярославич попросту присоединил Волынь к своим киевским владениям. Наверное, это произошло в 1060 г., после смерти Игоря, продолжавшего, как мы полагаем, номинально считаться волынским князем (ПВЛ, 1, с. 109). Сказанное косвенно подтверждается уже цитированной летописной статьей 1077 г. о споре между двумя старшими Ярославичами за Киев, согласно которой Изяслав пребывал на Волыни, вероятнее всего, в собственной волости*.

Лишь эпизодом было княжение на Волыни сына Святослава Ярославича Олега. Когда в 1073 г. Святослав при поддержке Всеволода отнял у Изяслава великокняжеский стол, он посадил Олега во Владимире. Но в 1076 г., после смерти отца, Олег потерял Волынь, который перешел Изяславу, о чем вспоминает в своем «Поучении» Владимир Мономах: «И Святослав умре... И Олег приде, из Володимеря выведен» (ПВЛ, 1, с. 159).

После гибели Изяслава в битве на Нежатиной Пиве в 1078 г. Киев перешел к его брату Всеволоду. Тот признал наследственные права ветви Изяслава на Волынь, о чем

* По сведениям Татищева, после смерти Игоря Ростислав Владимирович, внук Ярослава, «был переведен дядьями во Владимир на Волынь» (Татищев В. Н. Указ. соч., с. 83). Летописи этого не знают. А. М. Андрияшев считал подобное предположение вполне вероятным, поскольку «впоследствии дети Ростислава добивались себе волости именно на Волыни» (Андрияшев А. Очерк истории Волынской земли. — Киев, 1887, с. 107). Мы считаем мнение Татищева неосновательным. В действительности, Ростиславичи стремились в будущую Галицкую землю, где и получили впоследствии волости.

свидетельствует Нестор: «Всеволод же седе Кыеве на столе отца своего и брата своего, прим власть Руськую всю. И посади сына своего Володимера (Мономаха.— Авт.) Чернигове, а Ярополка (Изяславича.— Авт.) Володимери, придав ему Туров» (ПВЛ, 1, с. 135). Если мы вспомним, что при жизни Ярослава Мудрого Изяслав сидел в Турове*, то перед нами — складывание, хотя и в самых общих чертах, взгляда летописца на Волынь как на семейное владение дома Изяслава.

Но не так смотрел на Волынь сын Игоря Давид, считавший ее своей «отчиной». В союзе с братьями-изгоями Василько и Рюриком Ростиславичами в 1084 г. он захватывает Владимир, выгнав оттуда Ярополка**. Но Мономах восстановил Ярополка на владимирском столе (ПВЛ, 1, с. 135). В отместку Давид принялся грабить греческих купцов на Днепровском пути «из варяг во греки» («в се же лето Давыд зая грьки в Олешьи, и зая у них именье»). В Киеве решили уладить дело миром, и Всеволод Ярославич «вда ему Дорогобуж» (ПВЛ, 1, с. 135), т. е. граничившую с Киевской землей область Погорину.

Расположенный на левом берегу Горыни Дорогобуж, вероятно, возник в середине XI в. Он упоминается в «Правде Ярославичей», где сказано, что за убийство старшего конюха при стаде следует платить 80 гривен виры, «его же убиле дорогобудьци». Этот штраф на дорогобужцев, по мнению М. И. Тихомирова, был наложен Изяславом Ярославичем во времена затяжного киевского восстания 1068 г.⁹ В археологическом отношении город практически не изучен. Сохранились остатки земляных укреплений¹⁰. Со времени появления в Дорогобуже Давида город и прилегающая к нему область Погорина делаются удельным княжеством, своеобразным резервным фондом великих киевских князей для раздачи земель вассалам.

Предельно лаконичные сведения «Повести временных лет» о судьбах Волыни и взаимоотношениях в многочисленном семействе Ярославичей не дают возможности воссоздать сколько-нибудь полную картину политической жизни этой земли во второй половине XI в. Исходя из дальнейшего развития событий, можно допустить, что энергич-

* В Ипатьевском списке «Повести временных лет», где под 1054 г. рассказывается о болезни Ярослава, сообщается: «Изяславу тогда в Турове князящу» (Ипат., с. 114).

** Хотя в летописном сообщении об этом названы лишь братья Ростиславичи, из его смысла следует, что Давид если и не принимал непосредственного участия в нападении на Владимир-Волынский, то стоял за спиной Василько и Рюрика.

ный Давид не удовлетворился захоластным Дорогобужем и продолжал добиваться владимирского стола. Иначе трудно объяснить, почему вдруг нерешительный и робкий Ярополк (в его искрологе Нестор отмечает: «Бяше блаженный съ князь тих, кротък, смирен и братолюбив» — ПВЛ, 1, с. 136) в следующем, 1085 г. «хотяше ити на Всеволода», «послушав злых советник». По всей вероятности, Ярополк видел причину агрессивности Давида в попустительстве великого князя. Но, узнав, что против него послан с дружиной Владимир Мономах, «Ярополк же, оставив мать свою и дружину Лучьске, бежа в Ляхы». Дабы наказать вышедшего из повиновения двоюродного брата, Мономах посадил во Владимире Давида, правда, на короткое время. Вернувшийся в 1086 г. с повинной из Польши Ярополк «створи мир с Володимером (Мономахом) и иде Володимер всиять Чернигову. Ярополк же седе Володимери» (ПВЛ, 1, с. 135—136).

Тем не менее Ярополк чувствовал себя на Волыни не прочно и вскоре («переседев мало дний») «иде Звенигороду», на Ростиславичей — в будущую Галицкую землю. «И не дошедшу ему (Ярополку) града, и прободен бысть от проклятого Нерадьця». Убийца бежал в Перемышль, к Рюрику Ростиславичу (ПВЛ, 1, с. 136). Это дало повод думать, что Нерядца подослали Ростиславичи¹¹. Но не вернее ли предположить, что они действовали вкупе с Давидом, которому после смерти Ярополка вновь досталась Волынь.

Перемышльская земля тогда была закреплена за Володарем, а Теребовль с округой — за Василько (ПВЛ, 1, с. 171). Погорина, а также Берестейская волость достались Всеволоду, от которого их унаследовал вместе с Киевской землей Святополк Изяславич, о чем узнаем из его слов, сказанных в 1097 г. по поводу ослепления Василько Ростиславича: «Поведа ми Давид Игоревичь: яко Василко брата ти убил, Ярополка, и тебе хочет убити и зяяти *во-лость твою*, Туров и Пинеск, и Берестие, и Погорину» (ПВЛ, 1, с. 174. Здесь и далее курсив наш.— Авт.).

В 1097 г. в Любече состоялся княжеский съезд, на котором перед лицом половцкой опасности был провозглашен лозунг отстаивания единства Древнерусского государства: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору (распри.— Авт.) деюще? А половци землю нашу несут розно, и ради суть, оже межю нами рати. До ноне отसेле имемся в едином сердце, и блюдем Русские земли». Любечский съезд узаконил также принцип наследственного владения землями: «Каждо да держит отчину свою». За

Давидом Игоревичем была закреплена Волынь со стольным градом Владимиром (ПВЛ, 1, с. 170—171).

Однако вскоре после съезда «добрый порядок» в Русской земле был насильственно нарушен. В сговоре с великим киевским князем Святополком Изяславичем Давид Игоревич схватил гостившего в Киеве Василько Ростиславича и, отвезя его в Белгород, ослепил. Можно допустить, что Святополк опасался дальнейшего усиления Ростиславичей и выхода их из-под власти киевского престола. Давид же стремился присоединить к Волыни Теревовль с округой. По-видимому, он также боялся Ростиславичей, обладавших, как видно из дальнейшего рассказа летописи, гораздо большими силами, чем сам волынский князь.

Столь наглое нарушение Любечского междукняжеского соглашения и вероломное ослепление Василько вызвали бурю возмущения на Руси. Под давлением общественного мнения Святополк и Владимир Мономах объявили Давида вне закона. Русские князья совместно поручили Святополку покарать преступника. Началась кровавая феодальная война в западных землях Киевской Руси, продолжавшаяся с 1097 по 1100 г. В этой войне Святополк вел двойную игру, стремясь овладеть как Волынью, так и Теревовльской волостью.

Когда Давид узнал, что ему угрожает соединенное войско Святополка и Мономаха, он предложил удерживаемому им в плену Василько мировую: «Ожи хощеша послати мужь свой, и воротится Володимер (из похода против Давида.— Авт.), то вдам ти которой ти город люб, любо Всеволож, любо Шеполь, любо Перемиль» (ПВЛ, 1, с. 175—176). Все это были захолустные городки вблизи волынской столицы и, следовательно, не могли иметь самостоятельного значения. Василько был настроен непримиримо.

Тогда, отбросив дипломатию, Давид пошел на юг, «хотя переяти Василкову волость, и усрете ѿ Володарь, брат Василков, у Божьска. И не сме Давыд стати противу Василкову брату, Володарю, и затворися в Бужьске, и Володарь остуши ѿ в городе» (ПВЛ, 1, с. 176). Давиду пришлось отпустить Василько, после чего Володарь снял осаду. Теперь Ростиславичи переходят в наступление. Весной того же 1097 г. их дружины вторглись на Волынь — летопись фиксирует их у Всеволожа. Давид «затворися» во Владимире, ему пришлось выдать на казнь Ростиславичам ближних бояр, которые, по словам Нестора, подбили князя на ослепление Василько (ПВЛ, 1, с. 177). Только после этого Володарь с Василько ушли с Волыни.

Когда Давид оказался в политической зависимости от

Ростиславичей и не представлял собой влиятельной фигуры в политической игре на Руси, в ход событий вмешивается Святополк Киевский, «обещавшу прогнати Давыда», а на деле — завладеть Волынью. Дважды Давид бежит от него «в Ляхы», не смея оказать сопротивление киевскому великому князю (ПВЛ, 1, с. 178). Но в том же 1097 г., надо думать, в его конце, воснная удача, казалось, улыбнулась Давиду. Ему удалось победить Святополкова сына Ярослава и союзных тому венгров, после чего он не только захватил Сутейск и Червен, но и осадил Владимир. Однако Давиду не удалось взять волынскую столицу. Прибывшее от Святополка подкрепление внезапно напало на осаждавших, горожане же организовали вылазку «и почаша сечи вое Давыдовы, и побежс Давыд». Правда, в том же году Давид овладел было Владимиром, но ненадолго. В 1099 г. он окончательно теряет стольный град Волыни и, следовательно, саму Волынь. «Святополк перея Володимерь, и посади в нем сына свого Ярослава» (ПВЛ, 1, с. 180—181).

По решению Витичевского княжеского «спема» 1100 г. у Давида отняли Владимир и дали ему небольшие города в Восточной Волыни, поближе к Киеву: Бужск, Острог, Дубно и Черторыйск. Затем его перевели в Дорогобуж, где князь и закончил свои дни (25 мая 1112 г.— ПВЛ, 1, с. 182, 195).

Основная часть Волыни с Владимиром надолго оказалась в руках сына Святополка Ярослава. Попутно отметим, что раздел волынских земель по решению Любечского съезда 1097 г. оказался, как это ни удивительно, долговечным: присоединенные к Киевищине волынские волости оставались при ней до середины XII в. (Берестейская) и даже до третьей четверти XII в. (Погорина).

К концу XI в. формирующаяся Волинская земля занимала территорию от Берестья на Западном Буге на севере до Бужска и Выгошева в верховьях Серета на юге. Ее пограничными городами на западе были Сутейск и Червен, на востоке — Дорогобуж и Острог. Незначительное количество известных по летописи XI в. волынских городов, редкость и скудость упоминаний в источниках об этой территории лишают нас возможности определить рубежи Волыни для начального этапа ее складывания. В той ее части, которую составляли Червенская и Белзская земли, значительных изменений не произошло, а в начавшем заселяться междуречье Стиря и Горыни рубежи еще не установились. Это произойдет в первой половине следующего, XII века.

Одним из древнейших городов Волыни было резко выдвинутое на север Берестье. Впервые город появляется на страницах «Повести временных лет» под 1019 г.: разгромленный Ярославом Владимировичем Святополк через Берестье бежал в Польшу (ПВЛ, 1, с. 98). Однако авторитетная Новгородская первая летопись старшего извода впервые называет этот город под 1017 г.: «Ярослав иде к Берестю»¹². Польский ученый Г. Ловмянский на основании разбора сведений источников, в первую очередь русских летописей, о борьбе между сыновьями Владимира Святославича за киевский престол считает, что город Берестье существовал до 1016 г. и входил тогда в состав княжеского удела Святополка. В период междоусобиц город был занят польским гарнизоном и удерживался им до 1022 или даже до 1031 г.¹³ Предположение Ловмянского выглядит вполне вероятным.

А. Н. Насонов полагал, что Берестье возникло еще раньше, во второй половине X в., и было возвращено Руси в 981 г. вместе с Перемышлем, Червеню и «иными градами». По его мнению, пограничная с Польшей русская территория на севере начиналась с Берестейской волости. Поэтому естественно, что среди «иных градов», перешедших из чешской сферы влияния в русскую, было и Берестье.

Кажется правдоподобным предположение А. Н. Насонова о том, что когда польский князь Болеслав Храбрый в 1018 г. «города Червеньския зая собе», Берестье также перешло к Польше. Формулу летописи под 1022 г. «Приде Ярослав к Берестю» ученый понимает как констатацию факта окончательного закрепления Берестейской волости за Русью¹⁴.

Берестье с округой надолго попало под власть непосредственно киевских князей. Следующее упоминание о городе относится к 1097 г., когда Берестейская волость принадлежала Святополку Изяславичу (ПВЛ, 1, с. 158). Поэтому следует считать безосновательным мнение П. Ф. Лысенко, в соответствии с которым «в конце X — начале XI в. в состав Туровского княжества входило Берестье», — мол, Святополк Владимирович бежал в Польшу через собственный, а не чужой город¹⁵. Полагаем, что в положении Святополка выбирать не приходилось, а Берестье слишком уж удалено от Турова и посему вообще не могло принадлежать к Туровскому княжеству.

Вторым по величине и значению городом Волынской земли в XII в. был Луцк. Однако в конце XI в. он не играл заметной роли в жизни Волыни. Правда, там, по-видимо-

му, уже в 1085 г. (когда впервые упоминается Луцк в «Повести временных лет») существовали укрепления, под защитой которых Ярополк Всеволодович оставил «матерь свою», «бежа в Ляхы» от гнева отца и исполнителя воли последнего — Владимира Мономаха (ПВЛ, 1, с. 135—136). Подобное предположение остается пока гипотетичным, поскольку археологическая изученность Луцка совершенно неудовлетворительна. Как отмечал А. А. Ратич, «древний Луцк принадлежит к тем стародавним русским городам, археологические исследования которых не велись, а археологический материал был выявлен во времена случайных строительных и хозяйственных работ»¹⁶.

В разное время в старом Луцке и его предместьях Гнедава и Красное были обнаружены землянки и наземные жилища эпохи Киевской Руси со значительным археологическим материалом, среди которого в литературе выделено несколько типов керамики VIII—XIII вв. Исследуя фундаменты Дмитриевского собора на территории Окольного града, М. П. Кучера открыл древнейший культурный слой с хозяйственными ямами, обломками керамики и другими предметами, датирующимися VII—VIII вв.¹⁷ До сих пор, однако, нельзя ответить на вопрос, когда же было укреплено поселение (или гнездо поселений) на территории Луцка, когда оно приобрело ремесленно-торговый характер, т. е. когда же возник город Луцк.

Выдвигалось предположение, что Луцк был центром племенного союза лучан, упоминаемых будто бы Константином Багрянородным, византийским автором X в. Подобную возможность допускал, в частности, М. Н. Тихомиров¹⁸. В этом случае Луцк должен был бы возникнуть не позже X века. Однако современная наука скептически относится к такому предположению¹⁹. На наш взгляд, решающим в его отрицании является то обстоятельство, что «Повесть временных лет» не знает племени лучан, зато ей известны под этим именем жители Луцка 1085 г., когда в источнике впервые назван сам город (ПВЛ, 1, с. 136).

Лишь к середине XII в. Луцк превращается в заметный город, хотя и продолжает оставаться в тени Владимира. С 1154 г. он в течение нескольких десятилетий был центром удельного княжества Волынской земли.

Далеко на юго-восток был выдвинут другой волынский город Выгошев, косвенно упомянутый впервые в летописи под 1097 г.: «Мстислав затворися в граде (Владимире.— Авт.) с засадою, иже беша у него берестьяне, пиняне, выгошевци» (ПВЛ, 1, с. 180), т. е. жители города Выгошева. Из этого сообщения «Повести временных лет» Надеждин

и Неволин делали вывод, что Выгошев был расположен где-то по соседству с Берестьем и Пинском. Их доводы принял Погодин²⁰. Однако эти доводы не кажутся нам резонными — вряд ли Мстислав собирал войско лишь от соседствующих одна с другой волостей.

Свет на местоположение Выгошева проливает, по нашему мнению, свидетельство Киевской летописи 1152 г.: «И пришед Изяслав Володимирю, посла посадники своя в городы, на них же бяше хрест целовал Володимер, в Бужеск, в Шюмеск, в Тихомль, у Выгошев, у Гноиницю» (Ипат., с. 313). Перед нами — довольно точно очерченный юго-восточный район Волыни середины XII в., порубежный с Галицкой землей. По всей вероятности, Выгошев следует размещать на месте с. Вышгородок Лановецкого района Тернопольской области.

Не меньше споров вызвала и локализация Перемыля. Читатель помнит, что, пытаясь договориться с ослепленным и плененным им Василько, Давид Игоревич предлагал ему «любо Всеволож, любо Шеполь, любо Перемиль» (ПВЛ, 1, с. 175—176). Отсюда вытекает, что все перечисленные города должны были находиться недалеко друг от друга, но неясно все же, где же стоял Перемыль. Некоторую ясность вносит сообщение Галицко-Волынской летописи. Летом 1233 г. Даниил Галицкий вкупе со своим союзником Владимиром Рюриковичем Киевским отражали натиск венгерского войска королевича Андрия у Перемыля и «бнилася о мост» (Ипат., с. 513) — следовательно, город был расположен на реке.

Решает вопрос о местонахождении Перемыля, как нам кажется, запись той же летописи, относящаяся приблизительно к концу 1286 г.: «И тако поиде Телебуга (ордынский военачальник.— *Авт.*) на Ляхы, собрав силу многу. Пришедшу же ему к Горине, и срете и Мьстислав (Данилович Галицкий.— *Авт.*) с питьем и з дары; и поиде оттоле мимо Кремянець к Перемилю». Далее орда двинулась к Бужковичам (Ипат., с. 588). Этот путь пролегает мимо современного с. Перемыля Гороховского района Волынской области, расположенного на левом высоком берегу р. Стирь, где сохранилось значительное городище овальной формы в 210 саженей окружности, на 10 саженей возвышающееся над окрестностями²¹. Возле села находились 5 курганов²². При археологических исследованиях 1963—1964 гг. в слоях XI—XIV вв. выявлены остатки наземных и полуземляночных жилищ. Найденны следы железодобывающей и железобработывающей промышленности, керамика, топоры, сверла, каменные формы для изготовления украшений, что

свидетельствует о наличии в городе развитого ремесленного производства²³.

Точно датированное упоминание еще об одном городе Волини Сутейске встречается в «Повести временных лет» под 1097 г.: «Ярослав же бежа в Ляхы, и приде Берестью, а Давид заим Сутеску и Червен» (ПВЛ, I, с. 180). Речь идет о событиях междоусобной войны между русскими князьями, вызванной вероломным пленением и ослеплением Василько Давидом. Сутейск упомянут также в «Починении» Владимира Мономаха, в описании событий, как считали раньше²⁴ середины 70-х годов XI в.: «Та идох Переславлю отцю, а по Велице дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску мира творить с ляхы» (ПВЛ, I, с. 159). В. А. Кучкин доказал, что это сведение о Сутейске относится к 1069 г.²⁵

Оба приведенных свидетельства «Повести» о Сутейске дают возможность судить, что этот город был расположен недалеко от Червена и Владимира. Городище обнаружено у с. Сонсядка Замостьского повета ПНР. Детиница имеет конфигурацию прямоугольника с закругленными углами. По всей вероятности, валы Сутейска достигали высоты 6—7 м. Открыт могильник X—XI вв. Значительный интерес вызывает находка в городе оловянных печатей Давида Игоревича, упомянутого в записи «Повести временных лет» о Сутейске под 1097 г. Высказывалось предположение, что город основан в 30-е годы XI в. Ярославом Мудрым²⁶, однако оно зиждется более на логике, чем на материале источников. В описываемое время Сутейск находился на границе Волини с Польшей.

На восточном рубеже Волинской земли лежал город Турийск, первый раз названный летописью под 1097 г. Тогда бояре Давида Игоревича «Лазарь и Василь воротистася Турийску» (ПВЛ, I, с. 177), хоронясь от гнева Василько Ростиславича в этом отдаленном углу Волини. Местонахождение Турийска не вызывает разногласий. Все исследователи сходятся во мнении, что он локализуется на месте нынешнего поселка городского типа Турийска Турийского района Волинской области, в верхнем течении р. Турьи²⁷. Сохранилось городище в виде правильного круга диаметром 100 м. Как утверждает польский исследователь Я. Тышкевич, вала будто бы не было, поселение охранялось лишь ровом, следы которого сохранились²⁸. Но специалисты по древнерусским городам знают, что ров обязательно сочетался с валом в фортификационной практике того времени. Другое дело, что после разрушения вала его следы невозможно обнаружить, тогда как ров

выявляется археологически и в случае его засыпки. Судя по культурному слою, Турийск мог быть построен во второй половине X — начале XI в.²⁹

Расположенный вблизи Луцка Шеполь принадлежал к числу тех городов, которые в 1097 г. Давид Игоревич предлагал ослепленному им Василько Ростиславичу, дабы тот удержал от похода на Волынь Владимира Мономаха (ПВЛ, 1, с. 175). Это — единственное упоминание о Шеполе в летописях вообще. Ученые сходятся на том, что город находился на месте с. Шенель Рожищенского района Волынской области³⁰. На берегу р. Става (левом притоке Стыри) обнаружено городище, обведенное валом и рвом, возле него — селище. Культурный слой отнесен А. А. Ратищем суммарно к древнерусскому времени³¹. Судя по всему, Шеполь был небольшим и незначительным городом.

К подобным городам Волыни на рубеже XI и XII вв. принадлежал и Дубен, расположенный на месте нынешнего Дубно. В 1100 г. Давид Игоревич, как упоминалось, не получил желанного Владимира, вместо этого, по решению Витичевского съезда, ему дали Дубен и еще несколько столь же второстепенных в политическом и экономическом отношении городов (ПВЛ, 1, с. 181). Дубен расположен над р. Иквой, среди непроходимых болот, где и сохранилось древнее городище. Во время разведочных работ выявлен культурный слой времен Киевской Руси с керамическими, железными и бронзовыми изделиями³².

Среди выделенных Святополком Изяславичем и Владимиром Мономахом Давиду в 1100 г. городов был и Острог. Он расположен при слиянии Иквы с Горынью, в Погоринце, на рубеже Волыни и Киевской земли. К сожалению, археологически город не изучен, а упоминание о нем в летописи под 1100 г. остается единственным для рубежа XI и XII вв., а также для всей первой половины XII в.

Переход Волыни в руки Ярослава Святополковича, после того как ее в 1100 г., по решению Витичевского съезда, отняли у Давида Игоревича, означал превращение этой земли в политический придаток Киевщины. Дело шло к выделению Волыни в наследственное владение линии Изяслава, старшего сына Ярослава Мудрого.

Вначале положение Ярослава Святополковича на Волыни было довольно прочным. Правда, в 1101 г. на эту землю предъявил права другой Ярослав — сын убитого Нерядцем в 1086 г. Ярополка Изяславича. На Любечском и Витичевском съездах Ярославу Ярополковичу, по-видимому, не досталось ничего, и он силой решил добыть себе Берестейскую волость, находившуюся на отдаленной

северной периферии Волыни и слабо связанную с Владимиром Волынским. Но еще в 80-х годах XI в. Берестейщина перешла под эгиду киевских князей, и Святополк Изяславич не стерпел самовольства Ярополчича.

«Повесть временных лет» по обыкновению лаконично описала это будничное с точки зрения киевского летописца событие: «В лето 6609...Заратися Ярослав Ярополчичь Берестьи и иде на нь Святополк, и заста ѿ в граде, и см ѿ, и окова, и приведе ѿ Кыеву» (ПВЛ, 1, с. 182). Под влиянием киевского митрополита Святополк выпустил Ярополчича из «поруба», но оставил жить под надзором в Киеве.

Однако в следующем, 1102 г., «выбеже Ярослав Ярополчич ис Кыева, месяца октября в 1. Того же месяца на исходе прелстив Ярослав Святополчич Ярослава Ярополчича и ят и на Нуре, и приведе и к отцю Святополку и оковаша ѿ» (ПВЛ, 1, с. 182). Кажется вероятным мнение А. М. Андрияшева, что Ярополчич стремился бежать в Польшу³³, надеясь, как мы думаем, получить поддержку своим притязаниям на Берестейщину и, может быть, на Волынь вообще. В Кисве Ярослав Ярополчич вскоре и умер, и сын Святополка Ярослав мог спокойно сидеть во Владимире-Волынском.

Положение изменилось после смерти великого князя Святополка и вокняжения в Киеве Владимира Мономаха. Последовательно проводя политику восстановления относительно единой централизованной монархии своего деда Ярослава Мудрого, Мономах распространил великокняжескую власть на Киевскую, Переяславскую, Смоленскую и Ростово-Суздальскую земли и решил присоединить Волынь. Несогласия между киевским и волынским князьями начались вскоре после утверждения Мономаха на киевском столе.

Источники по-разному объясняют причины конфликта Ярослава Святополковича с великим князем. В. Н. Татищев делает это следующим образом: «Ярославец Святополчич, князь владимирский, как был сам человек безпкойный, к тому подусчаем поляки у Владимира область по Горыню отнять, и для того сделал союз с поляки, чтоб первое Ростиславичем владения лишить»³⁴. Никоновская летопись выдвигает иную версию: «Ярославец Святополчичь отсла от себе жену свою, Мстиславлю дщерь, внуку Володимерову, и про то поиде на нь Володимер Мономах»³⁵.

В Погоринье тогда формально княжил сын Давида Игоревича Всеволод, однако эта область по существу входила в состав киевского великокняжеского домена. Не удивительно, что Владимир Мономах не позволил захватить ее,

тем более что, если верить Татищеву, пользовавшемуся многими ныне утраченными источниками, Ярослав Святополкович зарился и на владения Ростиславичей: Перемышльщину и Теробовльщину. Мог сыграть свою роль в конфликте с Мономахом и разрыв Ярослава с женой. Тем не менее можно с большой долей уверенности сказать, что в любом случае стычка между сюзереном и непокорным вассалом была неминуема — особенно в свете той централизаторской политики, которую проводил на Руси Мономах.

Под 1117 г. «Повесть временных лет» сообщает: «В се же лето иде Володимер на Ярослава к Володимерю и Давид и Ольговичи, и Володарь и Василко». Перед нами наглядная демонстрация мощи и политических возможностей великого князя, приведшего для усмирения Ярослава подвластных ему князей Южной Руси. «И оступиша ѿ (Ярослава) у городе Володимери,— продолжает летописец,— и стояша дньии шестьдесять, и створи мир с Ярославом, Ярославу покорившюся и вдарившю челом перед строем (дядей.— Авт.) своим Володимером; и наказав его Володимер во всем, веле ему к себе приходити: «Когда ты позову» (ПВЛ, 1, с. 202).

Приходить по зову сюзерена с войском — первейшая обязанность вассала в средневековье. Таким образом, Ярослав оказался крепко привязанным к колеснице Мономаха. Но он не пожелал примириться со своим зависимым от киевского стола положением и сделал попытку освободиться от подчинения общерусскому правительству с иноземной помощью. Под 1118 г. Киевская летопись, наш главный источник по истории Волынской земли XII в., пишет: «Выбеже Ярослав Святополчичъ из Володимера Угры, и бояре его и отступиша от него» (Ипат., с. 205). Текст этой статьи Ипатьевской летописи искажен выпадением фразы «Володимер же посла сына Романа во Володимерь княжить», читавшейся после слов «и отступиша от него»³⁶. Лаврентьевская летопись сохранила это выпавшее свидетельство³⁷.

Когда в начале 1119 г. Роман умер, Владимир Всеволодович посадил во Владимире другого сына — Андрея, тем самым превратив Волынь в киевскую волость (Ипат., с. 205).

Тем временем Ярослав Святополкович перебрался из Венгрии в Польшу, где надеялся найти более действенную поддержку. Его отец Святополк был в союзничестве и родственных отношениях с польскими князьями, выдав за Болеслава Кривоустого в 1102 г. свою дочь Сбыславу (ПВЛ,

1, с. 183)³⁸. Польские феодалы, стремившиеся завладеть западнорусскими землями, охотно поддержали Ярослава.

В 1120/21 г. «посла Володимер Андрея с погаными на Ляхы и повоеваше с» (Ипат., с. 205). Не приходится сомневаться в том, что поход волынского удельного князя вместе с союзной половецкой ордой в Польшу был ответом на агрессивные действия западного соседа, поддерживавшего Ярополка Святополковича. Об этом красноречиво свидетельствует запись той же Киевской летописи следующего года: «Том же лете приходи Ярослав с Ляхы к Чьрьвну, при посадници Фоме Ратиборичи, и воротишаея опять, не успевше ничтоже» (Ипат., с. 206). Опытный военачальник Фома Ратиборович, еще в 1116 г. водивший русские войска на Дунай против греков (ПВЛ, 1, с. 203), сумел отбросить польское войско.

Наконец, в 1123 г. «приде Ярослав Святополчичь с Угры, и с Ляхы, и с Чехы, и с Володарем и Василком Володимерю, и множество вои бе с ним, и обьступиша город Володимер, Андрею сущу тогда в нем» (Ипат., с. 206). Интересно отметить, что к этой коалиции примкнули и враждовавшие как с польскими князьями, так и с самим Ярославом Ростиславичи: по всей вероятности, они надеялись освободиться от сюзеренитета киевского князя.

Положение Андрея оказалось критическим: по свидетельству летописи, «Володимеру (Мономаху) не поспевшу ис Кыева с Мьстиславом сыном своим». Но во время объезда Владимира Ярослав погиб от рук осажденных, и коалиция распалась: «Угре же, и Ляхове, и Володарь и Василко, разидошася кождо въсвоися» (Ипат., с. 207). Вследствие этого Волынь была закреплена за домом Владимира Мономаха.

Сын Мономаха Андрей остался на волынском столе. Летопись мало упоминает о его княжении во Владимире. Известно, что он был покорен своему брату, киевскому князю Мстиславу, и ходил с дружиной по его велению «на кривичей» (т. е. в Полоцкую землю) в 1127 г. (Сузд., стлб. 297). А в 1135 г. бывший великим князем киевским другой сын Мономаха Ярополк «даша Переяславль Андреви брату своему, а Володимерь Изяславу Мьстиславичю» (Ипат., с. 214), т. е. племяннику.

Следует предполагать, что бездетный Ярополк выполнял таким образом данное им умирающему Мстиславу обещание заботиться о его детях³⁹ — еще раньше он перевел в Переяслав из отдаленного Новгорода старшего сына Мстислава Всеволода. Это вызвало возмущение Юрия Долгорукого (Ипат., с. 212), видевшего, наверное, в по-

ступке Ярополка объявление Всеволода своим наследником: обычно сидевший в Переяславе князь считался на Руси преемником киевского властелина (вспомним долго княжившего там самого Мономаха).

В разгоравшейся междоусобице Юрий Владимирович на время захватил Переяслав, но в борьбу вмешался еще один сын Мстислава Изяслав. Он сумел привлечь на свою сторону черниговских Ольговичей. И все же Мстиславичам не удалось вернуть себе Переяслав. Он достается Андрею Владимировичу, а на Волыни в 1135 г. садится один из наиболее видных потомков Владимира Мономаха, его внук Изяслав. Всеволоду Мстиславичу пришлось вернуться в Новгород (Ипат., с. 215).

В 1139 г. умер киевский князь Ярополк Владимирович, на престол садится его брат Вячеслав, но вскоре его изгоняет из Киева Всеволод Ольгович. Члены Мономахова дома увидели в этом узурпацию престола и начали объединяться против Всеволода. Тот решил разбить их поодиночке, но безуспешно: «Посла (Всеволод) вое на Изяслава, река: «Идя из Володимеря!» И дошедше Горны, пополошившися, бежаша онять» (Сузд., стлб. 307). Точно так же безрезультатно окончился поход на Переяслав, где правил Андрей Владимирович (Ипат., с. 218—219).

В 1141 г. в Переяславе скончался Андрей, и этот важнейший в стратегическом отношении стол, ввиду его близости к Киеву, сделался вакантным (Ипат., с. 221). Всеволод Ольгович решил заместить его безобидным стариком Вячеславом, старейшим среди оставшихся в живых сыновей Мономаха, и перевел его туда из Турова: «Понди в Переяславль, отчину свою». При этом Всеволод подтвердил права Изяслава Мстиславича на Владимир (Ипат., с. 222).

Но в 1142 г. в Переяславе садится Изяслав Мстиславич. В науке обычно принято объяснять его внезапное появление на переяславском столе как результат неудачной попытки братьев Всеволода, Игоря и Святослава, силой отбить Переяслав у Вячеслава, чем так напугали последнего, что он бросил все и возвратился в захолустный, затерянный в лесах Туров⁴⁰. Нам же кажется, что вокняжение Изяслава Мстиславича в Переяславе было следствием его собственных энергичных усилий по достижению киевского великокняжеского стола. Летопись зафиксировала лишь внешнюю сторону событий: «Вячеслав, смолвися с Всеволодом, да Изяславу Переяславль, сыновцю (племяннику.— Авт.) своему, а Вячеслав иде в Туров. Всеволод же сыновни своему Святославу отда Володимерь» (Ипат., с. 223).

Княжение Святослава Всеволодовича на Волыни было

маловыразительным и кратким. Вместе с галицким князем Владимирком Володаревичем он был послан Всеволодом в 1143 г. в помощь польскому князю Владиславу, зятю Всеволода, борющемуся с феодальной оппозицией (Ипат., с. 224). Но в 1145 г. Владимирко вышел из повиновения Всеволоду. Надо думать, что Владимирко, ранее поддерживавший Всеволода Ольговича против сидевшего на Волыни Изяслава Мстиславича, теперь выступит против нового волынского князя, стремясь не только расширить свои земли за счет волынских, но и освободиться от верховной власти Всеволода.

Всеволод Ольгович собрал большое войско, куда входили отряды зависимых южнорусских князей и союзные польские, и пошел на «многоглаголивого» (как его называет киевский летописец) Владимирка, нанеся ему сокрушительное поражение. Владимирку пришлось уплатить громадную контрабандию (1400 гривен серебра, т. е. около 230 кг).

Смерть Всеволода Ольговича в 1146 г. открыла путь Изяславу Мстиславичу на Киев. Против непопулярного в народе Игоря Ольговича, которому Всеволод завещал великокняжеский престол, вспыхнуло восстание, закончившееся вокняжением Изяслава. Одним из первых его действий было лишение Святослава Всеволодовича Волыни: «Изяслав же, водив Всеволодича Святослава хресту, и да ему Бужьский и Межибожье, 5 городов, а из Володимиря выведе» (Ипат., с. 234). В числе этих пяти городов была и Котельница, о чем говорит Киевская летопись под следующим, 1147 г.: «Тогда же Всеволодичь Святослав держаше у Изяслава Божьски и Межибожие, Котельницю, а всех 5 городов» (Ипат., с. 243). Получив несколько мелких, не составляющих единой области городов в Волынской земле, в большинстве расположенных в непосредственной близости от Киевской земли, Святослав Всеволодович на время превратился в захудалого удельного князька.

Есть определенные основания полагать, что Изяслав Мстиславич рассматривал добытую им Волынь как придаток в великокняжескому столу в Киеве и крепко держал ее в руках, намереваясь превратить в наследственное владение дома Мстислава Великого, сына Мономаха. Об этом, в частности, свидетельствует рассказ Суздальской летописи под 1146 г.

После ухода Ольговичей из Киева и вокняжения там Изяслава Мстиславича старший в роде Мономашичей Вячеслав ожидал, что племянник добровольно уступит ему, в соответствии с правилами феодальной иерархии, великое

княжение. Не дождавшись этого, он решил, по совету окружающих его бояр, распорядиться Волынью: «Вячеслав же... надеясь на старейшинство, послушав бояр... Володимер зая и посади в нсм Андреевича» (Владимира.— Авт.). Но Изяслав аннулировал этот акт («отъя у него города опять») и даже в отместку лишил Вячеслава Турова (Судз., стлб. 314).

Примерно два года Волынь находилась в руках самого Изяслава Мстиславича, а в 1148 г. князь поручил ее своему брату: «Тои же осени,— повествует новгородский летописец,— присла Изяслав ис Киева сына своего Ярослава (в Новгород.— Авт.), и прияша новгородьци, а Святополка выведе злобы его ради и дасть ему Володимирь»⁴¹. Другой брат Изяслава Владимир был посажен им в Луцке, где упоминается Киевской летописью в событиях 1149 г. («Володимиру сущю брату Изяславлю в Лучьски» — Ипат., с. 272).

В борьбе с Юрисом Долгоруким за киевский престол Изяслав не раз оказывался во Владимире-Волынском, и летописец сознавал законность его пребывания в этом городе. Как собственное владение рассматривал Изяслав и Луцк («а Изяславу осе его Володимер готов, а се его Луческ» — Ипат., с. 270—271). Поэтому следует считать правивших в этих городах его братьев не удельными князьями, а великокняжескими наместниками: они «держали» и «блюли» Владимир и Луцк, но не владели ими.

Даже окончательно утвердившись в Кисве (1151 г.), Изяслав не отказывается от Волыни — он, как сообщает летописец, продолжает рассматривать Святополка лишь в качестве представителя киевского стола во Владимире: «Пусти Изяслав брата своего Святополка во Володимер, Володимира блюсти» (Ипат., с. 285). Когда вскоре (в 1154 г.) Святополк умер, Изяслав послал во Владимир своего младшего сына Ярослава, поскольку старший сын Мстислав, преемник отцовской власти, по традиции княжил в Переяславе (Ипат., с. 322).

С указанного времени Волынская земля выделяется в полусамостоятельное княжество. Причину этого следует искать не в особенностях взаимоотношений между южно-русскими князьями и не в изменении правовых норм, а в тех сдвигах в государственной структуре Киевской державы, которые принесло с собой наступление феодалной раздробленности.

Во второй половине XI — начале XII вв. в Древнерусском государстве интенсифицировались процессы развития производительных сил, что потребовало приведения им в

соответствие производственных отношений и кардинальной перестройки формы государства. В различных землях (Новгородской и Галицкой, Волынской и Смоленской, Суздальской и Черниговской, Полоцкой и Рязанской) выросла и обогатилась земельная знать, боярство. Вотчинники-феодалы чувствовали себя полными хозяевами в своих укрепленных замках и поместьях, накопив запасы продовольствия на случай осады. Бояре обладали собственными войсками, способными противостоять княжеским дружинам. Они перестают быть заинтересованными в общерусских походах против внешнего врага с неясным исходом, предпочитая получать верную ренту от зависимого населения⁴².

Составные части Древнерусского государства — княжества и земли — накануне наступления периода феодальной раздробленности настолько выросли и окрепли, что киевский центр с великим князем во главе перестал быть для них неременным условием дальнейшего развития, а в ряде случаев даже мешал их правящей верхушке в проведении задач внешней и внутренней политики⁴³.

Вместе с тем вступление Киевской Руси в эпоху феодальной раздробленности вовсе не означало распада государства. Произошло определенное обособление земель и княжеств в составе этого государства вследствие нарастания процессов феодализации. В условиях удельной жизни Древнерусской державы, когда земли и княжества обладали большей, чем раньше, экономической и политической самостоятельностью, входили в силу новые экономические и культурные связи, способствовавшие консолидации страны и отвещавшие всенародному стремлению к объединению земель и княжеств в централизованном государстве. Оставалась единой культура древнерусской народности.

На смену раннему феодализму и рожденной им форме государства — раннефеодальной относительно централизованной монархии в 30-е годы XII в. пришел развитый феодализм, принесший соответствовавшую ему иную, федеративную форму государства. Киевская Русь отныне коллективно управляется крупнейшими князьями⁴⁴. Все это не могло не отразиться на процессах складывания территорий земель и княжеств Древнерусского государства, и среди них — Волыни.

А. Н. Насонов писал, что с наступлением феодальной раздробленности «территории отдельных феодальных княжеств как бы отливаются, более или менее стабилизируются, приобретают устойчивую форму». Далее историк продолжает развивать эту тему, отмечая, что во второй

половине XI и в первые десятилетия XII вв. земли и княжества, объединившиеся вокруг тех или иных городов, «пришли в соприкосновение друг с другом и на значительном протяжении появились рубежи и образовалась сплошная (хотя и разделенная рубежами) государственная территория»⁴⁵. Принимая глубокое наблюдение А. И. Насонова, мы тем не менее не согласны с его хронологией: по нашему убеждению, отмеченный им процесс начался в середине — второй половине XII в. и закончился в XIII в., будучи вызванным вступлением Руси в эпоху феодальной раздробленности. Это будет показано ниже.

Достаточно беглого взгляда на карту западнорусских земель, на которой нанесены древнейшие города на территории Волыни (до 1100 г.), чтобы убедиться в том, что ядром образующейся Волынской земли были Червенская и Белзская земли. Первые города будущего волынского региона возникают именно здесь. А выше не раз уже отмечалась несомненная и прямая связь между возникновением городов и образованием земель. Несомненно также и то, что затем начала осваиваться территория на юго-восточной границе складывавшейся Волынской земли, где расположены Дорогобуж, Острог и Выгошев. Эта тенденция сохраняется и в XII в.: к середине столетия почти все вновь возникшие города Волыни сосредоточены в ее восточной части.

По нашему мнению, это было вызвано близостью восточных волынских земель к Киевской земле, сложившейся значительно раньше и оказавшей, таким образом, катализирующее влияние на Волынь. Нельзя забывать также о сознательной деятельности киевского правительства, направленной на включение Волыни в состав великокняжеского домна, и временами распространявшего власть на всю область складывавшейся волынской территории. Понятно, что наиболее интенсивно развивались районы, непосредственно прилегавшие к Киевской земле — владениям великого князя.

В науке отмечен усиленный рост количества и размеров древнерусских городов в течение XII в. Так, М. Н. Тихомиров на основании скрупулезной статистики, выполненной на материале основных летописей, подчеркнул: «Наибольшее количество городов показано в наших источниках для XII в.». При этом из приведенных им сведений для всего государства явствует, что массовые упоминания о городах на Руси начинаются с 40-х годов названного столетия⁴⁶. Подобная же картина наблюдается и на Волыни. Из 17 впервые упоминаемых в источниках первой половины XII в. во-

дынских городов лишь один (Черторыйск) назван в его начале, остальные появляются в известиях летописей 40-х годов.

Причины усиленного горообразования на Руси именно с 40-х годов XII в. кроются, несомненно, в глубинных процессах социально-экономического развития Восточной Европы, выразившихся в наступлении эпохи феодальной раздробленности. В синтетической характеристике этой эпохи Б. А. Рыбаков отмечал: «Важным элементом средневекового общества являлись города, развившиеся в ту пору особенно бурно и полнокровно»⁴⁷.

Горожане были значительной экономической и политической силой, на которую опирались местные князья и их наместники. Хозяйственная мощь городов была важным фактором развития тяготевших к ним земель. Думается, что становление Волынской государственной территории шло рука об руку с развитием ее городов.

Для первой половины XII в. можно уже говорить о конкретной фиксации части волынских рубежей, прежде всего восточных, хотя окончательно Волынская земля складывается во второй половине XII—XIII вв.

Мы не склонны, подобно тому как это обычно делается в историко-географической литературе, подробно описывать тот или иной рубеж, называя реки, их притоки, урочища, пустоши, леса и пр. Нисколько не отрицая большого значения естественных географических рубежей, автор все же считает наиболее точным для древнерусского периода устанавливать направление границ при помощи фиксирующих их пограничных городов. К тому же не всегда удается определять границы в междуречьях, степях, вообще на равнине. Исходя из этого мы и назовем основные порубежные города на востоке Волыни на середину XII в.— времени, когда эта земля выделяется в самостоятельное княжение.

Наиболее северными городами на восточном волынском рубеже с Киевщиной были Черторыйск и Мычск. Черторыйск — тот самый единственный волынский город XII в., упоминающийся в летописи в начале этого века. Расположенный на р. Стыри Черторыйск впервые встречается в «Повести временных лет» при изложении решения Витичевского съезда в отношении «возмутителя спокойствия» Давида Игоревича: «Дубен и Черторыеск» ему дал от себя великий князь киевский Святополк (ПВЛ, 1, с. 181). Как зависимый от киевского властелина город Черторыйск назван Киевской летописью под 1142 г. (Ипат., с. 222). Это дает определенные основания видеть в нем киевский город,

как полагали, например, некоторые дореволюционные ученые.

Однако конкретно-исторический анализ приведенных выше свидетельств летописей утверждает в ином: Черторыйск был волынским городом. Другое дело, что в 1100 г. Святополк Изяславич, воспользовавшись усобицами, вызванными ослеплением Василько Ростиславича, поставил Волынь в более тесную, чем раньше, зависимость от киевского стола. Эта зависимость продолжалась до середины XII в., и нет ничего удивительного в том, что Всеволод Ольгович, посадив сына во Владимире, рассматривал Волынь как собственное владение и раздавал там города, и не только пограничные с Киевщиной. Ведь в сообщении Киевской летописи 1142 г. среди отданных Всеволодом братьям городов наряду с Черторыйском названы отдаленные Берестье и Дрогичин, вообще находившийся на западном рубеже.

Поэтому чисто умозрительным, не учитывающим конкретные свидетельства источников и общую политическую ситуацию, представляется нам предположение П. Ф. Лысенко о принадлежности Черторыйска в XII в. к Туровскому княжеству⁴⁸, в те времена постоянно зависевшему от Киева.

Краткого упоминания Нестора о Черторыйске под 1100 г. достаточно, дабы видеть в нем уже заметный город, поскольку он входил в число городов, отданных Игорю в компенсацию за утрату им основной части Волыни с Владимиром. Напротив, мало известно нам о статусе другого пограничного города Мыческа (ныне с. Большой Мидск Костопольского района Ровенской области), также расположенного в Погорине. В 1150 г. Изяслав Мстиславич у Мыческа столкнулся с Владимирком Галицким. Судя по контексту сообщения киевского летописца, Мычск стоял на границе между Киевщиной и Волынью: «И угада Изяслав с дружиною своею пойти черес ночь к Мичьску и нача вслети всем воим своим огни великыи» (класть) (Ипат., с. 286). В марте следующего, 1151 г. Изяслав утверждает в Киеве, но «Володимерю (Галицкому) же того не ведущю с Андреем (Юрьевичем, сыном Долгорукого.— Авт.), и стага у Мичьска, и пославша стороже и испытаста, оже Дюрги у Городци уже, а Изяслав Киеве». Володимерко не решился въехать в Русскую землю (в данном случае: Киевскую) и повернул в Галич (Ипат., с. 289). Отсюда несомненно следует, что Мычск стоял на границе с Киевской землей, в Волынском княжестве. Больше в летописях Мычск не упоминается.

Южнее Мыческа расположен еще один город Волыни поблизости киевского рубежа — Пересопница. Хотя Пересопница и не принадлежала к сугубо пограничным городам, о ней следует сказать подробнее, и не только потому, что в рассматриваемое время это один из крупнейших городских центров Волыни. Город был столицей небольшого, но существовавшего в течение трех четвертей века удельного княжества, тяготевшего ко второму по значению центру Волыни — Луцку.

Уже при своем первом появлении на страницах Киевской летописи под 1149 г. расположенная на притоке Горыни Стубле Пересопница выступает в качестве удельного стола, на котором сидит старейший Мономашич: «И приде Дюрги (Юрий Долгорукий.— Авт.) к брату Вячеславу в Пересопницу» (Ипат., с. 270). В следующем году «да Гюргий (Долгорукий.— Авт.) Андрееви сыну своему Туров, Пинеск и Пересопницу; Андрей поклонився отцю своему и шед, седе, в Пересопници» (Ипат., с. 281). Вероятно, к середине XII в. Пересопница была уже большим городом, если Андрей Юрьевич Боголюбский предпочел ей древний Туров.

В ходе междоусобной борьбы в Пересопнице часто менялись князья, иногда по несколько раз в год (Ипат., с. 284, 289, 297, 308, 330, 335 и др.), пока, наконец, в этом удельном княжестве не утвердились прочно представители рода Мстиславичей. Последним пересопницким князем, по сведениям Галицко-Волынской летописи, был Мстислав Ярославич, носивший прозвище «Немого». Он правил приблизительно с 1211 по 1226 г. (Ипат., с. 484—488, 501), завещав княжество Даниилу Романовичу Галицкому: «Мьстиславу же Немому давшу отчину свою князю Данилови и сына своего поручив Ивана» (Ипат., с. 501). Вскоре Иван умер, и Пересопницкое удельное княжество вошло в состав Волынского княжества, принадлежавшего брату Даниила Василько.

Детинец Пересопницы был хорошо укреплен («бе утвержен город»). Свое название город получил, по-видимому, от земельного укрепления — «переспы». М. Н. Тихомиров указывает на следующее место Киевской летописи: «И пришедше сташа у переспы» Новгорода Северского⁴⁹ (Ипат., с. 235). П. А. Раппопорт, исследовав четырехугольное пересопницкое городище, пришел к выводу, что оно вполне соответствует распространенному типу городищ Волынской земли⁵⁰. Высказано предположение, что соседнее Блевское городище было сторожевой заставой, защи-

щавшей подступы к Пересопнице вдоль долины р. Стублы⁵¹.

Далее восточный рубеж Волыни, спускаясь на юг, достигал р. Корчика, притока Случи. Здесь был расположен пограничный город Корчеськ (ныне г. Корец Гошанского района Ровенской области). Его порубежное положение ясно из первого упоминания о нем в Киевской летописи под 1150 г. Находившийся тогда во Владимире-Волынском Изяслав Мстиславич провожал ехавшего в Киев, где сидел Юрий Долгорукий, сына последнего Глеба «и ту представи (Изяслав) к нему сына своего Мстислава до Корчеська, и тако проводив и за Корчеськ, и рече ему Мстислав: «поеди же, брате, к отцу своему, а то волость отца моего и моя по Горину» (Ипат., с. 276). В качестве общей границы Волыни с Киевщиной река Горынь выступает и в Суздальской летописи под 1139 г. (Сузд., стлб. 307). В том же 1150 г. Изяслав Мстиславич обратился к Андрею Юрьевичу: «Проси ми отца (Юрия Долгорукого.— Авт.) волости по Горину» (Ипат., с. 281), т. е. Вольнь. Летописец Переславля Суздальского несколько иначе излагает это обращение: «Мне отчины нету в Угрех и Лясах, токмо в Русьской земли, и проси мы у отца Погорину»⁵².

Археологически Корчеськ не исследован. О том, что этот город был значительно укреплен, свидетельствует его городище трехугольной формы, окруженное валами и рвами, соединявшимися с р. Корчик⁵³.

Вместе с Горынью восточный рубеж Волыни поворачивал на юго-запад, где наиболее южным городом был упоминавшийся уже Выгошев. Затем граница направлялась к Бужску.

Для первой половины XII в. не представляется возможным конкретизировать западный рубеж Волынской земли: он совпадал, по всей видимости, с древней западнорусской границей с Польшей. То же самое остается сказать и о северной границе, поскольку города в северной части Волыни появятся позже. Можно лишь констатировать, что если в конце XI в. самым северным волынским городом было Берестье, то к середине XII в. граница княжества продвинулась к северу по Бугу, достигнув Дрогичина.

Наиболее северным городом Волыни на ее западной границе был Дрогичин, расположенный на высоком правом берегу Западного Буга. Он впервые упоминается в источнике под 1142 г. среди волынских городов, розданных Всеволодом Ольговичем своим братьям («Дает ны по городу, Берестий и Дорогычин, Черторыеск и Кльчьск» — Ипат., с. 222). Однако, согласно археологическим исследованиям,

возникновение града (укрепленного поселения) можно датировать второй половиной XI в. Вместе с тем курганы в окрестностях города датируются VII — началом X вв., а находившееся в 2 км от него поселение функционировало с VII до XIII вв. Дрогичин состоял из детинца и посада. В нем были развиты гончарное, кузнечное и косторезное ремесла. По всей вероятности, там выделялись и пряслица из розового шифера. Дрогичин был одним из крупнейших торговых центров на западнорусских землях, о чем свидетельствуют находки у подножья городища более 10 тыс. свинцовых пломб XI—XIII вв., служивших товарными знаками, которые привешивали к тем или иным предметам купли-продажи, главным образом, мехам⁵⁴.

Таким образом, в первой половине XII в. на рубежах Волыни возникают города, защищавшие эти рубежи и служившие прибежищем местному населению в случае вражеского нападения. Однако границы Волынской земли более отчетливо устанавливаются со второй половины XII в. Окончательно Волынская государственная территория формируется уже в XIII в. По крайней мере, именно тогда источники наиболее конкретно фиксируют ее рубежи. В значительной мере это объясняется наличием для XIII в. подробного источника, специально отражающего историю Волыни — Галицко-Волынской летописи. Но не только этим.

Территория Волыни, как и, еще в большей степени, Галичины, начала складываться в сравнении с другими южнорусскими землями (Киевщиной, Черниговщиной, Переяславщиной) позднее, почему и завершился этот процесс с опозданием, а именно в XIII в.

Итак, в середине 50-х годов XII в. Волынь делается полусамостоятельным княжеством, входившим в федерацию восточнославянских земель и княжеств. «Создание полутора десятков крупных княжеств установило ... полное соответствие новой политической формы (федеративного государства.— Авт.) достигнутому уровню производительных сил и этим обеспечило небывалый расцвет культуры во всех русских землях XII в.»⁵⁵

В конце жизни Изяслава Мстиславича Волынь досталась, как уже упоминалось, его младшему сыну Ярославу, поскольку старший, Мстислав, будучи преемником отца, сидел неподалеку от Киева, в Переяславе. Но после смерти отца (1154 г.) Мстиславу не удалось занять Киев. Он вынужден оставить переяславский стол (после вокняжения в Киеве в 1155 г. Юрия Долгорукого Мстиславу все равно было не усидеть на нем) и уйти на Волынь, в Луцк. Вла-

димир был захвачен его дядей Владимиром Мстиславичем (Ипат., с. 327—330).

В следующем, 1156 г. «Мстислав Изяславичь еха изъ ездом на стръя своего на Володимера (Мстиславича) Володимерю, и я жену его и мать его, и всадив я на возы везе я, Лучьску посла, а стрый его Володимер утече Перемышлю, ...оттуда бежа в Угры к королеве, зятсви своему» (Ипат., с. 333). Мстислав вокняжился во Владимире, откуда через год его попытался выбить Юрий Долгорукий, намереваясь отдать Волынь своему племяннику Владимиру Андреевичу, отец которого княжил там в 1119—1135 гг. Укрепления и гарнизон Владимира выдержали осаду, тогда Долгорукий посадил Владимира Андреевича в Погоринне, обратясь к нему со словами: «К тебе хрест целовал есмь имети тя сыном себе и Володимиря ти искати; ныне же, сыну, аче ти есмь Володимиря не добыл, а се ти волость» — и да ему Дорогобуж и Пересопницю и все Погориньския города» (Ипат., с. 335).

Как видим, Погорина вновь вернулась к киевским князьям, превратившись в своеобразный резервный фонд, откуда они давали земли своим вассалам. В это же время видим на Волыни два княжеских стола: во Владимире, где сидел Мстислав, и в Луцке, в котором княжит его младший брат Ярослав.

Неожиданная смерть Юрия Долгорукого (1157 г.) открыла путь на Киев Мстиславу Изяславичу, но, овладев городом, он вернулся во Владимир, посадив в стольном граде Руси своего дядю Ростислава Смоленского (Ипат., с. 342—345). Вплоть до кончины Ростислава Мстислав сохранял с ним добрые отношения, хотя не обходилось без взаимных территориальных претензий⁵⁶. По всей вероятности, во второй половине 50-х — 60-х гг. XII в. Мстислав Изяславич вновь присоединил к Волыни Берестейщину. В 1153 г. она принадлежала Владимиру Андреевичу (Ипат., с. 321), а в 1169 г. мы видим ее в руках Мстислава, ставшего после смерти Ростислава (1167 г.) великим киевским князем (Ипат., с. 365).

В 1169 г. коалиция из северо-восточных, западных и южных князей, в которой основную роль сыграли черниговские Ольговичи: Олег и Игорь Святославичи, штурмом взяла Киев. Мстиславу пришлось уйти на Волынь (Ипат., с. 372), — как и при его отце, владимирский стол являлся резервным на случай неудачи в Киеве.

Во Владимире Мстислав Изяславич понемногу соби-
рался с силами. Вначале он отнял у Владимира Андрееви-
ча Погорину, затем в союзе с галицким, туровским и го-

роденским князьями, при поддержке черных клобуков, овладел в 1170 г. Киевом. Но его положение в стольном граде Руси было крайне непрочным. Он не смог выбить из Вышгорода своего врага Давида Ростиславича, а тем временем против него двинулась рать поддерживаемого Андреем Боголюбским брата последнего Глеба Юрьевича. Мстиславу вновь пришлось уйти во Владимир-Волынский. Интересна форма, в которую летописец облек сообщение о его вынужденном уходе: «Братья же рекоша ему... «а победы в свою волость, мало перепочивше, опять возвратимся» (Ипат., с. 375—376). Как видим, Волынь признавалась тогда уже волостью Мстиславичей, их наследственным владением.

Однако в том же году Мстислав умер (Сузд., стлб. 362), поручив детей брату Ярославу, сидевшему в Луцке. Ярослав поклялся брату «не подозреши волости под детми его» (Ипат., с. 382), признав тем самым разделение Волыни на Владимирское и Луцкое княжества. Впрочем, существовали в этой земле и совсем незначительные столы: в Берестье, где княжил Владимир Мстиславич (умер в 1171 г.— Ипат., с. 383), в Червене, в котором сидел его брат Святослав (он владел и Бужском.— Ипат., с. 384), и в Белзе, принадлежащем другому брату — Всеволоду (Ипат., с. 446). Об этих мелких удельных княжествах наука располагает весьма отрывочными и скудными сведениями.

Даже о Владимире и тяготевшей к нему территории после вокняжения там старшего сына Мстислава Романа в 1170 г. в источниках долгое время отсутствуют известия. Причину этого, вероятно, следует видеть в том, что Киевская летопись — наш главный источник по истории исследуемого в этой главе региона — почти не использовала волыньские летописные записи 70-х — 80-х годов XII в.

Роман Мстиславич занял владимирский престол в трудные для его семейства времена. Политическое влияние Мстиславичей упало почти до минимума. Киев вначале находился во власти потомков Долгорукого, затем — Рюрика Ростиславича и Святослава Всеволодовича. Семнадцать долгих лет просидел Роман во Владимире, не проявляя признаков политической активности, — до 1187 г. Он оставался в тени своего могущественного соседа, Ярослава Владимировича Галицкого. Единственное упоминание о Романи этого времени в Киевской летописи под 1184 г. красноречиво свидетельствует о его зависимом от Ярослава положении. В том году сын Ярослава Владимир «выгнан бжшет отцем своим из Галича. То же Володимерь

приде преже ко Володимерю (Волынскому) к Романови; Роман блюдятся отца его, не да ему опочити у себе» (Ипат., с. 428).

Отсутствие сильной центральной власти приводит к тому, что в последней четверти XII — начале XIII вв. происходит дальнейшее дробление Волынской земли. После смерти Ярослава Изяславича⁵⁷ Луцкое княжество распадается на несколько частей, однако неудовлетворительное состояние источников не дает возможности отчетливо представить это деление. Известно лишь, что Луцк достался старшему Ярославичу, Всеволоду (Ипат., с. 426), Дорогобуж (Ипат., с. 428) и Шумск (Ипат., с. 485) Ингварю, Пересопница — Мстиславу (Немому) (Ипат., с. 485). Неясно, что получил четвертый Ярославич — Изяслав (умер в 1196 г. — Ипат., с. 464).

Все эти карликовые княжества, а также Белзское и Червенское, выделившиеся из Владимирской волости в конце XII — начале XIII вв. (Ипат., с. 483), были неспособны организовать движение за объединение Волыни. Единственной реальной экономической и политической силой оставалось Владимирское княжество во главе с Романом Мстиславичем — в будущем борцом за объединение Руси.

В течение семнадцати долгих лет княжения во Владимире Роман воевал с ятвягами, агрессивные князьки которых издавна покушались на Волынь, и, по всей вероятности, вынашивал планы объединить эту землю с Галицкой. Иначе трудно объяснить его, принятое в кратчайший срок, решение воспользоваться недовольством боярства и населения Галича сыном Ярослава Владимиром после смерти первого в 1187 г. Летопись прямо заявляет, что «Роман же слашет без опаса к мужемь Галичьким (боярству. — Авт.), подъякая их на князя своего, да быша его выгнале из отчины своея, а самого быша прияли на княжение» (Ипат., с. 444).

Однако, вокняжившись в 1188 г. в Галиче, Роман не смог долго там усидеть. Венгерский король Бела III с большим войском выбил его из города, но не отдал Галич Владимиру Ярославичу, а посадил там своего сына Андрея. Роман оказался в трудном положении, поскольку перед походом на Галич, будучи совершенно уверенным в полном его успехе, отдал родному брату Всеволоду свой княжеский стол, опрометчиво заявив: «Болє ми того не надобє Володимерь» (Ипат., с. 445). Лишь с помощью тестя, Рюрика Ростиславича Киевского, Роман возвратил себе Вла-

димир. Всеволоду пришлось вернуться в Белз, где он до того и княжил (Ипат., с. 446).

Лишь на исходе XII в., в 1199 г. Роман Мстиславич овладел Галичем и объединил Волынь с Галичиной. Перипетии этой борьбы будут освещены в следующей главе, посвященной истории складывания Галицкой земли.

Возвращаясь к вопросу о развитии территории Волынской земли и росте ее городов во второй половине XII в., отметим, что прослеженная нами для предыдущего периода закономерность горообразование в полной мере сохраняется и во времена существования полусамостоятельных удельных княжеств. Развитие производительных сил, прогрессирующее разделение труда способствовали появлению все новых и новых городов и в эпоху феодальной раздробленности.

С середины XII в. и до конца его, согласно нашим подсчетам, на Волыни возникло 11 новых городов, и лишь три из них в центральной части этой земли. Остальные родились вблизи киевских рубежей, в Погорине, бассейнах Горыни и Случи. Это подтверждает высказывавшееся еще в прошлом веке мнение, согласно которому Погорина во второй половине XII в. была присоединена к Волыни.

Ошибочное представление о территории Волыни в древнерусское время в сочетании с анахроничностью подхода к определению ее рубежей привело А. М. Андрияшва к неверному мнению, будто бы граница Волыни с Киевщиной шла по водоразделу между Стырью и Горыню. При этом он безоговорочно относил к Киевской земле Зареческ, Мыльск, Гнойницу и Тихомль⁵⁸. Согласно летописи, перечисленные города относились к Волыни, а волыньско-киевский рубеж проходил по течению р. Случи, что и будет показано ниже.

На правом берегу Случи, между волыньским пограничным городом Корческом и киевским — Ушеском* лежал Чертов лес, признаваемый Киевской летописью середины XII в. пограничным (Ипат., с. 280). Его местоположение ясно из рассказа названного источника под 1150 г. о войне между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким. Находясь в волыньском городе Зарческе, Изяслав был застигнут врасплох вестью, «оже Володимер Галичской идет на нь». Киевский великий князь оставил «блюсти» Владимир-Волыньский своего брата Святополка, а сам двинулся на Киев против Долгорукого. Сначала Изяслав

* При локализации его следует учесть наименования сел Ушица, Ушомир, Рудня Ушомирная в Коростенском районе Житомирской области.

подошел к Дорогобужу, далее «перешед Горину и ту ста на Хотрии; оттоле же поиде ко Коречьску». Затем он «переиде Случь, и оттоле поиде через Чертов лес к Ушьску, и переиде реку Ушю под Ушеском» (Ипат., с. 285).

Неподалеку от пограничного города Корческа лежал другой пограничный город Волыни Сапогынь. В 1151 г. к сидевшему в Киеве и боровшемуся против Юрия Долгорукого Изяславу Мстиславичу пошел на помощь с венгерским войском сын Мстислав. У Сапогыня, судя по контексту, на границе с Киевщиной, на него напал союзник Долгорукого Владимир Галицкий, находившийся тогда в Киевской земле. Когда Мстислав Изяславич стоял у Сапогыня, «выслал ему бяшеть Володимир Андрсевиц цитьс из Дорогобужа много» (Ипат., с. 305). Отсюда следует, что Сапогынь расположен вблизи Дорогобужа. Н. И. Надеждин и К. А. Неволин справедливо указывают на с. Сапожин⁵⁹ (ныне в Корецком районе Ровенской области).

В Погориние располагались два других волынских города: Тихомль и Гнойница, впервые упомянутых Киевской летописью под 1152 г.: тогда Изяслав Мстиславич из Владимира-Волынского «посла посадники своя в городы... в Бужеск, в Шюмеск, в Тихомль, у Выгошев, у Гноиницю» (Ипат., с. 313). Тихомль еще несколько раз упоминается в летописи (Ипат., с. 321, 488, 500, 513), и более всего вероятным представляется его отождествление с с. Тихомлем на Горыни, вблизи Ямполья. Сохранилось крупное городище, расположенное на гористом берегу Ямпольского пруда, окруженное с трех сторон глубокими валами и рвами⁶⁰. На Горыни же стояла и Гнойница⁶¹ (ныне — с. Большая Гнойница Изяславского района Хмельницкой области).

В северо-восточном углу Волыни стоял пограничный город Небль. Под 1158 г. в Киевской летописи упоминается «Небльская волость» в качестве бывшего владения Ярополка Изяславича, внука Ярослава Мудрого. О местоположении этого, возникшего, по всей вероятности, еще во второй половине XI в. города говорит известие Галицко-Волынской летописи начала 60-х годов XIII в. Отражая нападение литовских феодалов, волынский князь Василько Романович «угониша я у Небля города. Литва же бяше стала при озере». Узнав о приближении литовцев, к Василько на помощь прнехали «князи Пиньсции» (Ипат., с. 566), откуда следует, что город стоял на границе Волыни с Турово-Пинскими землями, недалеко от Пинска, при одноименном озере, по левую сторону Припяти⁶².

Напротив, в юго-восточном углу Волынской земли рас-

полагался крупный пограничный город Полонное (ныне — город Хмельницкой области). Его принято считать киевским городом, что нашло отражение в географическом указателе к «Летописи по Ипатскому списку» (СПб., 1871). Между тем источники дают веские основания видеть в нем волынский город. Отнесение Полонного к Киевской земле, по всей вероятности, происходит от произвольно трактуемого сообщения летописи под 6680 г. (что соответствует, согласно исследованиям Н. Г. Березжкова, 1170 году). Тогда союзные Глебу Юрьевичу половцы «схаша за Киев воевать, и присхаша к Полоному» (Ипат., с. 380). Но в продолжении этой записи рядом с Полонным упоминается безусловно волынский город Семыч, на рубеже с Киевщиной. О его пограничном расположении свидетельствует и Галицко-Волынская летопись под 6766 г. (Ипат., с. 555 — что соответствует приблизительно 1254 г.). Кроме того, Киевская летопись под 1196 г. повествует, что, получив от тестя Полоннос и не удовлетворившись этим, Роман Мстиславич «восла люди своя в Полоны, и оттоле повеле им ездячи восвати», в том числе и «волость Рюрикову» (Киевскую землю), что вызвало ответную реакцию киевского князя (Ипат., с. 468). Понятно, что и в этой записи речь шла о порубежном городе. Таковым оставалось Полонное и в 30-х годах XIII в., когда Даниил Романович схватил там, «в лузе Хоморьском»*, на самой границе, пытавшегося бежать в Киев Александра Всеволодовича Белзского (Ипат., с. 514).

На Горыни, неподалеку от слияния ее со Случью, возник еще один пограничный город Волынской земли — Дубровица (ныне — город в Ровенской области). Неизвестно, когда был основан этот важный в стратегическом отношении город. Он лишь однажды, да и то не прямо, упоминается в Киевской летописи, знающей «Глеба Гюргевича князя Дубровицького», участвовавшего в 1184 г. в организованном великим князем киевским Святославом Всеволодовичем и его соправителем в Киевской земле Рюриком Ростиславичем походе на половцев (Ипат., с. 426). Из этого краткого сообщения следует, что Дубровица была столицей небольшого удельного княжества.

Не просто установить положение другого порубежного города Волыни — Каменца, поскольку в Южной Руси было несколько городов с подобным названием. Историко-географическое рассмотрение рассказа Киевской летописи о мерах возмездия, предпринятых в 1196 г. по указанию Рю-

* Город стоит на р. Хоморе.

рика Ростиславича в отношении его зятя Романа Мстиславича (вторгавшегося в Киевскую землю из Полонного) привело нас к выводу, что нападение киевской рати «на волость Романову около Каменца» (Ипат., с. 468) произошло на восточном рубеже Волыни.

Уточняет местонахождение этого Каменца известие Галицко-Волынской летописи о стычке Даниила Романовича с галицким боярством и болоховскими князьями: «Придоша Галичане на Каменець и вси Болоховьсции князи с ними, и повоеваша по Хомору, и поидоша к Каменцю» (Ипат., с. 516). Река Хомора — один из притоков Случи, на ней, как отмечено выше, стоит Полонное. Поэтому летописному Каменцу на южном участке восточной границы Волыни с Киевщиной лучше всего соответствует расположенное на левом берегу Случи с. Каменка Дзержинского района Житомирской области.

Подводя итоги исследованию явлений складывания Волынской земли до конца XII в., следует, прежде всего, отметить, что эти явления протекали неравномерно в разных ее частях. Вобрав в себя древние Червенскую и Белзскую земли, Волынь далее стала развиваться в восточном направлении, в порубежных с Киевской землей районах. Этому способствовало много факторов, среди которых необходимо выделить стремление киевского центра подчинить себе Волынь, влияние более быстро развивавшейся Киевской земли, что особенно отчетливо выразилось в процессах горообразование.

Северная, западная и южная части Волынской областной территории заселялись и обрастали городами медленнее, причиной чему был почти исключительно фактор внешней опасности: на западе со стороны польских феодалов, на севере — ятвяжских князьков, на юге — кочевников-половцев. Лишь объединение Волыни с Галицкой Русью, означавшее создание могущественного княжества, способного защитить свои границы от врага, привело к равномерному освоению территории обеих земель, в частности — к возникновению значительного количества городов на рубежах с Польшей и Литвой.

ОБРАЗОВАНИЕ ГАЛИЦКОЙ ЗЕМЛИ

Историки издавна отмечали необычно позднее, по мнению большинства, появление Галича на страницах источников. М. Н. Тихомиров, например, писал: «Галич появляется в наших летописях как бы внезапно, в 1140 г., когда в нем оказывается князем знаменитый Володимерко Володаревич»¹. Исходя из чуть ли не всеобщего убеждения в образовании Галицкой земли в XI, а то и в конце X в., многие историки неоднократно предпринимали попытки «удревнить» Галич, доказать, что он возник гораздо раньше первого упоминания о нем в авторитетном источнике — Киевском летописном своде (под 1140 г.). С подобной целью использовались как письменные, так и вещественные источники². При этом почему-то оставался в тени ключевой вопрос о времени превращения сельского поселения в подлинный городской центр, т. е. о действительном возникновении города Галича. А между тем, хотя нет оснований сомневаться в том, что поселение на Крылосской горе существовало с VIII—IX вв., вряд ли оно было укреплено (один из определяющих признаков феодального города!) ранее конца XI—начала XII вв.

Стремление во что бы то ни стало доказать существование города Галича в XI в. и даже раньше основывается на априорной убежденности в том, что этот центр древней Галицкой земли* должен был возникнуть, по меньшей мере, тогда же, когда родились и другие основные города западнорусского региона: Червен, Перемышль, Волынь и др. Однако, как мы уже упоминали и как постараемся показать более подробно в этой главе, Галицкая земля принадлежит к числу сравнительно поздних — для Южной

* В. В. Аулих дал даже подзаголовок одной из последних работ «Из истории Галицкой земли V—X вв.» (В кн.: Київська Русь: Культура, традиції.— К., 1982), хотя, разумеется, эта земля не существовала не то что в V, но и в X веке!

Руси — образований. Подобно самому Галичу, она выдвигается на историческую арену лишь около середины XII в.*

Кроме того, само по себе раннее возникновение того или иного города еще не влечет за собой скорого и чуть ли не автоматического складывания тяготевшей к нему земли. Для этого должен существовать целый комплекс естественно-природных, экономических и социальных условий, что видно хотя бы на примере Воыни: город с этим названием родился в конце X — начале XI в., но Воынская земля сложилась во второй половине XI—XII вв. вокруг нового центра, Владимира.

Будущая Галицкая земля развилась из территорий в основном двух волостей: Перемышльської и Теревовльської, владений Ростиславичей, а также за счет освоения новых земель на западе, севере и юге. В центральной части галицкой областной территории в конце XI — первой трети XII вв. выдвигаются новые феодальные центры: Звенигород, а затем и Галич.

Процессы складывания государственных территорий, образования новых земель на основании ранее оформившихся, как это случилось с Воынью и Галичиной, не только чрезвычайно сложны, но и в значительной мере скрыты от глаз историка. Помогает пролить свет на них изучение событий политической жизни интересующего нас региона.

В третьей главе, повествуя о формировании Перемышльської земли и в ее составе Теревовльської волости, мы отмечали, что после смерти старшего из братьев Ростиславичей Рюрика (1092 г.) перемышльський стол получил следующий по старшинству брат Володарь, а теревовльський — младший, Василько. Любечський «снем» 1097 г. признал Перемышльську землю наследственным владением ветви Ростислава.

Феодальная война в Юго-Западной Руси, вспыхнувшая вскоре после съезда в Любече и начавшаяся ослеплением Василько Ростиславича Давидом Игоревичем, красочно и подробно описана в летописи и достаточно хорошо освещена в научной литературе. Отметим лишь, что одной из первоочередных целей Давида было присоединение к Во-

* Многие ученые считают Галицкую землю одним из древнейших территориально-социальных организмов Руси. М. Н. Тихомиров, например, пишет: «Крупнейшим городом этой земли был Галич, появляющийся на страницах летописи очень поздно, только в середине XII в. Между тем оформление Галицкой земли в особую область произошло гораздо раньше, по крайней мере в XI в.» (Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 328).

лыни Терсбовльской волости. По мнению современных историков, Терсбовль был форпостом, из которого осуществлялась русская колонизация Днестровского понизовья³, одним из краеугольных камней в фундаменте будущей Галицкой земли. Основанием для подобного мнения могут служить слова ослепленного Василько: «И посем хотел есм переяти болгары дунайские и посадити я у собе» (ПВЛ, 1, с. 176).

Расположенный на слиянии р. Гнезпы с Серетом и образно названный А. Н. Насоновым «воротами в Галицкий край»⁴, город Терсбовль впервые появляется в летописи под 1097 г. Любечский княжеский снем своим решением укрепил его за Василько и при этом записал, что младший Ростиславич получил город с округой от великого князя киевского Всеволода Ярославича (ПВЛ, 1, с. 171), следовательно, до 1093 г., когда скончался Всеволод. Летописи не сохранили каких-либо подробностей о Терсбовле. Археологически город почти не изучен. Есть основания предположить, что первоначальные укрепления Терсбовля были воздвигнуты на Замковой горе и почти полностью уничтожены при сооружении позднейшей крепости. Частично сохранились лишь два ряда валов, отстоявших друг от друга на 120 м и окружавших древнерусский город. Обнаружен и культурный слой древнерусского времени⁵.

Братья Ростиславичи сумели удержать свои владения до смерти. Володарь умер в Перемышле в 1124 г. (Ипат., с. 208), Василько в Терсбовле — 28 февраля 1125 г.⁶

В последние, небогатые политическими событиями годы княжения Ростиславичей в регионе происходят значительные социально-экономические изменения. В недрах традиционных территорий вызревают новые земельные объединения, выражением чего служит как бы внезапное (но, на самом деле, подготовленное всем предыдущим развитием) выдвижение на первый план исторической сцены новых городских центров — Звенигорода и Галича.

Стоящий на р. Белке город Звенигород (ныне одноименное село Пустомытовского р-на Львовской обл.) впервые упомянут в «Повести временных лет» еще под 1086 г. Пошедший на Ростиславичей Ярополк Изяславич пал возле этого города от руки подосланного, вероятно, Давидом убийцы (ПВЛ, 1, с. 136). На основании этого лаконичного и лишённого каких бы то ни было подробностей о самом городе известия иные историки делали далеко идущие выводы: якобы в конце XI в. Звенигород «стал центром отдельного княжества»⁷. На самом деле, лишь ретро-

спективно можно установить, что после смерти Володаря Ростиславича (1124 г.) этот тогда еще незначительный город достался второму по старшинству его сыну Владимиру⁸, называемому обычно летописцами пренебрежительно «Владимирко».

Дошедшие до нас древнерусские летописи ничего не знают о разделе наследства Володаря между его сыновьями. Но пользовавшийся какими-то неизвестными современной науке русскими летописными источниками Длугош уверенно сообщает: «Владимиру достался Звенигород, а Ростиславу Перемышль»⁹.

Согласно новейшим археологическим исследованиям, детинец Звенигорода сооружен во второй половине XI в.; тогда же возник и его посад. Сохранились остатки защитных сооружений города, относящиеся к концу XI—XIII вв.¹⁰ Важно отметить, что Киевская летопись, описывая феодальную войну в Юго-Западной Руси 1146 г. между коалицией во главе с великим князем киевским Всеволодом Ольговичем и Владимирко Володаревичем, к тому времени ставшим галицким князем, сообщает: «И тако идяху на конех и на санех... к [го] роду [Звенигороду] и пожгоша около его остръг» (Ипат., с. 228), т. е. укрепленный «окольный град». Следовательно, к 40-м годам XII в. это был уже вполне развитый феодальный город.

Завещав перед смертью Перемышль с землей старшему сыну Ростиславу, Володарь счел нужным выделить особый стол младшему сыну, по всей вероятности, опасаясь, что энергичный и неразборчивый в средствах Владимирко восстанет против брата. В обоснованности подобных предположений нас убеждает последующий ход событий. Думается, именно решением Володаря в 1124 г. в составе Перемышльского княжества возникло Звенигородское удельное княжество. К тому времени Звенигород стал заметным социально-экономическим центром, о чем свидетельствуют материалы археологических раскопок¹¹. Он вполне мог сыграть роль очага консолидации для тяготевшей к нему округи, хотя и незначительной по площади и экономическому потенциалу.

Предприимчивый Владимирко не пожелал удовлетвориться скромным звенигородским столом и вскоре после смерти отца попытался отнять у Ростислава Перемышль. По Длугошу, это случилось в 1127 г., по Татищеву — в 1126 г. Последняя дата выглядит более вероятной, поскольку русский дворянский историк, пользовавшийся не сохранившимися до настоящего времени летописями, утверждает, что братья опасались гнева Владимира Мономаха

и не начинали войну, пока он был жив. Смерть «самовластьца земли Руской» (19 мая 1125 г.) дала, казалось бы, Владимирко благоприятную возможность восстать против брата.

И Длугош, и Татищев согласно сообщают, что тогда как Ростислава поддерживали преемник и сын Мономаха Мстислав и сыновья Василько Володаревича Григорий (Ростислав) и Иван (Игорь), Владимирко обратился за помощью к уграм. Это дает определенные основания считать последнего зачинщиком ссоры, поскольку на Руси сочли справедливым дело Ростислава. Точно так же польский и русский историки (время жизни и творчества которых разделено тремя столетиями) чуть ли не в одинаковых выражениях повествуют о безрезультатной попытке Мстислава примирить братьев, о бегстве Владимирко с семейством в Венгрию и о безуспешной осаде войском Ростислава Звенигорода¹².

Васильковичи, Григорий и Иван княжили в отцовском домене, Теробовльской волости. По-видимому, Григорий был старшим, поскольку сидел в Теробовле. Игорю достался новый стол, в Галиче. Вначале Галич был, следует думать, скромным в социально-экономическом отношении центром, скорее всего — княжеским замком, почти лишенным посада, — не случайно до начала 40-х годов XII в. о нем не упоминают летописи. Между тем располагавшийся в центральной части формирующейся Галицкой земли, стоявший на большой реке и в плодородной местности, на торговом пути, связывавшем Киевскую Русь с Западом¹³, Галич развивался особенно быстрыми темпами и довольно скоро оттеснил на второй план находившийся в горах, вдали от ядра складывавшейся новой земли Перемышль и так и не ставший крупным феодальным городом и вскоре захревший Теробовль.

Оставляя в стороне тщетные, по нашему мнению, попытки удревнить город Галич¹⁴, найти ему место на политической карте Руси XI, а то и X вв., отметим вместе с тем, что стоявший на правом берегу р. Луквы, в 5 км от ее впадения в Днестр, на Крылоской горе и у ее подножья город ведет начало от славянского поселения VIII и, может быть, даже VII вв. Планомерно раскопанное Галицкой археологической экспедицией Львовского института общественных наук АН УССР и Ивано-Франковского краеведческого музея городище находилось на неприступной горе, высота которой над уровнем реки составляет 70 м. Детинец XII—XIII вв. занимал внушительную площадь: около 50 га¹⁵.

По нашему мнению, Галич вовсе не случайно впервые упоминается в аутентичном источнике в 1140 г.: отмечавшееся выше усиленное горообразование на Руси именно с 40-х годов XII в. было явлением повсеместным и в полной мере дало себя знать в западнорусском регионе. Все без исключения города, родившиеся в Галицкой земле в XII в., называются летописью только с 40-х годов: Голые Горы, Микулин, Тысяница, Ушица (1144), Санок (1150), Болшево, Ярослав (1152), Кучелмин (1159) и т. д. Это еще раз подтверждает высказанную нами мысль о том, что Галицкая земля в Юго-Западной Руси относится к числу сравнительно поздно оформившихся.

Стычка 1126 г. между Ростиславом и Владимирко Володаревичами из-за Перемышля закончилась, как следует из скудных свидетельств источников, безрезультатно. Древнерусские летописи вплоть до 1140 г. ничего не сообщают о событиях в Перемышльской земле, в Теробовльской и Звенигородской волостях. По всей вероятности, Ростислав княжил в Перемышле до смерти, определить дату которой чрезвычайно затруднительно. Предложенный специалистами по исторической хронологии год его кончины — 1128¹⁶ — можно принять лишь условно.

В промежутке между 1126 и 1140 гг. умер также и старший сын Василько Григорий. Когда в 1140 г. великий киевский князь Всеволод Ольгович пошел на Волынь, он «Ивана Василковича и Володаревича из Галича Володимерка, на Вячеслава (и) на Изяслава на Мьстиславича посла» (Ипат., с. 218). Однако не следует буквально верить этому сообщению: в Галиче тогда княжил Иван Василькович, что вытекает из записи той же Киевской летописи под следующим, 1141 г.: «Сего же лета преставися у Галичи Василкович Иван, и прия волость его Володимерко Володаревич; седе во обою волостью, княжа в Галичи» (Ипат., с. 221).

Приведенной последней записи источника, в силу ее большей подробности и конкретности, следует доверять больше, чем предыдущей. По всей видимости, слова «из Галича» принадлежат кому-то из первых переписчиков летописи, знавших, что Владимирко последние годы жизни сидел на галицком столе.

Основываясь на приведенных, чрезвычайно скудных и отрывочных сведениях источников, попробуем с необходимой в подобных случаях осторожностью кратко представить политическую историю Перемышльской, Теробовльской и Звенигородской волостей, а затем и Галицкой земли 20-х — начала 40-х годов XII в.

После смерти Григория (Ростислава) Васильковича его теребовльський стол достался младшему брату Ивану (Игору). Важно отметить, что он не перешел на место брата в Теребовль, а остался в Галиче. Это косвенно свидетельствует о том, что к началу 40-х годов новый политический центр Галич превосходил старый — Теребовль, будучи гораздо выгоднее расположенным стратегически (Теребовль стоял почти у самого рубежа с Киевской землей).

Между тем Владимирко Володаревич с конца 20-х годов правил в Перемышле. Об этом пост фактум свидетельствует известие Киевской летописи под 1144 г. о пребывании на звенигородском столе его племянника Ивана Ростиславича (Ипат., с. 226). В соответствии с правилами феодальной иерархии, освободившийся после смерти того или иного князя престол замещался его следующим по старшинству братом, а не сыном, как это вошло в практику междукняжеских отношений на Руси с середины XII в. Кончина Ивана Васильковича в 1141 г. позволила Владимирко завладеть и Теребовльской, и Галицкой волостями. Отныне в его руках оказывался почти вся территория формирующейся Галицкой земли, от Карпатских гор на западе до р. Стыри на востоке, от верховьев р. Сана на севере до среднего течения Днестра на юге. Одиноким островком оставалось в этом море владений Владимирко Володаревича небольшое удельное княжество его племянника Ивана Ростиславича. Конфликт между могущественным сюзереном и слабым, но непокорным вассалом (именно таким обрисовывает летопись Ивана) был неминуем.

Политической биографии Ивана Ростиславича мы вкратце коснемся ниже, в связи с решением дискуссионного до сих пор вопроса о южной границе Галицкого княжества во второй половине XII в. Здесь же лишь коротко отметим, что попытка Ивана завладеть в начале 1145 г. Галичем окончилась неудачей и окончательной потерей для него Звенигорода. С того времени вся Галицкая земля сосредоточена в руках Владимирко. Удельный звенигородский стол был сразу же ликвидирован. Отныне в городе сидел «воевода Володимер» (Ипат., с. 228).

Образование нового княжества на родовых землях Ростиславичей стимулировало социально-экономические процессы, определявшие формирование Галицкой земли как социально-экономического организма, способствовало возникновению и росту ее городов, прежде всего — самого Галича.

Сплочение значительной части западнорусских земель вокруг Галича было облегчено действием все нараставших

центробежных процессов феодальной раздробленности. Киевский центр оказался не в состоянии воспрепятствовать созданию сильного Галицкого княжества и его определенному политическому обособлению. Однако великокняжеский стол с первых лет существования нового княжества прилагает немало усилий для подчинения Владимирко Володаревича и даже — для замены его.

Противодействуя централизаторским устремлениям киевского князя Всеволода Ольговича, Владимирко одновременно пытается ослабить могущество засевших на Воынь Мономахичей, прежде всего — Изяслава Мстиславича. Не случайно, думается, Владимирко оказался в войске Всеволода, направлявшемся на Воынь против Изяслава в 1140 г. (Ипат., с. 218). Правда, вскоре дальновидный Владимирко, не желая чрезмерного усиления Всеволода и всего клана Ольговичей *, спохватился и подписал сепаратное мирное соглашение с воыньским князем: «Васильковичь же и Володаревичь галичский князь привабиша к собе Изяслава Мьстиславича» (Ипат., с. 219).

По в 1142 г. Всеволод сумел посадить во Владимире-Воыньском своего сына Святослава, соблазнив Изяслава Мстиславича переяславским княжением (Ипат., с. 223). Это создало реальную угрозу самостоятельному положению Владимирко в Галиче. Если к тому же учесть родственные и союзнические отношения Всеволода Ольговича с польскими князьями (Ипат., с. 224), то приходится констатировать, что галицкий князь попал в своеобразные стратегические клещи.

Верный своей политике посажения братьев и детей в основных южнорусских центрах, Всеволод, вне сомнения, стремился вытеснить из Галича своеправного и независимого Владимирко. Дело стремительно шло к военному столкновению между ними.

Киевская летопись под 1144 г. с присущей тому времени прямотой отмечает: «В то же лето роскосторастася Всеволод с Володимерком про сына, оже седе сын его Владимири, и почаста на ся (Володимерко.— Авт.) искати вины; и Володимерко възверже ему грамоту хрестьную, Всеволод же с братьею иде на нь» (Ипат., с. 225). Дошло, как видим, до демонстративного отказа Владимирко служить Всеволоду, признать его сюзереном.

* В ходе этой кампании Всеволод попытался изгнать из Переяслава сына Мономаха Андрея, и летописец устами последнего осуждает великого князя за жадность и стремление к кровопролитию (Ипат., с. 218).

В предыдущем разделе рассказывалось о жестоком уроке, заданном Владимирко коалицией южнорусских князей во главе со Всеволодом. Владимирко уплатил огромную контрибуцию, покорился Всеволоду, после чего удовлетворенный великий князь «рек ему: се цел еси (остался.— Авт.), к тому не съгрешай» (Ипат., с. 226).

Заданный киевским князем урок явно не пошел впрок Владимирко: он не хотел мириться с возвратом Галицкого княжества в зависимость от великокняжеского стола. В начале 1146 г. разразилась новая война. Как и два года назад, Всеволод Ольгович собрал внушительное войско. В нем были дружины многих южнорусских князей, к тому же он пригласил и «Болеслава Лядьскаго князя, зятя своего, и Половци дикей вси, и бысть множество вой, идоша к Галичю на Володимирка» (Ипат., с. 228).

Киевское войско осадило Звенигород, но прямой штурм не удался. Между тем Всеволод во время кампании серьезно заболел и вынужден был вернуться в Киев. Есть основания предполагать, что не только болезнь великого князя привела к прекращению задуманного с подобным размахом похода. Суздальская летопись под тем же 1146 г. сообщает, что Владимирко захватил киевский порубежный город Прилук в Побужье и что Всеволод назначил новый поход в Галицкую землю «с Боринша дни»¹⁷ (24 июля). В Киевской и Суздальской летописях речь идет, как установил Н. Г. Бережков, о разных походах¹⁸. Можно предположить, что во время описанной в Киевской летописи масштабной кампании Всеволода Ольговича против Владимирко Володаревича последний нанес контрудар по западному киевскому рубежу, чем и вынудил войско союзников возвратиться восвояси.

Объявленный новый поход на строптивного галицкого князя не смог состояться: к 24 июля Всеволод был уже очень болен и скончался через неделю, 1 августа 1146 г. (Ипат., с. 229).

Вокняжение в Киеве деятельного и целеустремленного Изяслава Мстиславича еще более усложнило положение Галицкого княжества. Стремясь к объединению под своей рукой Южной Руси, Изяслав почти сразу же принял меры к ограничению самостоятельности Владимирко. Рассматривая Волынь как наследственное владение Мстиславичей, Изяслав отобрал у Святослава Всеволодовича Владимир и дал ему взамен несколько незначительных и далеко отстоящих друг от друга волынских городков вблизи киевского рубежа (Ипат., с. 234, 243).

В руках великого князя оказались Киевщина и Волынь, что несло весьма серьезную угрозу автономному статусу Галицкого княжества. К тому же Изяслав в своей политике относительно западнорусских земель опирался на родственника, польского князя Болеслава Кривоустого и венгерского короля Гейзу, от которого не раз получал военную помощь. Так, во время похода в Черниговскую землю 1148 г. против Ольговичей, Давидовичей и Святослава Всеволодовича киевский князь «из Угор приведе полкы в помощь себе» (Ипат., с. 254).

Понимая, очевидно, что в одиночку ему не устоять против киевского центра, стремившегося поставить в прямую зависимость Галицкое княжество, Владимирко вступает в союзнические отношения с могущественным соперником Изяслава, его дядей Юрием Долгоруким. Произошло это, по-видимому, вскоре после начала борьбы Изяслава и Юрия за киевское княжение, выразившейся в большом походе Изяслава и Ростислава Мстиславичей на земли Долгорукого в верховьях Волги. А этот поход состоялся в первые месяцы 1149 г. (Ипат., с. 258—259).

Союз Владимирко Володаревича и Юрия Долгорукого был скреплен обычным для того времени способом: династическим браком. Киевский летописец, повествуя об участии Владимирко в войне между Изяславом и Юрием, называет галицкого князя «сватом Дюргевым» (Ипат., 273). Правда, сам рассказ о женитьбе Ярослава Владимировича на дочери Долгорукого помещен в том же источнике под следующим, 1151 г. («Вда Гюрги дчерь свою за Святославича, за Олга, другую за Володмирча, за Ярослава, в Галичь». — Ипат., с. 275), но здесь мы, по-видимому, встречаемся с нередким в летописях случаем нарушения хронологии ради придания цельности рассказу.

В разгоревшейся в 1150—1151 г. ожесточенной феодальной войне из-за Киева и великого княжения между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким Владимирко активно поддерживал суздальского князя. Когда терявший на время Киев Изяслав оказывался во Владимире-Волынском, галицкий князь держал его там под своим контролем. А как только Изяслав Мстиславич отправлялся в поход на Киев, Владимирко моментально вторгался на Волынь (перипетии этой борьбы хорошо известны из чрезвычайно подробного и красочного рассказа Киевского летописи).

В качестве своеобразной платы за помощь Долгорукий отдал Владимирко Погорину и Бужск. Лишь прочно сев на киевском великокняжеском столе, Изяслав весной

1152 г. в союзе с венгерским королем Гейзой решил расчитаться с Владимирко и вообще лишить того волости. В битве на р. Сане с войском Изяслава полк Владимирко был «потоптан и избит», и галицкому князю пришлось укрыться в хорошо укрепленном Перемышле. Лишь подкупом восначальников Гейзы и хитростью, на которую был столь горазд «многоглаголивый», по меткому определению летописца, Владимирко, галицкому князю удалось добиться мира. Ему пришлось поклясться вернуть Изяславу Мстиславичу волынский город Бужск и погоринские города Шумск, Тихомль, Выгошев и Гнойницу (Ипат., с. 308—313).

Однако ни Владимирко, ни его сын Ярослав не возвратили эти города Изяславу. В январе 1154 г. Изяслав решил силой оружия заставить Ярослава отдать Погорину и Бужск. 16 февраля киевское войско разбило галицкое под Теремовлем, в пограничье, но не смогло развить успех, ибо союзники неожиданно покинули Изяслава, и он «оста-ся... с малом дружины на полчищи» (Ипат., с. 322).

Смерть Изяслава Мстиславича в ноябре 1154 г. (Ипат., с. 323) круто изменила положение в западнорусском регионе. Пресмники Изяслава на Волини не смогли сохранить ее единство, она разделяется на Владимирское и Луцкое княжества, в ее составе выделяются и более мелкие владения. Тем же волынским князьям из дома Мстислава, которым посчастливилось княжить в Киеве (Ростиславу Мстиславичу, Мстиславу Изяславичу), не удавалось настолько прочно утвердиться в стольном граде Руси, чтобы накрепко соединить Волинь с Киевщиной. С тех пор Галицкому княжеству более не угрожали киевско-волынские стратегические клещи.

Ярослав Владимирович отказывается от традиционной политики отца и деда — противостояния Киеву. Он вступает в союзнические отношения с великими киевскими князьями. Лишь в 1158 г., когда тогдашний великий князь Изяслав Давидович отказался по требованию Ярослава выдать ему Ивана Берладника, заклятого врага Владимирко, галицкий властелин вместе с волынскими князьями изгнал Изяслава из Киева. Но с пресмником последнего, Ростиславом Мстиславичем, он жил в дружбе.

Четвертьвековое княжение Ярослава Владимировича в Галиче ознаменовалось развитием ремесел, земледелия и торговли, усилением городов. Он умел ладить с могущественным боярством, хотя во многом и зависел от него. (Бояре нагло вмешивались даже в частную жизнь князя. Так, в 1173 г. они заключили князя под стражу, а его любовницу Настасью сожгли на костре).

Когда после смерти Ярослава Владимировича (1 октября 1187 г.) в Галиче утвердился его сын Владимир *, он первым делом попытался освободиться от боярской опеки, столь досаждавшей его отцу. Киевская летопись, использовавшая галицкий источник, наверное, близкий тамошней боярской олигархии, записала под 1188 г.: «Князю Володимеру в Галичкѡй землѣ, и бе бо любезнѣв питию многому, и думы не любящеть с мужми своими» (Ипат., с. 444). Как остроумно заметил Б. А. Рыбаков, «этим было решено все — если князь пренебрегает боярской думой, если он выходит из воли «смысленных», то он уже тем самым плох, и в летопись о нем вносятся всякие порочащие его детали»¹⁹.

Вступивший в сговор с галицкими олигархами в том же 1188 г. (а, может быть, даже позванный ими) Роман Мстиславич волыпский не сумел удержаться на галицком столе. Владимир Ярославич бежал к венгерскому королю Беле III, который решительно воспротивился утверждению Романа в Галиче. Галицкий источник Киевской летописи ** так рассказывает об этом: «И приде Володимер ко королеви, король же поймал Володимера, и со своими полкы поиде к Галичю. И слышав Роман, аже король за Горою уже (т. е. перешел границу, один из перевалов Карпатских гор.— Авт.), и бежа, не мога стати противу ему» (Ипат., с. 445).

Дальнейшее развитие событий объясняет столь оперативное и мощное вмешательство Беле III в ссору между галицким и волыпским князьями: он решил попросту присоединить Галицкую землю к Венгерскому королевству. «Король же въеха в Галичъ,— повествует летописец,— не посади в немъ Володимера, но... посади в немъ сына своего Андрея, а Володимера поя с собою в Угры опять, нужею, отъима добыток и всади его на столп (в башню, служившую тюрьмой.— Авт.) и с женою его» (Ипат., с. 445).

Вокняженне венгерского королевича в Галиче вызвало, вне сомнения, возмущение горожан, принадлежавших к

* Будучи уже тяжело больным и предчувствуя близкую кончину, Ярослав составил завешание. Согласно этому отразившемуся в летописи документу, он решил разделить княжество между двумя сыновьями: «Се аз одною худою своею головою ходя удержал всю Галичкую землю, а се приказываю место свое Олгови, сынови моему меньшему, а Володимеру даю Перемышль» (Ипат., с. 442). Но боярство восприняло все княжество Владимиру.

** См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания, с. 204.

разным слоям общества. Часть боярства была вынуждена под давлением народных масс искать пути избавления от чужеземной оккупации. Лишь этим можно объяснить, почему вдруг в 1189 г. «послашася Галичкнии мужи к Ростиславу к Берладничю, зовуще его в Галич на княжение» (Ипат., с. 446) — сын чрезвычайно популярного в народе Ивана Берладника был в пору всенародного негодования господством венгерских феодалов наиболее приемлемым претендентом на галицкий стол. По всей вероятности, бояре, скрепя сердце пошедшие на этот шаг, надеялись, что лишенный экономической базы и сторонников в среде господствующего класса Галицкой земли Ростислав окажется послушной марионеткой в их руках.

Живший тогда в Смоленске, при дворе Давида Ростиславича, Ростислав Иванович охотно («рад бысть») принял приглашение галицких боярских политиков. Но в самой боярской среде не было согласия в вопросе о призыве «Берладничича». Значительная часть олигархов, особенно те, чьи родственники находились в Венгрии в качестве заложников, «держажуться крепко но королевичи».

Между тем «Ростислав же приде к полком Галичкым в мале дружине, не веды льсти их (бояр), мнев якоже ся ему обещале, узревше полк его отступить от королевича». Более того, в решающей битве с венграми «полци Галичкыи» поддержали не Ростислава, а венгерское войско. Княжич был сбит с коня и взят в плен. Когда его, раненого, принесли в Галич, «Галичани же возмятошася, хотя взяти сго у Угор и прияти собе на княжение». Ясно, что речь идет о народном возмущении, выступлении ремесленников и прочего трудового люда, носившем не только освободительный, но и антифеодальный характер. Напуганные захватчики тут же умертвили народного претендента на галицкий княжеский стол (Ипат., с. 447).

Бежавший в том же 1189 г. из заточения в Венгрии и не надеявшийся больше на доброжелательный прием в Галиче Владимир Ярославич отправился за помощью к германскому императору Фридриху Барбароссе. За огромную сумму в две тысячи гривен серебра (которые Ярославич обязался выплачивать ему ежегодно) император решил поддержать Владимира и поручил зависевшему от германской короны польскому князю Казимиру восстановить галицкого князя на отчем столе. «Галичкнии же мужи сретоша его (Владимира) с радостью великою,— сообщил, как будто не ощущая комизма ситуации, летописец,— князя своего и дедича, а королевича прогнаша из земли своєї» (Ипат., с. 448).

Но Владимир Ярославич хорошо знал цену коварному галицкому боярству, уважавшему только силу, и решил основательно позаботиться о собственной безопасности. Хотя Галич с момента появления на политической карте пребывал в политической орбите Киева, Владимир не прибег к помощи великого князя киевского Святослава Всеволодовича и его соправителя в Киевской земле Рюрика Ростиславича; без сомнения, он опасался в этом случае требований признать вассальную зависимость от киевского князя и реального ограничения своей власти.

Галицкий источник Киевской летописи сообщает, что как только Владимир Ярославич водворился в Галиче, он «посла ко Всеволоду ко уеви своему в Суждаль, моляся ему: «Отце господине! Удержи Галичь подо мною, а яз Божий и твой есмь со всим Галичемъ, а во твоей воле есмь всегда». Всеволод Юрьевич дал необходимые гарантии Владимиру, объявив венгерскому королю, польским и русским князьям о своем покровительстве галицкому князю. Этим обстоятельством и объясняет летопись возможность его спокойного княжения в Галицкой земле: «Володимер же утвердився в Галиче, и оттоле не бысть на нь никого же» (Ипат., с. 448—449).

Владими́ро-Сузда́льский великий князь Всеволод Большое Гнездо считался в те времена наиболее могущественным властелином на Руси — вспомним хотя бы знаменитое обращение к нему автора «Слова о полку Игореве»*. В годы коллективного управления Древнерусским государством (наступившие после 30-х годов XII в.) крупнейшими князьями, потомками Ярослава Мудрого подобное обращение за покровительством к одному из наиболее виднейших их представителей выглядело вполне естественным. В то же время находившийся на далеком севере Всеволод имел неизмеримо меньше возможностей вмешательства во внутренние и внешние дела Галицкой земли, чем сидевшие в Киеве Святослав и Рюрик.

Науке известно о последнем десятилетии княжения Владимира в Галиче. Он состоял в союзнических отношениях с великим князем киевским (с 1194 г.) Рюриком Ростиславичем и поддерживал его в борьбе с вольным князем Романом Мстиславичем. В 1196 г. Киевский летописный свод сообщил: «Володимер... повоева и пожьже волость Романову около Перемиля, а отселе Ростислав

* «Всликий княже Всеволоде! Не мыслию ти прилетети издадеча огня злата стола поблюсти? Ты бо можещи Волгу веслы раскропити, а Дон шеломи выльяти!» (Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — М.; Л., 1950, с. 21).

Рюриковичь (сын великого князя.— Авт.) повоевала и пожгоша волость Романову около Каменця» (Ипат., с. 468). Находившийся во враждебных отношениях со своим тестем, Рюриком Ростиславичем, Роман не имел достаточно сил, чтобы ответить тем же галицкому князю.

Умерший в 1199 г. в Галиче Владимир Ярославич не оставил законного сына, могущего унаследовать отцовское княжество (он имел лишь двух сыновей от любовницы, какой-то попадьи). Династия Ростиславичей пресеклась. Это открыло возможность ближайшему соседу Роману Мстиславичу реально претендовать на галицкий престол.

Древнерусские летописи (за исключением Радзивилловской, чей рассказ о вокняжении Романа в Галиче слишком краток и неточен) не сохранили достоверных известий о переходе галицкого стола к волынскому князю. Наиболее подробные и заслуживающие доверия сведения об этом содержатся в польских хрониках и исторических сочинениях, в частности — в хронике Винцентия Кадлубека, современника описываемых им событий.

Согласно рассказу Кадлубека, послужившему основой для повествования Длугоша, вокняжение Романа Мстиславича в Галиче стало возможным благодаря исключительно поддержке и даже якобы инициативе польского князя Мешко. Польское войско во главе с воеводой Николаем вместе с Романом поспешило к Галичу и захватило город, опередив венгерские полки, тогда еще только подходившие к Карпатам. Польский хронист уверяет даже, что Роман признал себя вассалом Польши²⁰.

В действительности опора Романа Мстиславича на польские силы в занятии галицкого стола была обычным делом в те времена и вовсе не повлекла за собой его зависимости от польских феодалов. Как показывает дальнейшее развитие событий, галицко-волынский князь проводил самостоятельную внешнюю политику, более того, сам не без успеха вмешивался в польские внутренние дела.

Вместе с тем в целом тенденциозный рассказ Кадлубека содержит одну весьма правдоподобную деталь. Польский источник сообщает, что галицкое боярство не желало поставления Романа в князья и предлагало большие дары польским военачальникам, дабы воспрепятствовать этому²¹.

Без сомнения, к тому времени галицким олигархам Роман стал известен как борец против засилья светских и духовных феодалов в Волынском княжестве²². Раньше многих других крупных русских князей он оценил значение городских верхов («лепших мужей») в ограничении

прав феодальной знати и тем самым — в централизации государства. Недаром даже в конце XIII в. городская вер-хушка Владимира-Волынского с умилением вспоминала, как Роман Мстиславич ее «освободил бязеть от всех обид» (Ипат., с. 605). Понятно поэтому, что галицкие бояре не ожидали ничего хорошего для себя от княжения Романа.

Действительность, по всей вероятности, подтвердила опасения ранее могущественных галицких феодалов. Более того, самые яростные враги сильной княжеской власти были либо истреблены²³, либо изгнаны в Венгрию (без сомнения, члены провенгерской партии, предавшие в 1189 г. Берладничича). Отголосок этого изгнания содержится на начальных страницах Галицкой летописи (Ипат., с. 481). Согласно справедливому мнению В. Т. Пащуто, земельными владениями, конфискованными у бояро-оппозиционеров, Роман Мстиславич «укрепил галицкий княжеский домен»²⁴.

Объединение Галицкой и Волынской земель имело громадное значение для истории Юго-Западной Руси в целом. Могущественное Галицко-Волынское княжество оказалось способным успешно противостоять иноземной агрессии. Его образование способствовало хозяйственному освоению новых земель, дальнейшему подъему земледелия, ремесла и торговли, умножению и расцвету городов и городской жизни. Оно ознаменовало собой начало завершающего этапа складывания государственной территории Галицко-Волынской Руси.

В сравнении с другими южнорусскими землями Галицкая земля была, как отмечалось, новообразованием, и это подтверждается малым количеством городов на ее территории во второй половине XII в. (связь между складыванием земель и возникновением и развитием городов подчеркивалась нами выше неоднократно). Образно выражаясь, она долгое время обходилась теми городами, которые достались ей в наследство от Перемышльской и Тереховль-ской волостей. Если на Волыни с 40-х годов XII в. возникают многочисленные города, то в Галичине процесс горо-дообразования развивался как бы замедленно. Киевская летопись второй половины XII в., к тому же использовавшая галицкие источники, называет всего десять вновь возникших городов в этой земле, к тому же большинство из них было, следует полагать, не подлинными феодальными городскими центрами, а пограничными, оборонительными замками.

Зато стольный град земли Галич рос и многолюднел стремительными темпами. Об этом говорит уже тот факт, что науке известно около 30 каменных храмов в самом городе и его ближайших окрестностях, 9 из которых исследованы археологически²⁵. М. Н. Тихомиров объяснял быстрый расцвет Галича «прежде всего его центральным положением в Галицкой земле», на скрещении больших торговых путей средневековья²⁶. Город стоял на одной из больших рек Европы, Днестре (вернее, на Лукве, недалеко от ее впадения в Днестр), служившей великолепной естественной торговой магистралью, соединявшей Галич с рынками юга, прежде всего — византийскими. Широко известно свидетельство Киево-Печерского патрика о громадном значении импорта соли из Галича в Киев и Киевскую землю²⁷. Б. А. Рыбаков отмечал большое значение Галича в международной торговле Руси, в контактах с Византией и Венгрией²⁸.

В научной литературе обычно отмечается главным образом торговое значение Галича и, на наш взгляд, недооценивается развитие его ремесел и промыслов — главных пружин стремительного подъема этого города. Он, вне сомнения, был крупным ремесленным центром, о чем говорят археологические находки. К сожалению, материалы этих находок до сих пор мало обобщены и публикации о них немногочисленны. М. Н. Тихомиров справедливо писал: «Если бы внимание археологов устремлялось бы не столько на описание «золотых токов» для воображаемых турниров, мы могли бы представить себе картину богатого средневекового города с развитым ремеслом»²⁹. Безусловно, в основном ремесленниками был заселен наибольший по площади район древнерусского Галича, «Предгородье», едва ли не равный Подолу Киева XII—XIII вв.

О высоком уровне развития ремесел в Галиче, о многочисленности его мастеров, подмастерьев и учеников свидетельствует, хотя и косвенно, но совершенно определенно, активное участие их в политической жизни. Известно, что ремесленники составляли не только преобладающую, но и наиболее активную социально часть горожан в средневековье. Галичане же включаются в общественно-политическую жизнь необычайно стремительно, почти одновременно с появлением их города на страницах письменных источников. По существу, первое конкретное упоминание о Галиче в летописи связано с выступлением горожан против Владимирко Володаровича и приглашением Ивана Берладника на стол. Специально исследовавшие рассказ Киевского свода о событиях начала 1145 г. в Га-

лице В. В. Мавродин и М. Н. Тихомиров пришли к выводу, что против князя тогда поднялись широкие слои горожан³⁰.

Есть поэтому основания считать, что в летописных известиях о событиях 1145 г. и последующих лет, связанных с приглашением в князья Ивана Берладника и его сына, отразилась деятельность галицкого веча. О распространенности вечевого строя в Галицкой земле свидетельствует рассказ Киевской летописи под 1146 г. об осаде Звенигорода войском киевского князя Всеволода Ольговича. «Второй день (осады), — повествует источник, — створиша вече Звенигородьчи хотяче ся передати». Но командовавший гарнизоном воевода князя Владимирко Иван Халдесвич схватил трех зачинщиков веча и жестоко казнил, чем «загрози» горожанам. После этого «начаша ся Звенигородьци оттоле бити без льсти» (Ипат., с. 228). Комментируя это сообщение летописца, В. Т. Пашуто замечает: «Состав веча не раскрыт, но упомянуты три городских «мужа», пытавшихся его собрать. Мужичи — это не простолюдины»³¹.

В настоящее время мало кто из историков сомневается в том, что вече было «не общим собранием всех свободных горожан, а сословным, представительным органом»³². Этот вывод основательно подтвержден новгородским археологическим материалом, но может быть вполне приложим к Галичу. Как и в Новгороде, в Галиче было исключительно сильно боярство. И в том, и в другом городе социальное и политическое могущество знати зиждлось на крупной земельной собственности.

Представляет поэтому большой интерес попытка археологически выявить дворы и усадьбы крупнейших галицких феодалов, предпринятая В. И. Довжейком. Названия урочищ, где обнаружены эти усадьбы, могут быть связаны с именами боярских олигархов: Юрьевское, Штепановское, Даниловское, Ивановское. Все они расположены в непосредственной близости от Галича, на восток от Крылоской горы, где находится его детинец³³. К сожалению, эта важная работа пока еще ждет своего продолжения.

Феномен слабости процессов горообразования в Галицкой земле второй половины XII в. может быть, на наш взгляд, объяснен сосредоточением ремесел, промыслов и торговли этой земли в самом стольном граде, экономического и политического потенциала которого, по всей вероятности, было достаточно для консолидации всей территории княжества. Немалую роль в этом сыграла также концентрация боярских усадеб вокруг Галича. И в этом Галицкая земля напоминает Новгородскую, в которой было так-

же мало городов, а стольный град аналогичным образом возвышался над остальными.

Несомненным представляется и то, что находившийся на западной окраине Галицкой земли Перемышль сохранял свое экономическое значение в качестве центра ремесел, промыслов и торговли, но его пограничное положение лишало перемышльских феодалов возможности эффективно соперничать с галицкими в руководстве вновь образующимся княжеством.

Как уже отмечалось, среди немногочисленных называемых летописью второй половины XII в. вновь возникших галицких городов почти все основаны как пограничные замки и продолжали ими оставаться в дальнейшем. Поэтому естественно сочетать их рассмотрение с определением границ Галицкого княжества второй половины XII в.

К подобным порубежным замкам принадлежал Санок, впервые упоминаемый летописью под 1150 г. Он был построен на границе с Венгрией. Известие Киевской летописи рассказывает, что «король (венгерский) же прошед Гору (Карпатский перевал.— *Авт.*) и взя Санок город, и посадица его яша, и села у Перемышля многа взя» (Ипат., с. 282). Из контекста источника следует, что Санок служил сторожевой заставой, защищавшей древний Перемышль.

Археологически Санок мало исследован. Обнаружены детинец и посад, «вероятно, торгового характера», XII—XIII вв. Однако нет оснований считать Санок древнерусского времени развитым феодальным городом, каким он предстает в актовом источнике XV—XVI вв. На противоположном берегу реки Сан найдено укрепление, по-видимому, охранявшее переправу³⁴. И в дальнейшем он оставался пограничной крепостью, что видно из сообщений Галицко-Волынской летописи первой трети XIII в. (Ипат., с. 480, 509).

Точно так же порубежным городом, но на границе с Польшей, был Ярослав, впервые названный Киевской летописью под 1152 г. (и, вероятно, незадолго перед тем возведенный) в рассказе о встрече Изяслава Мстиславича киевского с венгерским королем Гейзой: «Изяслав же приде на Сан реку, яже идеть под Перемышль; и якоже пребреде реку Сан, и ту пригна ему посол от короля... утрии же день Изяслав поиде к Ярославлю, помина и ста обеду, и ту присла к нему король мужа своего...» (Ипат., с. 309).

Из приведенного текста явствует, что Изяслав встречал Гейзу на русской границе. Представляется поэтому прием-

лемым неоднократно высказывавшееся мнение, согласно с которым Ярославский замок был, как и Саноцкий, основан для прикрытия Перемышля, но в данном случае — от польских феодалов. По всей вероятности, город был заложен сыном Владимирко Ярославом и назван в честь последнего³⁵.

В результате производившихся с 1951 г. археологических раскопок открыто предградье, рыночная площадь³⁶. Это может свидетельствовать о том, что со временем Ярослав превратился в подлинный феодальный город, с ремесленно-торговым населением. Город обладал мощными укреплениями, о чем дает возможность судить рассказ Галицкой летописи под 1245 г. о решающей битве между русскими полками Даниила Галицкого и венгерским войском, поддерживавшим боярского ставленника Ростислава Михайловича (Ипат., с. 532). Поэтому есть основания считать Ярослав одной из сильнейших крепостей на галицком западном рубеже.

У читателя не должно сложиться мнения, будто бы Галицкое княжество имело на западной границе всего две, хотя и большие крепости. Без сомнения, там существовали и многочисленные небольшие замки, еще ждущие своих исследователей-археологов. Сказанное касается, разумеется, всех порубежных защитных линий, и не только Галицкого, но и других древнерусских княжеств. О плодотворности поиска подобных замков свидетельствуют работы Б. А. Тимощука, часть из которых названа в этой книге.

Пограничной рекой Галицкого княжества и с Польшей, и, частично, с Венгрией был Сан. Венгерские феодалы тогда уже проникли в Закарпатье, и все чаще летописи (сначала Киевская XII в., затем Галицко-Волинская XIII в.) называют «Гору», т. е. Карпатский хребет, границей с Венгрией.

Еще более ста лет назад Н. П. Дашкевич, утверждая, что галицко-венгерская граница проходила по Карпатскому хребту, обратил внимание на то, что позднейший (скорее всего, конца XIV в.) список русских городов Воскресенской летописи называет в качестве русских ряд городов в самих горах³⁷.

Б. А. Тимошук полагает, что с образованием Галицкого княжества, т. е. во второй половине XII в., сложилась Попрутская пограничная полоса, основой которой стал верхний Прут, текущий вдоль восточных склонов Карпатских гор. Карпаты и размежевывали Венгерское королевство и Галицкое княжество. Пограничная полоса в этом

регионе была очень широкой, достигая 200 км³⁸. Она охватывала Карпатские горы, по склонам которых располагались, выходя и на равнину, порубежные укрепления Галичины и Венгрии³⁹.

Исследования топонимики левого берега р. Тиссы приводят к выводу, что северным рубежом Венгрии при Стефане I (975—1038) была эта река. Лишь впоследствии, не ранее XII в., граница передвинулась к засечной линии между Мукачевым и Свалявой⁴⁰.

Восточный рубеж Галицкой земли второй половины XII в. обозначался древним Теробовлем и новыми городами Микулиным и Голыми Горами (оба впервые упомянуты летописью под 1144 г.*). Следовательно, галицкая граница проходила по Серету и направлялась к верховьям Стири. Возле Голых Гор начинался галицко-волынский рубеж.

В описанном выше конфликте 1144 г. между Владимиром Володаревичем и Всеволодом Ольговичем, завершившемся жестоким поражением галицкого князя, «възворотн (так в Хлебниковском и Погодинском списках Киевской летописи.— Авт.) ему Всеволод Ушницю, Микулин» (Ипат., с. 226), иначе говоря — пограничные города. Местоположение Микулина локализуется известием Галицко-Волынской летописи, которое можно датировать приблизительно 1206 г. на основании близкого по смыслу сообщения Летописца Переяславля Суздальского (ЛПС, с. 108)**. «Собравшю же Рурику Половци и Руси много и приде на Галичъ..., — эпически повествует галицкий книжник. — И пришедшю ему на Галичъ, и сретоша и бояре Галичкыи и Володимерьстии у Микулина, на реце Серете, и бивши-мися има весь день о реку Сереть» (Ипат., с. 480).

Оба приведенных свидетельства летописи дают основания считать Микулин галицкой крепостью на рубеже с Киевской землей. Он был расположен на месте нынешнего с. Микулинцы Теробовльского района Тернопольской области.

Голые Горы (которые далеко не все исследователи считали населенным пунктом, видя в нем урочище⁴¹) находи-

* Нет уверенности в том, что названный в «Почуении» Владимира Мономаха Микулин (ПВЛ, I, с. 159) идентичен галицкому городу на р. Серете.

** До сих пор остается неисследованной хронология Галицко-Волынской летописи (существующая хронологическая сетка — позднего происхождения и почти все ее даты неверны). Поэтому определять даты тех или иных отраженных в ней событий приходится с большой осторожностью, обращаясь к другим древнерусским летописям и иностранным хроникам.

лись на восточной границе Галицкого княжества с Волынским. В том месте граница была давней и устойчивой, в чем убеждают следующие соображения.

Рассказ Суздальской летописи о походе Всеволода Ольговича киевского на Владимирко Володаревича в 1144 г. существенно отличается в деталях от аналогичного повествования Киевского свода. В нем говорится, что Владимирко вначале встретил княжескую коалицию во главе со Всеволодом на восточном рубеже своих владений («Володимер весь совкунився к Теревовлю»), но противники оказались на разных берегах Серета и двинулись вверх вдоль реки. «И на Рожни Поли не могоша ся бити, зане Володимер стоя на Голых Горах». Но когда Изяслав Давидович привел половцев и захватил с ними Ущицу и Микулнн, Володимерко был вынужден отступить к Звенигороду (Сузд., стб. 311).

Это Рожне Поле упоминается в рассказе «Повести временных лет» под 1099 г. о битве Володаря и Василько Ростиславичей с киевским князем Святополком Изяславичем, пытавшимся отнять у них Теревовльскую волость: «И сретошася на поли на Рожни, исполчившимся обоим... И видев Святополк, яко люта брань, и побсже, и прибеже Володимерю. Володарь же и Василко, победивша, ста ста ту, рекуща: «Довлеет нама на межи своей стати, и не идоста никамо же» (ПВЛ, 1, с. 178—179). Следовательно, Теревовльское княжество Василько граничило с Волынским у Рожна Поля и здесь же впоследствии возникли Голые Горы.

Следует согласиться с Н. П. Барсовым, полагавшим, что Голые Горы — это с. Гологоры⁴² (ныне село Золочевского района Львовской области).

Далее галицко-волынская граница направлялась на запад к Плеснеску. Его порубежное положение засвидетельствовано летописью в рассказе о неудачной попытке Романа Мстиславича вокняжиться в Галиче в 1188 г. Идя с дружиной из киевского города Белгорода, «Роман же перед с вои посла к Пресньску (в Хлебниковском и Погодинском списках Киевской летописи и здесь и далее употреблена форма «Плеснеск». — *Авт.*), да засдут Преснеск переди. Они же затворишася; Угре же и Галичане засхаша и у Преснеск, инех изимаша, а друзии утекоша» (Ипат., с. 445).

Городище расположенного в верховьях Западного Буга древнерусского Плеснеска локализуется на хуторе Плеснеско, возле с. Подгорцы Олеского района Львовской области⁴³. По мнению М. П. Кучеры, городище Плеснеска

возникло еще в XI в. и тогда же построен феодальный замок. А в XII—XIII вв. Плеснек был ремесленно-торговым центром⁴⁴.

Однако есть всекие основания считать, что в качестве важного пограничного замка Плеснек возник лишь незадолго перед первым о нем упоминанием в летописи: если бы он существовал раньше, вряд ли бы его обошли вниманием источники, учитывая положение этой крепости в «горячей точке», на рубеже соперничавших княжеств, в сфере политических интересов киевского великого князя. Не случайно, как нам кажется, Плеснек упоминается почти одновременно в поэтическом источнике, «Слове о полку Игореве» — по мнению большинства исследователей, «Слово» написано в 1187 г.*

От Плеснека галицко-волынский рубеж уходил по Западному Бугу, на северо-запад, к галицкому пограничному замку Унову (ныне с. Угнев) на р. Солокии, впадающей в Западный Буг. В 1169 г. великий князь Изяслав Мстиславич бежал из Киева ввиду приближения войска северовосточных и южнорусских князей. Оказавшись в Галицкой земле, «с братом же Ярославом снися за Уновью, и тако идоста Володимирю» (Ипат., с. 372). Археологически эта крепость совершенно не изучена, в летописи упоминается лишь однажды, поэтому можно думать, что особого значения она не имела и так и не переросла в феодальный город.

Но на Западном Буге стоял и волынский город-крепость Бужск, и это привело к ожесточенным спорам из-за него между соседями, когда все расширяющаяся территория вновь образующейся Галицкой земли достигла этой реки. Выше отмечалось, что в 1149—1150 гг. этот город был захвачен Владимирко Володаревичем и так и не возвращен им волынскому и киевскому князю Изяславу Мстиславичу, несмотря на соответствующие клятвы.

Однако в дальнейшем волынским князьям удалось вернуть Бужск, и его даже сделали на короткое время центром небольшого удельного княжества. Об этом свидетельствует рассказ Киевского свода под 1167 г.: «Посла Ростислав (Мстиславич, великий киевский князь.— Авт.) к братьи своей и к сыном своим, веля им всем совокупитися у себя со всеми полкы своими; и приде Мьстислав из Володимеря, Ярослав брат его из Лучьска, Ярополк из Бужьска» (Ипат., с. 361). Речь идет о трех сыновьях Мстислава

* «Всю ночь с вечера бусови врани възграяху у Плесньска» (Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, с. 19).

Изяславича, сидевших на Волыни. Ярополк умер в 1170 г.⁴⁵ и в Бужске не стало собственного князя: город с округой был присоединен к удельному княжеству его племянника Свягослава Мстиславича, владевшего Червеном и, по другим известиям, еще и Берестьем (после смерти брата Владимира Мстиславича в 1171 г.)⁴⁶.

От Унова галицко-волынская граница направлялась на запад, водоразделом Западного Буга и Сана, к Ярославу. Другие галицкие крепости, несомненно, существовавшие на этом участке границы, науке неизвестны. Местная летопись второго десятилетия XIII в. упоминает здесь галицкий город Любачев (Ипат., с. 489), стоящий на р. Любачевке, правом притоке Сана. Возможно, он возник в качестве порубежного замка в последнее десятилетие XII в., когда отношения между Галицким и Волынским княжествами были особенно напряженными.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема прохождения южной границы Галицкого княжества второй половины XII в., остающаяся и поныне дискуссионной.

В отечественной науке издавна утвердилось мнение, будто бы южная граница Галицкого княжества древнерусского времени достигала низовьев Дуная⁴⁷. Его сторонники основываются на трех разнородных источниках: грамоте князя Ивана Ростиславича Берладника, списке русских городов Воскресенской летописи и обращении автора «Слова о полку Игореве» к галицкому князю Ярославу Владимировичу. Причем ни грамота Берладника, ни список Воскресенской летописи отнюдь не содержат свидетельств того, что нижний Дунай и территория к северу от него принадлежали именно галицким князьям — оба источника лишь указывают на то, что ряд нижнедунайских городов были русскими. А это разные вещи. Поэтому и поныне основным и, строго говоря, единственным аргументом приверженцев мнения о прохождении южной границы Галицкого княжества по Дунаю остается упомянутый фрагмент «Слова о полку Игореве»: «Галичкы Осмомысле Ярославе! Высоко седиши на своем златокованнем столе, подпер горы Угорскыи своими железными плъки, заступив Королеви путь, затворив Дунаю ворота, меча бремены чрез облакы, суды рядя по Дуная»⁴⁸.

Справедливости ради следует отметить, что многие ученые чувствовали неубедительность одного лишь свидетельства поэтического произведения. Используя призыв автора «Слова» к Ярославу Галицкому для подтверждения распространенного мнения, что нижний Дунай зависел от галицких князей, педантично скрупулезный в работе с

источниками Н. П. Дашкевич вынужден был все же признать: «Мы не думаем, что эта зависимость была постоянной и полной»⁴⁹. С ним соглашался и С. М. Середонин, который, на основании летописных свидетельств, утверждал: «Подунайские города едва ли имеем право считать принадлежащими галицким князьям». Но и для этого историка авторитет «Слова о полку Игореве» был столь высок, что он тут же сделал оговорку, допуская возможность временного утверждения тех или иных галицких князей на Дунае — прежде всего Ярослава Владимировича⁵⁰. Подобные ограничения во времени господства галицких феодалов в нижнем Подунавье допускал и К. В. Кудряшов.

Однако постепенно исследователи исторической географии Древней Руси утратили свойственную им предшественникам осмотрительность, — в особенности необходимую при использовании свидетельств литературных памятников, — и безоговорочно признали низовья Дуная принадлежащими Галицкой Руси древнерусского времени. Тем самым пансгирик героической песни возводится в ранг свидетельства достоверного исторического источника. Поэтому, приступая к рассмотрению южной границы Галицкой Руси второй половины XII в., мы вынуждены рассмотреть историческую основу записи «Слова» о Ярославе Владимировиче. Примем во внимание, что «Слово о полку Игореве» принято датировать 1187 г., не позже первого октября: в этот день умер Ярослав (Ипат., с. 441), названный в памятнике среди живых⁵¹.

Выражение «Слова» «суды рядя» привлекает к себе особенное внимание еще и потому, что, насколько нам известно, не встречается в других произведениях древнерусской литературы. Лихачев в комментарии к «Слову» приводит лишь словосочетания «ряды правити» и «ряды рядити»⁵². Специальный словарь «Слова о полку Игореве» указывает только конструкцию «суд судить»⁵³. Но сам смысл выражения «суды рядя» не вызывает сомнений, оно означает, что, по мнению автора обращения к Ярославу, последний осуществлял судебную-административную власть на огромной территории — вплоть до Дуная, несомненно, нижнего, поскольку средний Дунай во второй половине XII в. находился в сфере политического влияния Венгрии и Византии.

Нельзя сводить вопрос лишь к обладанию галицкими князьями территориями по нижнему Дунаю: в этом случае было бы «на Дунае», а не «до Дуная». Отсюда следует, что южная граница Галицкой Руси в 80-х годах XII в.

проходила, по меньшей мере, по левому берегу нижнего Дуная.

Выше упоминалось, что сторонники подобного решения проблемы южных рубежей Галицкого княжества иногда пытались привлечь для подкрепления разбираемого здесь отрывка «Слова» свидетельства еще двух источников: грамоты князя Ивана Ростиславича и списка русских городов Воскресенской летописи. Однако оба источника издавна вызывали большие сомнения не только в хронологическом плане, но и вообще с точки зрения их аутентичности. В особенности это относится к грамоте Ивана Ростиславича.

Грамота Ивана Берладника, впервые опубликованная румынским ученым Богданом Хиждеу в единственном вышедшем в свет номере яского журнала «*Instructiunea publică, revistă septemănară din Moldova*» за 1860 г., а затем им же, повторно (заметим, в значительно измененном виде!), в газете «Трајанъ», № 50, 26 августа 1869 г., вызвала обширную литературу. Оригинал этого документа науке не известен: из сообщения издателя можно лишь узнать, что сама грамота утеряна. Вскоре после первой публикации бесследно исчезла и выполненная отцом издателя копия, по которой публикация была осуществлена.

Этой грамотой «Иванко Ростиславич, от стола Галицкого князь Берладский» указал купцам Мессемврии * порядок уплаты таможенных сборов в городах Малом Галиче, Берладе и Текучем. Грамота датирована 1134 г. н. э., а ис 6642 г., как должно быть в подлинных древнерусских памятниках.

Аутентичность этой грамоты с исторической точки зрения была подвергнута сомнению румынским ученым Богданом⁵⁴, а крупнейший знаток славянской палеографии А. И. Соболевский опроверг ее подлинность с лингвистической стороны. Согласно наблюдениям последнего, буква Н в грамоте не употребляется и всюду заменена буквой і; вместо ОУ не раз встречается, и даже в начале слов, Ѹ; вместо ѣ употреблено ѣ, вместо префикса сѣ — ИЗ (изклад); в качестве знака препинания постоянно выступает двосточие и др.⁵⁵

Грамматические несообразности грамоты, пишет А. И. Соболевский, совершенно чужды русским и болгарским памятникам письменности XII в., но сближают ее с

* Город во Фракии, южнее Варпы, на побережье Черного моря.

грамотами молдавских господарей начала XV в.*, которыми были дарованы торговые привилегии русским купцам: неправильное употребление падежей, неполногласных форм, отсчет годов «от рождества христового», некоторые термины и пр. Поэтому А. И. Соболевский безоговорочно признал рассматриваемую грамоту подложной⁵⁶.

Аргументация А. И. Соболевского оказалась настолько весомой, что даже наиболее горячий сторонник подлинности документа Н. П. Дашкевич не смог сколько-нибудь поколебать ее, хотя и попытался свести лингвистические погрешности «Иванковой» грамоты к ошибкам переписчиков и прежде всего первого из них, отца издателя⁵⁷. В последующее время некоторые исследователи, не особенно смущаясь языковыми и палеографическими погрешностями грамоты Ивана Берладника, предлагали считать ее подлинной, основываясь на достоверности ее содержания. Поэтому выглядит целесообразным рассмотреть исторические реалии этой грамоты.

Предварительно заметим, что удивительное сходство этого документа с торговыми привилегиями молдавских господарей начала XV в. все же нельзя сколько-нибудь удовлетворительно объяснить. Н. П. Дашкевич утверждал, что отмеченное сходство «...не может составить неотразимого доказательства подделки, если признать, что эти позднейшие грамоты были писаны по типу, сложившемуся ранее»⁵⁸. Однако южнорусские грамоты XII в., не говоря уже о молдавских, науке вовсе не известны, поэтому предположение Дашкевича лишено необходимой почвы. Напротив, молдавские грамоты, на которые указывал Соболевский, близки к другим, писанным по-русски документам своего времени, т. е. представляют собой обычные образцы актов начала XV в.

Говоря об исторической основе грамоты Ивана Ростиславича, прежде всего отметим, что сведения о существовании в XII в. Малого Галича и Текучего отсутствуют в сколько-нибудь заслуживающих доверия древнерусских и иностранных источниках. Не может не вызвать недоумения сам титул Ивана: «от стола Галицкого князь Берладский», ведь из летописи он известен как звенигородский князь. Поскольку с именем Ивана Ростиславича ряд ученых связывает и другие доказательства принадлежности галицким князьям территории по нижнему Дунаю, следует более подробно остановиться на его богатой событиями биографии.

* Опубликовано в приложении к 7 тому *Acta grodzkie i Ziemskie*. — Lwów, 1878.

Впервые на страницах летописи Иван Ростиславич появился в январе 1145 г. Его дядя, Владимирко Володаревич (Иван был сыном перемышльского князя Ростислава Володаревича) выехал из Галича, где недавно утвердился, «на ловы». Воспользовавшись отсутствием князя, «послашася Галичане по Ивана по Ростиславича в Звенигород и въведоша к себе в Галичь». Когда сведения о случившемся дошли до Владимирка, он немедленно собрал дружину и пошел на Галич. Горожане во главе с Иваном Ростиславичем упорно сопротивлялись: «И выездче из города бяхуся кренко, и мнози падаху от обоих». После двухнедельной осады Иван «с галичаны» совершил вылазку, но потерпел неудачу: понес большие потери и оказался к тому же отрезанным от города. Тогда с остатками звенигородской дружины он «пробеже сквозе полк (Владимирко Володаревича.— Авт.) к Дунаю и оттуда полем пробеже ко Всеволоду, Киеву» (Ипат., с. 226).

Для темы нашего исследования особенно важны обстоятельства странствий Ивана Ростиславича в Подунавье, перед появлением его в Киеве, у врага Владимирко Всеволода Ольговича. Обратим внимание читателей на то, что в летописной статье 1145 г. Иван Ростиславич еще не носит прозвища Берладник, которым летописцы упорно называют его, начиная с 1146 г., причем это прозвище настолько прочно приросло к нему, что и сына Ивана летопись знает под именем Берладничича (Ипат., с. 446). Значит, ранее Иван Ростиславич не бывал в Берладии и, можно думать, вообще в низовьях Дуная.

Упомянутое прозвище, согласно нашему убеждению, нельзя рассматривать как свидетельство того, что Иван Ростиславич княжил в Берладии (ныне — Бирлат). В XII веке Берладь вообще находилась вне пределов Древнерусского государства, не входя в состав ни одного из его княжеств, о чем недвусмысленно свидетельствует летопись*. В Берладии, вероятно, собирались различные изгнанные властями элементы, формировались отряды искателей приключений. В летописи берладниками зовутся вольные обитатели земель между низовьями Дуная и Днестра⁵⁹. Вполне естественно, что потерявший Звенигородское княжество Иван Ростиславич мог искать счастья в Берладии**, в

* В 1173 г. Андрей Юрьевич суздальский, разгневавшись на Давида Ростиславича, велел сказать ему: «А ты пойдн в Берладь, а в Русьской земли не велю ти быти (Ипат., с. 390).

** Новгородский летописец под 1149 г. говорит о князе Берладском, состоявшем на службе у Юрия Владимировича Суздальского (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.— М.; Л.,

низовьях Дуная. В приложении к нему прозвище Берладник в устах летописца, отражавшего мнение господствующего класса, враждебно настроенного к князю-изгою, носило иронический, а то и презрительный оттенок. Дальнейшее развитие событий укрепляет нас в этой мысли.

Из рассказа Киевской летописи известно, что бывший звенигородский князь не задержался на Дунае и ушел в Киев. Вероятно, тогда он установил контакты с предводителями берладской вольницы, пригодившиеся ему через много лет. После смерти своего покровителя, киевского князя Всеволода Ольговича (1146 г.), Иван Ростиславич превращается, по существу, в кондотьера, с небольшой дружиной служившего за плату различным князьям.

Под тем же 1146 г. мы читаем в летописи, что к Святославу Ольговичу «с полку прибеже... Иван Берладник» (Ипат., с. 234). Однако он недолго служил черниговскому князю и в начале 1147 г. перешел к Ростиславу смоленскому, взяв у Святослава «за службу» 12 гривен золота и 200 гривен серебра (Ипат., с. 239). В. Н. Татищев разнообразит лаконичное сообщение летописи живописными подробностями, заимствованными, к сожалению, из неизвестного нам источника: «И как пришел (Святослав Ольгович) к Осетру, тогда Иван Ростиславич Берлядин, забыв Святославу к себе и братье его благодеяние, видя его изгоняема, согласясь с Давидовичи, пошел в Смоленск, к Ростиславу. И видя Святослава на Осетре в малых людех стоясча, напав на него, взял с него 12 гривен злата да 200 гривен сребра и ушел»⁶⁰. В этом порочащем Ивана тексте нетрудно ощутить враждебную бывшему звенигородскому князю тенденцию официального летописания, присущую, как упоминалось, Киевскому своду.

1149 г. застаёт Ивана Ростиславича на службе у Юрия Долгорукого, княжившего тогда в Ростово-Суздальской земле (НПЛ, с. 28). Последующие восемь лет его жизни не отражены в источниках. По всей вероятности, этот князь без княжества провел их в Суздале, выступая во главе своей дружины на стороне Юрия Владимировича в многочисленных междукняжеских стычках, на которые была так богата эпоха феодальной раздробленности.

В 1157 г. к бывшему в то время киевским князем Юрию Долгорукому обратился его зять, Ярослав Владимирович

1950, с. 28. (Далее: НПЛ)). Несомненно, речь идет об Иване Ростиславиче, но не следует буквально понимать сообщение далекого северного летописца: это все то же прозвище Берладник, которым постоянно называют Ивана южнорусские летописцы.

Галицкий, с просьбой выдать ему Ивана Ростиславича. Неизвестно, что именно послужило непосредственным поводом для этого, но истинная причина состояла, конечно, в том, что Ярослав опасался энергичного претендента на галицкий стол, у которого к тому же в Галиче оставалась группа приверженцев (о чем будет сказано далее). Не будем забывать, что в сравнении с Ярославом Иван имел преимущественные права на галицкий стол, ведь он был сыном старшего из Володаревичей, Ростислава.

Юрий Владимирович «привсел...Ивана Ростиславича, рекомаго Берладника, ис Суздаля окованого, хотя и дати Ярославу, зяти своему» (Ипат., с. 335) *. Трудно красноречивее, чем это сделано в летописи, обрисовать положение Ивана Ростиславича при дворе Юрия: он был не более чем наемником с княжеским титулом, кондотьером, которого в интересах высокой политики, союза с галицким князем можно было выдать тому на верную смерть.

Ивану Ростиславичу удалось избежать расправы. По словам летописца, за него вступилось киевское высшее духовенство, возмущившееся фактом нарушения клятвы («крепного целования»), данной Юрием Владимировичем Берладнику. Последнего вновь отослали в Суздаль, по-прежнему «окована». Но по дороге туда Ивана Ростиславича отбил черниговский князь Изяслав Давидович и спрятал его у себя в Чернигове (Ипат., с. 335). Изяслав связывал с бывшим звенигородским князем определенные политические планы, сущность которых состояла в оказании давления на Ярослава галицкого.

В том же 1157 г. внезапно умер Юрий Долгорукий, и Изяслав Давидович вокняжился в Киеве без боя (Ипат., с. 336). Первоначально Ярослав Владимирович оставался его союзником, хотя галицкого князя продолжало беспокоить пребывание его врага Ивана Берладника в Киеве. И в 1158 г. Ярослав предпринимает невиданный по тем временам демарш: обращается к Изяславу с требованием выдать Ивана, которое поддержали черниговский, смоленский, владимирский, луцкий, дорогобужский князья. Даже венгерский король и польский князь оказались на стороне Ярослава.

Изяслав Давидович решительно отказался выдать Берладника, но последний, зная уже цену дружбе великих князей, «уполошився и еха в поле ** к половцем» (Ипат.,

* Татищев В. Н. относит это событие к 1156 г. (Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964, т. 3, с. 58).

** Здесь, как и в случае с бегством Ивана Ростиславича на Дунай

с. 341). В. Н. Татищев сообщает, что посол Ярослава побудил венгерского посла ехать к половцам с требованием выдачи Ивана Ростиславича. Половцы ответили отказом, более того, когда свита венгерского сановника попыталась схватить Ивана, они, по словам историка, вступили с венграми в бой, «многих побили и послов выгнали»⁶¹. Эта история выглядит весьма правдоподобной, поскольку половцы в последующей кампании Ивана Ростиславича в Подунавье выступают в качестве его союзников.

Вместе с половецкими отрядами Иван Берладник направился в низовья Дуная. Далее в летописном рассказе следует место, которое обычно рассматривается как указание на принадлежность низовых дунайских городов галицким князьям: «Иван же...ста в городех Подунайских. И изби две кубаре, а взя товара много в нею. И пакостяше рыболовом Галичьским» (Ипат., с. 341). Однако это известие летописи не может быть свидетельством в пользу мнения о принадлежности низовьев Дуная Галицкому княжеству. Наоборот, по нашему мнению, оно довольно ясно говорит о том, что галицкие князья не имели власти над подунайскими городами. В самом деле, в 1158 г. Иван Ростиславич был изгнанником, давно порвавшим с галицким домом Ростиславичей и вынужденным с оружием в руках добывать средства к жизни. Более того, он оставался злейшим врагом Ярослава, и поэтому уже само его появление на нижнем Дунае свидетельствует о том, что вся эта область не подчинялась галицким князьям. Заметим также, что нет и свидетельств того, что захваченные Берладником корабли были галицкими. Одинокое же упоминание о галицких рыболовах на Дунае не может служить доказательством прохождения границ княжества по Дунаю: рыболовы не воины, они могли промышлять далеко за пределами своей земли.

Еще более убеждает в независимости Подунавья от Галицкой Руси продолжение летописного повествования о пребывании Ивана Ростиславича на Дунае. Главное же — летопись позволяет определить подлинные южные рубежи Галицкого княжества в середине XII века: «И придоша к нему (Ивану Ростиславичу) Половци мнози и берладника у него скупися * 6 000. И поиде к Кучелмину, и ради

в 1145 г., «поле» означает степь, в чем легко убедиться по контекстам летописей.

* Этот глагол указывает на местное, подунайское происхождение отряда берладников: ведь половцы к Ивану «придоша», пришли, а берладники «скупися», т. е. находились в той области и скопились под его знаменем.

быша ему. И оттуда к Ушици поиде. И вошла бяше засада Ярославля в город и начаша ся бити крепко засадници из города (вот, наконец, где Иван Ростиславич встретился с войском Ярослава! — Авт.), а смерди скачют черес заборола к Иванови, и перебеже их 300. И хотеша Половци взяти город, Иван не да им взяти. И разгневавшеся Половци, схаша от Ивана. Изяслав же посла по Ивана и приведе Киеву» * (Ипат., с. 341).

В приведенном отрывке летописи названы пограничные города Галицкого княжества на юге. Именно вблизи Кучелмина и Ушицы начиналась территория княжества, на которой в действительности мог «суды рядить» Ярослав Владимирович и его преемник и сын Владимир. Оба названных города принадлежат к наиболее важным из упоминаемых летописью галицких оборонных замков. В описанной выше кампании Иван Ростиславич беспрепятственно продвинулся по направлению к галицким рубежам из Подунавья, его с радостью встретили жители Кучелмина (по-видимому, гарнизон крепости был немногочисленным или его застали врасплох) и лишь в Ушице Берладник встретил сопротивление Ярославова войска.

Местоположение Кучелмина издавна вызывало споры в среде специалистов по исторической географии. И. П. Барсов указывал на с. Кучу близ Ушицы⁶², Н. В. Молчановский — на с. Кучурмик возле г. Снятин Ивано-Франковской обл.⁶³ С последней локализацией согласился А. Н. Насонов⁶⁴. Не так давно Б. А. Тимошук предложил считать остатками Кучелмина городище Галица возле Непоротозо

* Дальнейшая судьба Ивана Ростиславича подтверждает мысль о его связи с городскими низами галицких городов. В том же 1158 г. жители Галича вновь зовут его к себе на княжение: «Только явишь стягы, и мы отступим от Ярослава» (Ипат., с. 342). И вновь Ивану не удается утвердиться в Галиче: его покровитель, киевский князь Изяслав Давидович был разбит Ярославом Владимировичем при попытке добыть стол для бывшего звенигородского князя и в дальнейшем сошел с политической арены. В 1159 г. какие-то берладники овладели важным киевским портом на Днестре — Олешьем, но киевские войско настигло их на Дунае, у «Дичина» (Дичина) и отняло добычу (Ипат., с. 346). В. Н. Татищев уверяет, что Олешье было взято людьми Берладника (История Российская, т. 3, с. 69), во что нетрудно поверить, поскольку в Киеве сидел тогда уже не Изяслав, а недруг Ивана, бывший смоленский князь Ростислав Мстиславич. В 1162 г. Иван Ростиславич, несомненно, одна из наиболее ярких исторических личностей Руси своего времени, закончил жизненный путь в изгнании, в греческом городе Фессалониках; по всей вероятности, он погиб от руки подосланного Ярославом Владимировичем убийцы. Киевская летопись коротко сообщает об этом: «Том же лете преставися князь Иван Ростиславич, рекомый Берладник, в Селупи; нини тако молвахуть, яко с отравы бе ему смерть» (Ипат., с. 355).

Сокирянского района Черновицкой области⁶⁵. Мы принимаем его предложение, поскольку оно точнее прежних согласуется с географией рассмотренного похода Ивана Берладника.

Ясно, что выдвинутый в поле, на правый берег Днестра, Кучелмин был сторожевой заставой, своеобразным барбаканом*, призванным первым встретить подходящего из поля врага.

Подобно Кучелмину, мало исследована археологически и Ушица (ныне с. Старая Ушица Каменец-Подольского района Хмельницкой области), расположенная при впадении одноименной реки в Днестр. Все исследователи видят в ней галицкий порубежный город на Днестре. Раскопками последних лет там открыты остатки сторожевой крепости. Однако следы хозяйственной деятельности населения пока что не обнаружены. Городище использовалось в основном в военно-оборонительных целях⁶⁶.

Рассмотрение других летописных свидетельств также убедило нас в том, что южная граница Галицкого княжества проходила возле Ушицы, т. е. по Днестру. Например, в 1144 г. «Володимерко Галичский стоаше на Голых Горах с множеством вой. Прииде же тогда и князь Изяслав Давыдов внук Святославль с половецкими князи, имуще с собою множество Половецъ, и взяша два града князя Володимерка Галичского, Ушицу и Микулин» (Сызд., стб. 311). Ясно, что речь идет о пограничных городах и что военные действия развертывались на довольно широком фронте.

К южным пограничным городам и крепостям Галицкого княжества второй половины XII в. следует отнести также Василев, Онут, Калиус и Бакоту, хотя в качестве таковых они упоминаются уже Галицко-Волынской летописью первой половины XIII в. Можно предположить, что юго-восточные рубежи княжества при Данииле Романовиче не претерпели значительных изменений, поскольку в начале XIII в. все тот же Микулин продолжал оставаться пограничным галицким городом: «И пришедшю ему (Рюрику Ростиславичу) на Галичь, и сретоша и бояре Галичкыи и Володимерьстии у Микулина, на реце Серете» (Ипат., с. 480). То же можно сказать и об Ушице. В 1230 г. Даниил Романович «собра (землю Галицкую.— Авт.) от Боброky доже и до реки Ушице и Прута» (Ипат., с. 506) —

* Передовое укрепление крепости, находящееся с внешней стороны окружающего ее рва и предназначенное для фланкирующего обстрела подходящего противника.

как видим, и тогда южные пределы Галицкого княжества простирались не далее среднего Поднестровья.

В 1219 г.* Даниил по приказанию своего тестя, Мстислава Мстиславича, оставил Галич в связи с наступлением польско-венгерского войска, «проидоша в Онут и идоша в поле» (Ипат., с. 491). Следовательно, сразу за Онутом начиналась степь и кончалась галицкая территория. Долгое время ученые затруднялись локализовать Онут. Археологическими исследованиями недавнего времени установлено, что Онут находился на Днестре, на территории одноименного села Заставновского района Черновицкой области. Возможно, Онут был торговым портом⁶⁷. При этом Онут представлял собой поселение сельского типа и нет оснований видеть в нем город, как полагает Б. А. Тимощук⁶⁸. По нашему мнению, Онут мог быть пограничной крепостью, как и другие названные летописью населенные пункты на Днестре и его притоках.

Пограничными городами при Данииле Романовиче и, следует думать, также во второй половине XII в., были Калиус и Бакота: «Данил же хотя уставити землю (определить рубежи.— Авт.) и еха до Бакоты и Калиуса» (Ипат., с. 527). И Ростислав Михайлович, и татарские военачальники, вступая в войну с Даниилом Романовичем, начинали ее обычно с захвата пограничного города Бакоты (Ипат., с. 526, 549).

Полная археологическая неисследованность Калиуса (ныне с. Калюс Новоушицкого района Хмельницкой области) на Днестре, при впадении в него р. Калюсика⁶⁹, не дает возможности сказать о нем что-либо определенное. Летописный рассказ позволяет видеть в нем лишь пограничную крепость. Напротив, неплохо изучено городище древнерусской Бакоты. Археологи обнаружили остатки укреплений XII—XIII вв., а также посада со следами железодельного производства⁷⁰. Следует полагать, что Бакота была феодальным городом, с развитыми хозяйственными функциями. По всей вероятности, Бакота возникла во второй половине XII в. как оборонительная крепость и уже впоследствии, в первой половине XIII в. обросла посадом.

Неподалеку от Онута лежал галицкий пограничный город Василев: «Пойде король (Даниил Романович) ко Василеву и перейде Днестр и пойде к Пруту» (Ипат.,

* Дата определена на основании сообщения Никоновской летописи под этим годом о занятии Галича венграми (ИСРЛ, Спб., 1885, т. 10, с. 82).

с. 508). Хорошо изученный археологически Василев (ныне одноименное село Заставновского района Черновицкой области) на правом берегу Днестра был, как и Бакота, длинным феодальным городом, но превосходил ее по размерам и значению. Благодаря раскопкам, известны замок, стоявший на холме, от которого сохранились следы земляных укреплений, торг и пристань. Исследован фундамент древнего храма XII в., служивший усыпальницей (в нем обнаружено 9 саркофагов)⁷¹.

При раскопках Василева найдено много предметов VII—XIII вв., свидетельствующих о его разнообразных связях с другими древнерусскими городами: шиферные пряслица из Овруча (и, быть может, из Киева), бронзовые кресты-складни из Киева, керамика из Галича и др. Этим Василев обязан выгодному расположению на крупнейшей торговой артерии — Днестре. Основные культурные слои города датируются XII—XIII вв.⁷² Его общая площадь достигала 50 га, но посад не был укреплен. По-видимому, Василев возник во второй половине XII в., когда граница Галицкого княжества вплотную подступила к Днестру.

Ближайшей к Галичу крепостью на южной границе во второй половине XII в. была Тысячица (ныне поселок городского типа того же наименования Ивано-Франковской области), лишь однажды упомянутая в летописи. Когда в начале 1145 г. галичане позвали к себе на княжение Ивана Берладника, «въшедшу Володимиру (Володаревичу) в Тысячицю на ловы» (Ипат., с. 226). Археологически крепость не изучена, известно городище над р. Стрымбой⁷³.

Таким образом, упоминание о наиболее южных галицких городах в летописях, часто с прямыми указаниями на их окраинное, а то и порубежное положение, позволяет достаточно четко обозначить южную границу Галицкого княжества. Она проходила по Днестру, через города и замки Василев, Онут, Бакота, Ушица, Калиус. Лишь один Кучелмин представлял собой опорный пункт, выдвинутый в поле, что временами, как это было в случае с захватом его Иваном Берладником, делало крепость уязвимой со стороны степи.

Нельзя сказать, чтобы исследователи исторической географии Киевской Руси не обращали внимания на свидетельства Киевской и Галицко-Волынской летописей (Н. Дашкевич, С. Середонин и др.). Но, называя упомянутые нами города в качестве окраинных, они все же отодвигали южную галицкую границу вплоть до низовьев

Дуная — настолько сильной была их уверенность в достоверности свидетельства «Слова о полку Игореве». К тому же у ряда ученых она подкреплялась не только рассмотренной выше грамотой Ивана Ростиславича, но и широко известным списком русских городов Воскресенской летописи.

Этот список, составленный, по мнению одних исследователей, в начале XIV⁷⁴, других — в первой половине XV, а третьих — даже в XVI в.⁷⁵, называет русские города в Подунавье: «На Дунае Видицов о седми стен каменных, Мдин, об ону страну Дуная Трьнов, ту лежит святая Пятница; а по Дунаю: Дрествиц, Дичин, Килиа, на устье Дуная Новое Село, Аколятря, на море Карна, Каварпа. А на сей стороне Дуная: на устье Днестра над морем Белгород, Черн, Аский Торг, на Пруте рече Ромацов Торг, на Молдаве Немечь, в горах Корочюнов Камень, Сочава, Серет, Баня, Нечон, Коломыя, Городок на Черемоше, на Днестре Хотен, а то Болгарьский и Волосский городок»⁷⁶.

Список русских городов Воскресенской летописи не раз привлекали в качестве аргумента для доказательства принадлежности Галицкому княжеству земель по нижнему Дунаю — хотя о нем или его князьях в этом списке нет и речи. Например, комментируя запись «Повести временных лет» под 1116 г. о том, что Владимир Всеволодович Мономах посадил посадников на Дунае, Д. С. Лихачев замечает: «На нижнем Дунае были русские поселения. Подунайские города *обычно* (курсив наш.— Авт.) подчинялись галицким князьям. Ср. в «Слове о полку Игореве» ... (далее ученый цитирует знаменитое обращение к Ярославу). Воскресенская летопись XVI в. дает в списке русских городов и города на нижнем Дунае»⁷⁷.

Подобный метод доказательства, вне сомнения, анахроничен — нельзя подтверждать достоверность летописного свидетельства начала XII в. сведениями (да еще литературного произведения!) конца XII в., тем более — XVI в. Подобное построение обнаруживает априорное убеждение автора в том, что подунайские города вообще («обычно»!) принадлежали галицким князьям. На наш взгляд, как раз в отсутствии конкретно-хронологического подхода к изучению южных рубежей Галицкого княжества и заключалась основная ошибка исследователей. Выше указывалось, что этим грешили многие ученые, пытавшиеся определять территории и границы тех или иных земель и княжеств древнерусской поры. Они изучали их вообще, безотносительно к определенной эпохе, нимало не смущаясь разновременностью своих разрозненных аргументов.

До настоящего времени список русских городов Воскресенской летописи вообще не поддается точной датировке*. Еще Н. П. Барсов отмечал, что, «к сожалению, составитель этого списка не ограничился, как видно, собственно русскими городами, т. е. городами на русской земле, с основным русским населением, но почел необходимым назвать и те города, которые временно были завоеваны русскими князьями. Так, в числе Дунайских городов он приводит города в Болгарской земле Видицов,.. Мдин (Медин), Тернов, Дерестр (Дрествин—Силистрия) и др., единственно на том основании, что они были в X в. завоеваны Святославом»⁷⁸. Можно добавить к этому, что в список попали и молдавские города: Немечь, Сучава, Серет. Неизвестно, где находились Карна, Аколятря — историческая география летописей их не знает. Наконец, чрезвычайно подробный, специально «галицкий» источник (Галицко-Волынская летопись XIII в.) не называет ни один из перечисленных в Воскресенском списке городов в качестве галицких.

Не исключено, что рассматриваемый список был искажен позднейшими переписчиками или (в какой-то части) действительно был создан очень давно, например во второй половине X в., когда Святослав Игоревич предпринял известную попытку закрепиться на Дунае и завоевал ряд нижнедунайских городов. В последнем случае, правда, неясно, почему к русским дунайским городам не причислен Переяслав, в котором Святослав видел свою будущую столицу. Во всех случаях список русских городов Воскресенской летописи не может служить доказательством при решении вопроса о южных рубежах Галицкого княжества во второй половине XII в.

Выражение «Слова о полку Игореве» «суды рядя», как отмечалось, означает, что под властью Ярослава Владимировича должны были бы находиться не только дунайские города, но вся территория между Днестром и нижним Дунаем. Особый акцент на этом обстоятельстве не случаен: вопрос о южном рубеже Галицкого княжества тесно связан с проблемой статуса территории между Днестром и Дунаем. Действительно, даже наличие русского населения в дунайских городах в XII в. не означает, во-первых, что эти города принадлежали какому-нибудь, пусть даже и Галицкому княжеству, и, во-вторых, что территория между

* Выдающийся знаток летописей академик М. Н. Тихомиров считал, что «он возник не ранее конца XIV в.» (Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией, — М., 1969, с. 121).

дунайскими и достоверно известными из летописи наиболее южными галицкими городами находилась под властью галицких князей.

Уместно привести слова А. Н. Насонова: «Государственная территория — это территория, входящая в состав данного государства, население которой подчиняется власти государства, иными словами, это — территория, население которой в интересах господствующего класса подчинено публичной власти, возникшей для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое население, творящей суд и устанавливающей всякого рода поборы»⁷⁹. Ясно, что междуречье Дуная и Днестра этим условиям не соответствует.

Важно подчеркнуть, что в Галицко-Волынской летописи вообще отсутствуют упоминания о каких бы то ни было населенных пунктах южнее границы Василев—Онут—Бакота—Ушица—Кучелмин—Калиус, вплоть до нижнего Дуная. Это и не удивительно: за Днестром начиналась степь, «поле», ничья земля.

В иностранных источниках XII в. «Комания», земля половцев, часто начинается севернее низовьев Дуная⁸⁰. Согласно известиям венгерских хроник, половцы в то время часто проходили землями на нижнем Дунае⁸¹. Через столетие Плато Карпини также назовет территорию на север от нижнего Подунавья Команиею («terra Comania») ⁸².

Русские источники сохранили сведения о временном пребывании половцев на нижнем Дунае. Под 1106 г. летопись рассказывает, как войско киевского князя Святополка Изяславича загнало половцев до Дуная, отняв при этом у них «полон» (Ипат., с. 186). Можно предположить, что эти половцы тогда находились в Дунайском понизовье. По всей вероятности, дунайские же половцы в том году были разбиты болгарами на Дунае⁸³. В 1117 г. половцы во главе с ханом Аепой вновь напали на дунайских болгар (Ипат., с. 205). Татищев сообщает, что немало болгар было уведено кочевниками в плен⁸⁴.

Вообще сведения летописи о действиях и пребывании половцев в нижнем Подунавье, как и о самой территории, примыкавшей к нему с севера, весьма фрагментарны. Это косвенно подтверждает мнение, что указанный регион находился вне пределов русских земель. Ведь летописцы редко сообщают о том, что происходит за пределами Русской земли, делая исключения обычно лишь для из ряда вон выходящих событий. В нашем случае летопись упоминает о Подунавье также мимоходом, в связи с русскими делами. Таково, например, цитированное место о кампании

Ивана Ростиславича на нижнем Дунае в 1158 г. Характерным примером построения «дунайских» известий летописи по указанному методу может служить сообщение под 1188 г. Киевского свода: «Тое же зимы сдумав Святослав со сватом своим с Рюриком посласта Черны Клобук за вежа (в район постоянных половецких кочевий.— Авт.) за Днепр, и Романа Нездиловича восводю. И взяша вежа за Днепром и возвратишася восвоюи со славою и честью великою: Половци бо бяхуть шли в Дунай, и не бе их дома в вежах своих» (Ипат., с. 444) — только так стало нам известно об этом походе кочевников на Дунай.

Хотя летопись и редко упоминает о набегах половцев на нижнее Подунавье, она все же позволяет утверждать, что эти набеги были настолько часты, что даже стали на Руси притчей во языцех: «Тое же зимы (в 1190 г.— Авт.) сдумаша лепшии мужи в Черных Клобучех и приехаша в Торцький к Ростиславу Рюриковичу и рекоша ему: «Се Половце сее зимы воюють ны часто, а не ведаем, Подунайци ли есм, что ли, а отець твой далече есть» (Ипат., с. 451). Под 1192 г. летописец вновь рассказывает о наезде половцев на нижний Дунай — и вновь в связи с действиями русских дружин против них: «Сдумаша лепшии мужи в Черных Клобучех и почаша просити у Рюрика (Ростиславича) сына Ростислава на Половце, схали бо бяху Половци * на Дунай» (Ипат., с. 453). В 1197 г.** Роман Мстиславич совершил поход на половцев, напавших на прилегавшие к Дунаю земли Византийской империи, и разгромил их⁸⁵.

Едва ли половцы могли бы так часто и безнаказанно действовать на нижнем Дунае, если бы этот регион входил в состав Галицкого княжества.

В нижнем Подунавье во второй половине XII в. можно было встретить не только половцев. Рядом с ними выступало и свободолюбивое население тех мест, предположительно в большинстве своем состоявшее из выходцев из русских земель: берладники и бродники***.

* Слова «схали бо бяху Половци» отсутствуют в Ипатьевском, но имеются в Хлебниковском и Погодинском списках; из дальнейшего рассказа Ипатьевского списка Киевской летописи следует, что предполагаемый поход русских и черноклобучских войск должен был быть направлен не на Дунай, а в низовья Днепра.

** О дате этого похода см.: Котляр М. Ф. Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? — Укр. іст. жур., 1965, № 1, с. 119—120.

*** На русское происхождение бродников (или какой-то их части) указывает то, что они исповедовали христианство; в 1223 г., во время

И те, и другие временами объединялись с половцами, частыми гостями нижнего Подунавья. В 1147 г. к Свято-славу Ольговичу «придоша ... Бродничи, и Половци придоша к нему мнози, усве его» (Ипат., с. 242). В 1158 г. в войске Ивана Ростиславича совместно выступают также берладники и половцы (Ипат., с. 341). Вместе с половцами бродники действуют и на страницах венгерских хроник конца XII — начала XIII в.: «Cumani et Brodnici», а нижнее Подунавье часто именуется в них «Cumania et Brodinia terra».

Шеститысячный отряд берладников, собранный Иваном Ростиславичем в Подунавье, — веское свидетельство их многочисленности. К сожалению, и о бродниках, и о берладниках мы знаем очень немного: эти обитатели нижнего Дуная названы в летописи лишь постольку, поскольку принимали участие собственно в русских делах. Так, берладники упоминаются в летописи всего два раза: в первом случае как союзники Ивана Ростиславича (1158 г.), во втором — в связи с их нападением на русский порт Олешье (1159 г.).

Наконец, следует сказать еще об одном народе, населявшем нижнее Подунавье и какие-то земли к северу от него в XII в., — о волохах (влахах) или молдаванах. О них рассказывают иностранные источники, древнерусские же летописи того времени не упоминают о волохах. Нельзя пренебречь сведениями испанского путешественника Вениамина Тудельского, побывавшего в Северном Причерноморье между 1163 и 1173 гг. Он уверенно сообщает, что на нижнем Дунае живут волохи⁸⁶. По мнению Н. Дашкевича, не вызывают сомнений «известия о новом движении румын (в данном случае — волохов. — *Лвт.*) на север от Дуная во второй четверти XII в.»⁸⁷. Нам кажется, что он основывался на сведениях византийских авторов Никиты Хониата и Иоанна Киннама.

В рассказе Никиты Хониата о бегстве Андроника Комнина в Галич (1164 г.) упоминаются волохи (οἱ Βλάχοι), схватившие Андроника в тот момент, когда он считал себя вне опасности и «достиг пределов Галичины» (καὶ τῶν τῆς ἀλίττης ὁρίων λαβόμενος)⁸⁸. Очевидно, это произошло где-то далеко за Дунаем. Киннам повествует, что во время войны императора Мануила I Комнина с венграми (около 1166 г.) одна из византийских армий была направ-

битвы на Калке, их предводитель «целовав крест кы князю Мстиславу» (ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Суздальская летопись по Академическому списку. — Л., 1928, стб. 508).

лена для вторжения в Венгрию из местности, лежащей у Черного моря. В составе этой армии было множество волохов⁸⁹, очевидно, местного происхождения. По сведениям Никиты Хониата, в 1197 г. волохи участвовали в набеге половцев на Византию, вызвавшем упомянутый выше контрудар Романа Мстиславича. Согласно старинному молдавскому преданию, вплоть до Батыева нашествия к северу от Дуная, на Пруте, обитали волохи⁹⁰.

Этот, вовсе не претендующий на полноту, перечень свидетельств источников имеет целью показать, что и молдаване (волохи) были одними из обитателей земель в нижнем Подунавье и на север от него во второй половине XII в.

Итак, территория южнее Днестра не принадлежала галицким князьям. Она представляла собой невозделанную степь, которую занимали кочевники. Несколько сложное выглядит вопрос о городах по нижнему Дунаю, наличие русского населения в которых несомненно⁹¹. Но можно с уверенностью утверждать, что эти города и их жители не входили в состав ни одного из древнерусских княжеств.

Любопытно отметить, что мнения, будто власть галицких князей простиралась вплоть до Дуная, придерживался и Татищев⁹², во времена которого еще не было известно «Слово о полку Игореве». По-видимому, он некритически воспринял сообщение неизвестного нам источника, причины появления которого мы попытаемся представить.

Скорее всего, они восходят к летописному повествованию о расселении восточнославянских племен: «А Улучи и Тиверьци сядяху бо по Днестру, присядяху к Дупаеви. Бе множество их; сядяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради их и до сего дне» (ПВЛ, 1, с. 14). Где-то в X в. они были вытеснены оттуда печенегами. Под 915 г. летопись рассказывает: «Придоша Печенези первое на Рускую землю, и сотворивше мир со Игорем, и придоша к Дунаю» (ПВЛ, 1, с. 31), Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей», в главе «О племени печенегов» упоминает о покинутых населением укрепленных городах (*κίστρα*), среди которых называют и город Аспрон («Ἀσπρον»), т. е. Белый город, Белгород⁹³.

В дальнейшем на нижнем Дунае и в примыкавших к нему с севера землях обитали печенеги, торки и половцы. Русское население смогло удержаться лишь в излучинах рек и за валами некоторых городов. Но оно оказалось отрезанным от «Русской земли» летописи, от древнерусских княжеств.

К 968—971 гг. относится неудачная попытка Святослава Игоревича утвердиться на Дунае, которая могла способствовать рождению упомянутой традиции. А в 1116 г. Владимир Всеволодович Мономах «посажает посадники по Дунаю» (ПВЛ, 1, с. 201). По свидетельству «Повести временных лет», великий князь киевский поддержал тогда предприятие своего зятя, «царевича Леона» (дочь Мономаха Марица была замужем за Львом, сыном императора Романа Диогена), захватившего было у Византии несколько дунайских городов и погибшего от руки подосланного императором Алексеем убийцы. Дальнейшие события разворачивались неудачно для русских дружин: «Том же лето,— пишет Нестор,— ходи Вячеслав (Мономашич) на Дунай с Фомою Ратиборичем и пришед к Дьрьсту (в Ермолаевском списке «Повести»: к Днестру.— Авт.) и не всъпвше ничто же, воротишася» (ПВЛ, 1, с. 201). Татищев полагал, что киевский князь хотел «отмстить грекам смерть зятя своего Леона и удел его удержать оставшемуся младенцу, сыну его Василию»⁹⁴.

Лев был слабосильным и малозаметным претендентом на византийский престол, а утверждение войска Мономаха на Дунае — лишь мимолетным эпизодом в русско-греческих отношениях. Характерно, что Анна Комнина, главный и чрезвычайно подробный источник для изучения истории Византии того времени, даже не упоминает об этих событиях. Именно династическими связями между Константинополем и Киевом в XII в. * и следует объяснить получение вьуками Мономаха в 1162 г. от императора Мануила земель по нижнему Дунаю (Ипат., с. 357). Невозможно усмотреть в этом факте доказательств утверждения русских на Дунае. К Галицкому же княжеству он вообще не имеет отношения, но в преломленном в течение веков свете мог послужить поводом для рождения уверенности в том, что русские вообще, а затем и галицкие князья владели землями вплоть до Дуная.

Таким образом, можно считать установленным, что южная граница Галичины во второй половине XII в. проходила по среднему течению Днестра и что земли южнее этого рубежа не принадлежали Галицкому княжеству.

Но как же тогда быть с обращением «Слова о полку Игореве» к Ярославу Владимировичу, сообщающим, что

* Напомним, что сам Владимир Мономах был сыном византийской принцессы, его дочь вышла замуж за сына императора, а внучка, дочь Мстислава, была выдана замуж за члена императорской семьи (Ипат., с. 206).

этот князь «суды рядил» до Дуная?! Можно было бы сказать, что в данном случае мы имеем дело с поэтической вольностью, стремлением выдать желаемое за действительность, что, вне сомнения, вполне извинительно для литературного произведения. Исследователям же, настаивающим на достоверности этого свидетельства «Слова», придется признать, что оно ни в какой мере не отражает исторической действительности 80-х годов XII в. Сказанное логически приводит к мысли, что автор самого обращения к Ярославу, помещенного в «Слове о полку Игореве», был, скорее всего, отделен значительным промежутком времени от описываемой им эпохи и нескритически воспринял утвердившееся мнение о принадлежности Галицкому княжеству земель за Днестром, вплоть до нижнего Подунавья.

Галицкая земля, подобно Волынской, складывалась в отдельных ее частях с разной интенсивностью и различными темпами. Наиболее быстро и успешно осваивались в государственном смысле Подпизье, среднее Поднестровье, к чему феодальную верхушку княжества побуждали не только политические, но и экономические интересы. Здесь возникает защитная линия с несколькими крупными крепостями и рядом мелких. Прилагались усилия для укрепления западных границ с Венгрией и Польшей, вследствие чего были основаны Санок и Ярослав. Со стороны Киевской земли, на Серете, к укрепленному Тересовлю прибавился также имевший защитные сооружения Микулин.

В то же время нами отмечалась необычная для второй половины XII в. слабость процессов горообразования в Галицкой земле. Своеобразие ее социально-экономического, политического и вообще территориального развития состояло в том, что Галич был не только главным, но и единственным ее центром. В нем, как в фокусе, сосредоточивались процессы экономической, социальной, политической и культурной жизни княжества. Засилье боярства, крупных землевладельцев, чьи усадьбы и земельные владения были сосредоточены вокруг Галича, также препятствовало появлению новых городов и крепостей, опорных пунктов княжеской власти. Положение меняется в XIII в., во второй половине княжения Даниила Галицкого, когда была подавлена боярская оппозиция в Галичине.

ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЕ КНЯЖЕСТВО. ЕГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ГОРОДА

Роман Мстиславич сложил голову, находясь в апогее могущества и славы. С политической арены Восточной Европы сошел «самодержец всея Руси», как назвал его галицкий летописец (Ипат., с. 479). И у средневекового историка были веские основания для подобного титула.

В 1202 г., уже после объединения Галицкого и Волынского княжеств, произошло новое и, по существу, решающее столкновение между Романом и его тестем, великим князем киевским Рюриком Ростиславичем. Думается, инициатива исходила от сосредоточившего в своих руках большую власть, обладавшего экономическим и военным потенциалом Галицкой и Волынской земель, претендовавшего на первенство в Южной Руси Романа; однако суздальский летописец отдает ее Рюрику: «Того лета вста Рюрик на Романа и приведе к себе Олговиче в Киев: хотя поити к Галичю на Романа, и упереди Роман, скопя полкы Галичьские и Володимерьские, и въеха в Русскую землю» (Сузд., стб. 417). Галицко-Волынского князя поддерживали черные клобуки, обычно ходившие у стремени великого князя киевского — по всей вероятности, их ханы, тонко чувствовавшие политическую обстановку на Руси, заранее считали дело Рюрика проигранным.

Когда Роман, не встречая заметного сопротивления, форсированным маршем двинулся к Киеву («еха наборзе»), киевское вече решило признать его своим князем — при сидевшем еще в своем дворце в Верхнем городе Рюрике: «И отвориша ему Кыяне ворота Подольская в Копыреве конци, и въеха (он) в Подолье, и посла на Гору к Рюрикови и ко Олговичем... и пусти Рюрика во Вручий *, а Олговичи за Днепр Чернигову». Рюрик был сброшен с киевского стола, но Роман не стал самолично занимать его, а посадил там одного из волынских удельных князей — Инг-

* Его родовую вотчину.

варя Ярославича луцкого. Северорусский летописец, как нам кажется, приоткрывает причины подобного решения галицко-волынского властелина: он не хотел конфликтовать с владими́ро-суздальским князем Всеволодом Юрьевичем, считавшимся тогда старшим на Руси. Недаром, думается, о вокняжении луцкого ставленника Романа сказано: «И посади великий князь Всеволод и Роман Ингваря Ярославича в Кыеве» (Сузд., стб. 417—418).

Тем не менее происшедшее стало большим политическим успехом Романа Мстиславича. Киев, где сидел во всем ему послушный Ингварь Ярославич, попал в орбиту его влияния. Правда, в начале следующего, 1203 г. Рюрик в союзе с Ольговичами и половцами во главе с Кончаком «взяша град Киев на щит» и страшно разграбили и пожгли его (НПЛ, с. 240). В ответ на это Роман Мстиславич, заручившись нейтралитетом Всеволода Юрьевича, «см Рюрика и посла в Киев и постриже в чернщи». Суздальская летопись датирует последнее событие 1205 годом (Сузд., стб. 420), но более вероятной выглядит дата Новгородской летописи: 1203 г. (НПЛ, с. 240).

Засадив Рюрика в монастырь, Роман окончательно завладевает Киевом. Летописи не знают имени особого киевского князя в 1203—1205 гг., т. е. вплоть до смерти Романа Мстиславича. (Впрочем, Татищев уверяет, что в Кыеве остался править Ингварь Ярославич¹, но это его мнение носит скорее логический характер, поскольку не подтверждается источниками). Следует поэтому предположить, что Роман закрепил Киев за собой, но сам остался в Галиче. Этого требовали внешнеполитическая (он вмешался в междоусобную борьбу польских князей) и, главное, внутренняя обстановка (он решительными и крутыми мерами подавлял боярскую олигархию). Не исключено, что князь по-прежнему не желал раздражать Всеволода Суздальского.

Коль скоро Роман фактически сделался великим князем киевским, он предложил всем остальным русским князьям рассмотреть составленный им проект поддержания «доброто́го порядка» в Русской земле. Этот чрезвычайно важный документ отразился в «Истории Российской» В. Н. Татищева², куда попал из какого-то утраченного ныне древнерусского источника. Возможно, этим источником была не дошедшая до нашего времени начальная часть Галицко-Волынської летописи за первые пять лет XIII в. В этой части, судя по сохранившемуся вступительному предложению («В лето 6709* начало княжения великого князя Романа,

* Ошибка: должно быть 6707 г.

самодержца бывша всей Руской земли князя Галичского». — Ипат., с. 479), должно было содержаться жизнеописание Романа Мстиславича в качестве галицко-волынського князя. Вслед за Б. А. Рыбаковым мы склонны считать правдоподобным это сообщение Татищева.

Во вступлении к своему чрезвычайно подробно разработанному проекту Роман предлагал положить конец «междоусобиям». Он призывал «добрый порядок содержать, дабы един другаго не мог обидеть и на чужие области наезжать и разорять». Князь отметил, что как только «восстает война в братии, приводят поганых половцев и разоряют землю Рускую». В губительных для Руси союзах с половецкими ханами был особенно повинен только что сброшенный Романом с великокняжеского стола Рюрик Ростиславич.

Этот «добрый порядок» в представлении Романа Мстиславича сводился к главному условию: в случае смерти киевского князя его преемника избирают шесть первейших на Руси князей — суздальский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий и рязанский. «Ежели кто из князей начнет войну и нападение учинит на область другаго, — говорилось в этом проекте, — то великий князь да судит с местными князи и смирит. Ежели на кого придут войной половцы, венгры, поляки или другой народ и сам тот князь обороняться не может, тогда князю великому (киевскому), согласяся с местными князи, **послать помощь всего государства** (подчеркнуто нами. — Авт.) сколько потребно».

Перед нами — программа объединения Русской земли, прекращения усобиц и консолидации сил для отпора внешним врагам. Конечно, социально-экономические условия для преодоления феодальной раздробленности тогда еще не сложились, однако это обстоятельство не преуменьшает заслуг Романа, понимавшего губительность междукняжеских свар в попытках сплотить децентрализованное государство.

Добавим к этому, что галицко-волынський князь стремился прсодолеть феодальную анархию и разобщенность также созданием препятствий дальнейшему дроблению земель. Он предложил ввести майорат, т. е. передачу княжеского стола и княжества старшему сыну вместо того, чтобы делить «отчину» между всеми сыновьями, как практиковалось тогда.

Стремясь обсудить свой проект и провести его в жизнь, Роман Мстиславич предложил основным князьям съехаться на «снем», но большинство отказалось, «извиняясь разными

невозможностями». Лишь считавший себя первым на Руси владими́ро-сузда́льский великий князь Всеволод прямо заявил, «что «того издревле не было и я не хочу преступать обычая древняго, но быть так, как было при отцах наших и дедах наших». Роман, получа сей ответ,— заканчивает свой рассказ источник Татищева,— оскорбился вельми, и, оставя в Киеве паки Игоря Ярославича *, сам возвратился в Галич».

В примечании к этому месту В. Н. Татищев заметил, что «сие Романово предложение... сообщил мне Хрущев ** выписанное и сказал, что выписано в Новеграде из древнего летописца». Сам историк с некоторым сомнением отнесся к этому свидетельству, однако присовокупил, что «писано было древним наречием, которое мы с ним (Хрущевым) преложили, как здесь», и что «слог одного древний, котораго он сам (т. е. Хрущев.— Авт.) сочинить не мог»³.

Б. А. Рыбаков с определенным доверием относится к упомянутому сообщению Татищева, полагая, что, возможно, «популярность князя Романа (в том числе и былинная) вытекает из его политики». Ученый не исключает в то же время и фольклорного характера рассказа о «добром порядке» Романа Мстиславича⁴. Думается, что вряд ли последнее предположение основательно. Проект Романа слишком детализирован, чтобы иметь фольклорное происхождение.

Объединение Галицкой и Волынской земель, проведенное усилиями Романа Мстиславича, оказалось непрочным и недолговечным. Слишком мало (всего около шести лет) существовало оно, дабы мог сложиться административный аппарат, система вершения суда и сбора дани, упрочиться власть на местах на всей обширной территории нового княжества. Да и слишком разными были эти части нового образования: Волынь с устойчивой центральной властью, земельной аристократией, в целом поддерживавшей князя и подавленной боярской оппозицией, и Галичина, в которой Роман так и не успел ни укротить боярских олигархов, ни упрочить свою власть. Как уже упоминалось в предыдущей главе, Роман Мстиславич начал широкомасштабную кампанию против галицкого боярства, но довести ее до желаемого завершения помешала неожиданная смерть князя в июне 1205 г. возле польского города Завихоста во время похода против малопольского князя Лешко Краковского.

* Ингваря Ярославича луцкого.

** Андрей Федорович Хрущев, источниковед-любитель.

По мнению В. Т. Пашуто, галицко-волынский князь вмешался в соперничество Вельфов и Гогенштауфенов на стороне последних и атаковал их союзника Лешко лишь с тем, чтобы, отбросив его, вторгнуться затем в Саксонию⁵. В свете этой, подтверждаемой одной из средневековых германских хроник, версии масштабы международной европейской политики Романа выглядят очень внушительными.

Оказалось, что внешне прочное и, несомненно, обладавшее громадным экономическим потенциалом и военным могуществом Галицко-Волынское княжество в основном держалось усилиями обладавшего большими государственными способностями, сильным характером и непререкаемым авторитетом Романа Мстиславича, этого «царя в Руской земли», как *post factum*, через много лет после его кончины, называет князя летописец (Ипат., с. 536).

В час гибели Романа его старшему сыну и преемнику на великокняжеском столе Даниилу едва исполнилось четыре года. От его имени стала править мать, княгиня Анна. Сразу же подняли головы мятежные галицкие бояре, понесшие значительный урон, но не искорененные Романом. Казалось, колесо истории повернулось вспять: Галицкая и даже Воынская земля надолго погружаются в омут феодальной раздробленности. Биограф Даниила Романовича, ученый галицкий книжник, с горечью замечает: «Великую мятежю воставишу в земле Руской» («великая смута началась в Русской земле», т. е. в Галицко-Воынской Руси).

Большинство удельных князей и крупных бояр Галицкой земли, раньше смиренно сидевших в городах, волостях и селах с позволения, «волн и ласки» великого князя, безгранично повиновавшихся ему: плативших дани и по его первому зову спешивших ему на помощь с оружием в руках, после смерти Романа ощущают себя полновластными хозяевами на местах. Если еще воынское боярство, почти целиком состоявшее из любимцев Романа Мстиславича, обязанное ему владениями, богатством и положением, в основном последовательно поддерживало сыновей погибшего, Даниила и двухлетнего Василько (летописцы обыкновенно называют братьев просто Романовичами), то галицкие крупные феодалы окончательно выходят из-под власти малолетних князей, вернее, их матери-регентши.

Государственные территории Галицкой и Воынской земель к началу XIII в. оказались уже сформированными, но лишь в самом общем виде. Центральная власть оставалась еще недостаточно сильной, чтобы ликвидировать удельные княжества на Воынии и подавить боярство в Галичине. Это случилось, прежде всего, в неравномерности

заселения обоих регионов и возникновения там городов. Государственное управление, сбор дани и суд действовали далеко не на всей территории обеих земель. На местах неограниченными господами были крупные и средние феодалы, им служили в качестве вассалов мелкие. Это касается прежде всего Галицкой земли.

Рассматривая процессы складывания Волынской и Галицкой земель, мы вскользь касались вопроса о роли боярства в их экономической и политической жизни. Здесь мы вновь и уже более подробно обращаемся к этому вопросу, поскольку влияние боярства на ход процессов общественного развития изучаемого региона в XIII веке было исключительно велико, что особенно прослеживается на страницах Галицко-Волынской летописи.

Проблема возникновения боярского, т. е. крупного феодального землевладения на Руси, относится к числу наиболее сложных. Она до сих пор не решена учеными ввиду скудости сведений источников, как письменных, так и вещественных. Неясна даже сама хронология отмеченного явления.

Ф. Энгельс указывал, что образование крупной земельной собственности было предопределено фактором отчуждаемости земли: «С того момента, как возник аллод, свободно отчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникновение крупной земельной собственности стало лишь вопросом времени»⁶. Когда же это произошло на Руси?

Еще в дореволюционной историографии не раз высказывалось мнение, будто бы уже в IX—X вв. существовало крупное феодальное землевладение⁷. Б. Д. Греков полагал, исходя из чисто логических соображений (поскольку источники не содержат необходимых сведений), что «могущество этих бояр основывалось не на «сокровищах», а на земле», и принимал, хотя и с некоторыми оговорками, подобную хронологию возникновения крупного феодального землевладения⁸. Сурово критиковавший его за это И. Я. Фроянов утверждал: «Судя по источникам, лишь в XI в. бояре обзаводятся селами»⁹. При этом он — для XI века — ссылается лишь на Русскую Правду.

Думается, И. Я. Фроянов невнимательно ознакомился с разделом Л. В. Черепнина в коллективной монографии «Пути развития феодализма», где наш крупнейший знаток истории феодальных отношений на Руси писал: «Показательно, что в Краткой редакции Русской Правды данных о боярском землевладении нет, и только в Пространной редакции (складывавшейся в конце XI—XII вв.) мы находим

сведения о «тивуне боярске» (ст. 1), «бояреске рядовиче» (ст. 14), «боярстних холопях» (ст. 46), «боярьстей заднице» * (ст. 91)»¹⁰.

Л. В. Черепнин считал, что в качестве понятия имени бояр слово «ссло» встречается в источниках «со второй половины XI, а преимущественно с XII в.»¹¹ Нам представляется необходимым сузить эти рамки, проведя нижнюю хронологическую отметку в самом конце XI в. (это подтверждается частично приведенными в труде Л. В. Черепнина текстами).

Некоторые ученые в подтверждение мысли об укоренившемся уже в XI в. феодальном землевладении ссылались на известный рассказ «Повести временных лет» под 1093 г.: «Седящую бо ему (Всеволоду Ярославичу) Кыеве, печаль бысть ему от сыновець своих, яко начаша ему стужати, хотя власти ** ов сея, ово же другие; сеи же, омиряя их, раздаваша власти им» (ПВЛ, 1, с. 142). Однако в данном случае речь идет не просто о феодальном, а о княжеском землевладении, которое должно было возникнуть раньше боярского.

В летописи, особенно начиная с середины XII в., находили немало примеров существования боярского землевладения как в северных, так и южных областях Русской земли. Правда, Л. В. Черепнин считал, что «феодалная собственность на землю складывалась медленно и, надо думать, что первые сведения о ней попадают в источники значительно позже того времени, когда она зародилась»¹².

Необходимо также оговорить то обстоятельство, что в понятие «крупное» вкладываются не только размеры землевладения, но и его феодальный характер, когда собственность феодала на землю обязательно сочетается с эксплуатацией зависимого населения в форме ренты¹³.

Названная проблема занимает и современных ученых. Ныне остерегаются решать ее в целом, для всей громадной территории Древнерусского государства: в разных его частях процессы феодализации протекали в различных социально-экономических и природных условиях и неодинаковыми темпами. В недавно вышедшей книге В. Л. Янина на материале Новгородской земли утверждается, что «с начала XII в. начинается широкий процесс развития вотчинной собственности феодалов». Ученый снабжает свое утверждение чрезвычайно важным для понимания пробле-

* Наследстве.

** Волости, городов с землями.

мы в целом уточнением: «На рубеже XI—XII вв. впервые собственность на землю фиксируется в домениальной форме, причем первые вотчины были княжескими»¹⁴ (подчеркнуто нами.— Авт.). К подобному выводу В. Л. Янин пришел на основании исследования комплекса различных по характеру источников: памятников материальной культуры, в частности берестяных грамот, летописей, писцовых книг и актов XIV—XV вв.

Известный в настоящее время круг источников изучения феодального землевладения в Волынской и Галицкой землях не позволяет делать подобных выводов. Остается прибегнуть к другой возможности: определить, пусть приблизительно, время складывания там боярской земельной собственности косвенным путем. Речь пойдет о времени активизации боярства как политической силы. Не придется доказывать, что это могло произойти лишь тогда, когда эти феодалы стали крупными земельными собственниками, накопили богатства, обзавелись собственными отрядами вооруженных людей.

Воспользуемся в основном сведениями источников, касающимися галицкого боярства — оно несомненно более активно, чем волынское, вмешивается в политическую жизнь своей земли и княжества в целом. Этому были свои причины, и главная — в особенностях его происхождения (о чем речь пойдет ниже) и слабости центральной власти в Галицком княжестве.

Киевская летопись 40-х — начала 50-х годов XII в., пользовавшаяся галицким источником, вообще не упоминает о каком-либо участии галицких феодалов в делах княжества. Все вопросы внутренней и внешней политики князь Владимирко решал единолично — по крайней мере, летопись не называет рядом с ним «мужей».

Положение изменяется и, судя по летописи, как бы внезапно, с началом правления его сына Ярослава. Уже на следующий день после внезапной смерти отца Ярослав Владимирович возвращает с дороги посла Изяслава Мстиславича киевского Петра, «и види (Петр) Ярослава сидяща на отни месте... также и вси мужи его» (Ипат., с. 319; 1152 г.). Эти мужи чрезвычайно быстро захватывают власть в княжестве и берут верх над Ярославом.

Уже в следующем, 1153 г. во время наступления Изяслава Мстиславича на Галицкую землю «галичский же мужи почаша молвити князю своему Ярославу: «Ты еси молод, а поеди прочь и нас позоруй, како ны будеть отець твой кормил и любил, а хочем за отца твоего честь и за

твою головы своя сложити»... И тако послаша князя своего прочь, а сами поехаша биться» (Ипат., с. 321).

Итак, к началу 50-х годов XII в. земельная аристократия уже сложилась в Галицком княжестве. Это краткое известие киевского летописца проливает яркий свет не только на статус боярства в этой земле, но и на сформировавшиеся там отношения сюзеренитета-вассалитета. Оказывается, уже вокруг Владимира были эти «галицкие мужи», которых он «кормил и любил».

Существуют различные толкования древнерусского понятия «кормление». М. Н. Тихомиров рассматривал кормленщиков как своеобразных ранних помещиков¹⁵. Ему возражал Л. В. Черепнин, считавший, что в приведенных М. Н. Тихомировым примерах из источников, где выступает «кормление хлебом» (из ст. 111 Пространной редакции Русской Правды и др.), это выражение надо интерпретировать не как предоставление сюзереном вассалу поместья, а лишь «права на держание городов и волостей и получение с них доходов»¹⁶.

Такое истолкование Л. В. Черепниным термина «кормление» как будто подтверждается Галицко-Волынской летописью XIII в. Из многочисленных примеров приведем два наиболее характерных. В 1235 г.* Даниил Романович «прия землю Галичскую и розда города бояром и воеводам, и беаше корма у них много» (Ипат., с. 514). А вскоре после Батыева нашествия Даниил Романович отправил своего стольника Якова к паглю захватившему власть в Галичине боярину Доброславу с повелением: «Черниговских бояр не велех ти, Доброславе, приимати, нъ дати волости Галичким» (Ипат., с. 525).

Эти корма бояре получали натурой (продуктовыми даями) и деньгами. Как резонно отмечает В. Т. Пашуто, «кормление и есть подручничество». Так постепенно сложилась на Руси система сюзеренитета-вассалитета¹⁷. Несомненно также, что вассалы стремились овладеть и самими волостями и городами, с которых получали кормление. И часто добивались успеха: им жаловали сами города и земли.

Отметим попутно, что вопрос о «кормлении» и сегодня не представляется вполне ясным. Действительно, если бояре пользовались кормами с того или иного города или во-

* Дата устанавливается на основании рассказа о тех же событиях в Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ, с. 284). В Галицко-Волынской летописи цитируемый нами рассказ помещен под 1234 г. Но внесенные кем-то из позднейших редакторов этой летописи в ее текст даты всегда нуждаются в корректировке.

лости, то резонно встает вопрос: каким образом поступали им эти доходы, чьими руками они взимались? Вряд ли это делали тиуны и другие чиновники сюзерсна. Скорее всего, корма собирали сами кормленщики и их люди, используя при этом внеэкономическое принуждение. И в этом случае приходится признать, что указанные города и волости пребывали в условном владении кормленщиков — ведь эксплуатация зависимого населения в форме ренты является одним из главных признаков феодального землевладения.

Надо сказать, что изучение характера боярского землевладения затрудняется уже самой спецификой феодальной земельной собственности — ее рамки и размеры весьма приблизительны, а источники часто поддаются различным толкованиям. Как писал С. Д. Сказкин, феодальная собственность могла иметь и точные границы и конкретные размеры, но не в обязательном порядке. «Например, феодальный сеньор мог оставить за собой часть феодальной ренты, а вассал в свою очередь мог получить в качестве феода (условного держания, лена.— *Авт.*) землю с ее крестьянами от другого сеньора, т. е. становился держателем земли сразу от двух или больше вышестоящих сеньоров»¹⁸.

В связи с проблемой «кормления» и, главное, — с той большой политической ролью, которую играло боярство в обсах изучаемых нами землях, в особенности — Галицкой, возникает вопрос об источниках землевладения крупных феодалов. Издавна в науке утвердилось мнение, что подобных источников было несколько. Резонно заметив, что «крупная собственность у нас, как и везде в Европе, выростала на развалинах мелкой», М. Н. Покровский называл в качестве одного из главных ее источников «пожалование насленной земли в вотчину государем»¹⁹. Ученый отдавал должное также другой форме возникновения боярских имений: экспроприации, но не считал насильственный захват феодалами общинных земель основным способом образования крупного землевладения в Киевской Руси — он видел его в действии сугубо экономических причин, в силу влияния которых «владения менее счастливых вотчинников тают, как снежная глыба под весенним солнцем» — в пользу «более счастливых», делавшихся, таким образом, со временем крупными феодалами²⁰.

К этим способам наука позднейшего времени прибавила еще, пожалуй, покупку²¹. В. Л. Янин считает, что главным путем развития вотчинной собственности феодалов была покупка земли у общины. «Надо полагать, — пишет ученый, — что удельный вес второго (только что названного.— *Авт.*) способа на протяжении последующих десяти-

летий прогрессирует, коль скоро документы XII—XIII вв. фиксируют существование активной эксплуатации боярством денежного обращения»²². Сказанное особенно справедливо для Новгородской земли, в которой товарно-денежные отношения в XII—XIII вв. были заметно развиты.

Сосредоточив огонь критики на пути экспроприации феодалами общинных земель (каковой путь он считает почему-то главным среди называемых советскими учеными), И. Я. Фроянов видит основной источник боярского землевладения в заимке и распашке «новин», а также в купле. Княжеские пожалования, по его мнению, хотя и способствовали данному процессу, но были явлениями вторичного порядка. Впрочем, по мнению историка, крупное землевладение в XI—XII вв. было едва развито, и «древнерусские вотчины... выглядели подобно островкам, затерянным в море свободного крестьянского землевладения и хозяйства, господствовавшего в экономике Киевской Руси»²³. С этим положением применительно к XII в. нельзя согласиться. Памятники письменности, в особенности Пространная редакция Русской Правды, говорят об ином.

Но существует еще одна точка зрения на источники складывания крупной земельной собственности в Древней Руси. Она принадлежит Б. А. Рыбакову. Считая вотчину первичной ячейкой феодализма, ученый видит ее корень во владениях племенной знати, превратившейся в процессе развития феодализма в вотчинников-феодалов. «К этому можно добавить,— пишет он,— некоторое количество захватов и бенефициальных пожалований со стороны высшей княжеской власти и ее дружинников»²⁴. Небезынтересно вспомнить, что Ф. Энгельс допускал возникновение отчуждаемой земельной собственности, аллодов, в родоплеменной период²⁵.

Конечно, было бы наивным пытаться искать главную и универсальную причину возникновения крупного землевладения: ясно, что в каждом конкретном случае, в определенных социальных, экономических и природных условиях преобладала какая-то из них. Но в отношении Галицкой земли называемый Б. А. Рыбаковым источник феодального землевладения нам представляется наиболее вероятным.

Л. В. Черепнин скептически относился к самой возможности выявления конкретных путей формирования боярского землевладения: «выяснение роли каждого из них и последовательности из-за бедности источников — дело чисто умозрительное»²⁶. Позволим себе не согласиться с этим категорическим утверждением: летописи хотя и не содержат полной картины, однако в ряде случаев проливают

слабый, но вполне однозначный свет на способы возникновения боярской земельной собственности.

Действительно, в предыдущей главе мы отмечали слабое развитие процессов горообразование в Галицком княжестве, а значит, и недостаточное освоение центральной властью всей территории княжества. Ведь города — опорные пункты княжеской администрации на местах, распространения суда и дани верховного сюзерена. Напомним читателю емкое высказывание Б. А. Рыбакова: «Государственность в ее четкой форме возникает лишь тогда, когда сложится более или менее значительное количество подобных центров, используемых для утверждения власти над аморфной массой общинников»²⁷.

Слабость княжеской власти, недостаточная централизация княжества и были одной из основных причин сравнительно позднего складывания государственной территории Галицкой земли. Разумеется, влияние Галича — и экономическое, и политическое, — было велико, но оно неминуемо ослабевало на периферии княжества.

Ввиду этого переросшая в феодальную племенная аристократия сохранила и приумножила затем свои земли за счет княжеских пожалований, купли и захвата общинных земель. О том, что это было возможно, свидетельствует пример так называемых болоховских князей (Болоховская земля располагалась в верховьях Южного Буга, бассейнах рек Горыни, Случи и Тетерева²⁸), которых дважды укрощал Даниил Романович. Это была подлинная феодальная оппозиция княжеской власти, не брезговавшая сотрудничеством с ордынскими поработителями, лишь бы только сохранить свои владения и возможность самовластно, без оглядки на князя, ими распоряжаться. Не случайно это происходило на восточных окраинах Галицкого княжества, вдалеке от его центра. К тому же, если не принять во внимание это перерастание владений родоплеменной знати в боярские, трудно представить, каким образом столь стремительно, в столь исторически короткое время возвысились и забрали власть в руки галицкие крупные феодалы.

Мы уже упоминали о том, что «передние мужи» Ярослава Владимировича (Ипат., с. 359) имели большую власть над князем, который не мог и шагу ступить без их соизволения. Это касалось и государственных дел, и его частной жизни. Не привели к успеху и попытки сына Ярослава Владимира избавиться от боярской опеки. Лишь с помощью владимиристо-суздальского князя Всеслода Владимиру удалось до смерти досидеть на беспокойном галицком столе.

Экономическое и политическое могущество галицкого и волынского боярства, его социальный статус и система сюзеренитета-вассалитета в княжестве основательно изучены В. Т. Пашуто²⁹, поэтому нет причин вновь возвращаться к данному вопросу. Хотелось бы остановиться лишь на одном обстоятельстве. Когда в научной литературе речь идет о земельных пожалованиях князей боярам и дружинникам, о предоставлении им «корма», не всегда четко определяется: взамен чего предоставлялись последним богатства и привилегии? Ясно, что компенсацией могла быть, главным образом, служба, вне зависимости от того, безусловным ли (аллодом) или условным (феодом) было то или иное земельное владение.

Отвечая на вопрос, какой характер имело крупное феодальное землевладение в Древней Руси: вотчинный или поместный, Л. В. Черепнин оговорил, что источники не содержат конкретных свидетельств по этому поводу, но высказал мнение, что, «по-видимому, бояре и княжеские «мужи» служили, главным образом, с вотчин. У нас нет сведений об условных земельных держаниях типа позднейших поместий»³⁰.

Проблема появления поместий принадлежит к остро дискуссионным в литературе. Долгое время считалось, что временное владение землей при условии несения военной службы с надела (при этом тот, кто пожаловал землю, мог всегда отобрать ее у временного владельца) впервые отмечено в источниках Московской Руси времени правления Ивана Калиты (1325—1340 гг.), но при этом высказывалось мнение, будто бы оно «сложилось давно, еще в Древней Руси»³¹. М. Н. Тихомиров доказывал, что служилое землевладение и поместная система начали формироваться на Руси в XII—XIII вв.³², но его точка зрения не получила признания в науке. В частности, ее отрицал Л. В. Черепнин, упрекнувший М. Н. Тихомирова в неверном толковании понятия «кормление».

Превосходно знающий Галицко-Волынскую летопись В. Т. Пашуто хотя и не дал прямого ответа на вопрос: существовало ли условное землевладение в древнерусское время, но заметил, что «на бояр и других князей Юго-Западной Руси великий князь смотрел как на своих слуг, мало при этом отличая вотчину от феода или бенефиция» (чем, как мы полагаем, косвенно признал наличие последнего.— *Авт.*). Согласно наблюдениям ученого, «все бояре и мелкие князья «служат» великому князю и «держат» полученные от него города и волости»³³. Наконец, в новейшей книге Б. А. Рыбакова совершенно определенно утверждает-

ся существование значительной дворянской прослойки (лиц, служивших с поместий) в XII—XIII вв.: «Рыцарственный XII век выдвинул не только боярство, находившееся ранее несколько в тени, но и разнообразное дворянство, включившее в себя и дворцовых слуг, и воинов — «детских» или «отроков», и беспокойных всадников-торков и печенегов»³⁴.

Отметим, что формирование крупного феодального землевладения рождало острые противоречия внутри господствовавшего класса: между князьями-сюзеренами и боярами-вассалами. Выпущенные раздавать земли в вотчинное и условное (поместное) владение с целью, главным образом, получения военной и прочей службы, князья тем самым ослабляли собственное экономическое, а значит, и политическое положение. Владея землями на правах вотчинников, крупные бояре начинают тяготиться зависимостью от князя и стремятся выйти из-под его руки. В свою очередь, князья предпринимают меры к созданию слоя феодалов, во всем зависевших от них. Это можно было сделать, лишь раздавая земли в условное владение.

Ф. Энгельс в работе «Франкский период» так говорил об этом: «Прежде всего, ясно, что авторитет графа должен был страдать от появления крупных землевладельцев под его начальством и рядом с ним... Свободные держатели, рассчитывавшие на защиту со стороны могущественных вотчинников, также часто оставляли без внимания требования графа являться в суд или к отбыванию военной повинности. Это и было как раз одной из причин, вызвавших введение пожалования на началах бенефиция вместо аллода»³⁵.

Нам кажется, что вопрос о возможности условного землевладения в Галицко-Волынской Руси положительно решается следующим местом летописи. Весной 1241 г., когда орды Батыея, опустошив Юго-Западную Русь, ушли на запад, воспользовавшись ослаблением княжеской власти бояре Доброслав Судыч и Григорий Васильевич «во княжилсь» в Галицкой земле. Посланный Даниилом стольник Яков гневно вопрошал у Доброслава: «Како можеши бес повеления княжа отдати ю (Коломыйскую волость) сима (своим вассалам.— Авт.), яко велиции князи (Даниил и Василько) держать сию Коломыю на роздавание оружьником» (Ипат., с. 525; подчеркнуто нами.— Авт.).

Из приведенного известия Галицко-Волынской летописи следует, что Коломыйская волость была разделена на участки, раздававшиеся «оружьником», т. е. военным людям, которые исполняли за это службу князьям. Перед нами —

типичное условное владение, феодал или бенефиций. Выделялись эти феодалы в пограничной области, уязвимой для вражеских нашествий, подобно тому как в XV—XVI вв. вблизи границ земельные наделы с условием несения военной службы давались «слугам войсковым».

Прочитанное место источника говорит также о разработанности поместной системы: не только князь, но и крупные феодалы раздавали земли в условное владение («держание») своим вассалам. Об этом же свидетельствует и другой эпизод, рассказанный галицким летописцем. Около 1214 г. коалиция русских князей в союзе с польским князем Лешко предприняла попытку изгнать из Галича самочинно вокняжившегося боярина Владислава. В походе принял участие и малолетний Даниил, сидевший тогда в небольшом волынском городе Каменце. «Лестько же поя Данила ис Каменца, а Олександра из Володимера, а Всеволода из Белза, кождо со своими вои, бе бо вой Данилов болши и креплейши, бяху бояре велиции отца его вси у него (Ипат., с. 488; подчеркнуто нами.— Авт.).

Из приведенной цитаты можно сделать вывод, что у Даниила имелось больше воинов, чем у других князей, потому что все великие бояре его отца привели с собой собственные отряды вооруженных людей. По всей вероятности, эти отряды состояли как из оплачиваемых самими боярами личных дружин, так и из приведенных их вассалами ратников: вассалы держали земли при условии поставлять с них воинов и, конечно, приходив с оружием самим по первому зову сюзерена.

В свете подобного предположения становятся понятными многочисленные упоминания о боярах как о крупной военной силе, временами даже решающей исход сражения в пользу князя, которому они служили. Например, в 1211 г. боярские олигархи решили изгнать из Галицкой земли вокняжившихся там черниговских Ольговичей, сыновей героя «Слова о полку Игореве» Игоря Святославича, и попросили у венгерского короля, при дворе которого жил малолетний Даниил, дать им последнего в князья. Получив согласие короля Андрея и советников Даниила, они вместе с сильным венгерским войском двинулись на Галич. Летописец повествует: «Василку же княжащую в Белзе (где он сидел с матерью.— Авт.) и придоша же от него великий Вячеслав Тольстый, и Мирослав, и Дьямян, и Воротислав, инии бояре мнози и вои от Белза» (Ипат., с. 485): следовательно, от Василька Романовича были присланы в подмогу брату боярские отряды и городское ополчение Белза.

Через много лет после этого, в начале 1235 г. *, Даниил Галицкий оказал помощь киевскому князю Владимиру Рюриковичу против Михаила Всеволодовича черниговского: «Оставил (Даниил) у него (Владимира) Глеба Зеремеевича и Мирослава, иные бояре многы» (Ипат., с. 514) — ясно, что реальную помощь киевскому князю могли оказать не сами бояре (их было в лучшем случае один-два десятка), а сопутствовавшие им отряды воинов.

Если принять мнение, что бояре и другие феодалы, даже меньшего ранга, приводили по зову князя собственные дружины и воинские отряды, то станет понятным рассказ галицкого летописца о центральном эпизоде одной из крупнейших битв в Восточной Европе XIII в. — сражении при Ярославле 1245 г. В этой битве войска Даниила Романовича сокрушили венгерско-польские силы, поддерживавшие черниговского князя Ростислава Михайловича. Боярский ставленник Ростислав пытался сесть в Галиче. Лично командовавший войском Даниил поставил в центре с «малой дружиной» своего лучшего полководца, дворского Андрея. Оправдавший себя в ходе битвы стратегический план князя сводился к следующему. Главная ударная сила противника, венгерские рыцари должны потеснить малочисленную дружину Андрея, и когда враг углубится в расположение русского войска, ему будут нанесены удары с флангов. Завершит разгром, «завязав мешок», неотразимый натиск с тыла тяжеловооруженной конницы самого Даниила, его личного «полка».

Венграм удалось заставить отступить дружину Андрея, и та организованно отходила, оказывая упорное сопротивление. Внимательно наблюдавший за ходом сражения галицко-волынскй князь направляет подкрепление Андрею, чтобы тот связал как можно больше вражеских сил: «Даниил же посла 20 муж избранных на помощь ему: Василий же Глебович, Всеволод Александрович, Мстислав» (Ипат., с. 533).

В Ярославской битве, судя по одному лишь перечислению принимавших в ней участие войск, столкнулось не менее чем по десять тысяч человек с каждой стороны. Понятно, что 20 даже наилучшим образом вооруженных воинов-бояр не могли оказать существенной помощи дружине Андрея, на которую «налег» отборный полк венгерского бана Фильфия. Значит, в приведенном месте летописного рассказа речь идет об отрядах этих 20 мужей.

* Дата Галицко-Волынской летописи (1234 г.) уточняется сообщением о тех же событиях в Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ, с. 284).

В научной литературе не раз рассматривался вопрос о крупных вотчинных владениях феодалов, имевших хорошо укрепленные замки и державших города³⁶. Нам же хочется обратить внимание на то, что боярские замки были не только центрами их власти, откуда осуществлялось внеэкономическое порабощение зависимых крестьян и ремесленников, но и местами сбора и обитания их дружин, а также арсеналами. В замках феодалов хранились большие запасы оружия — для раздачи вновь набранным воинам и ополченцам. В 1230 г. Даниил Романович во время похода на Галич, в котором сидел венгерский королевич с боярским предводителем Судиславом, решает нанести удар последнему: «Данил же взя двор Судиславль, якоже вино, и овоща, и корма, и копий, и стрел, пристраньно видити» (Ипат., с. 506) — удивляется боярскому богатству галицкий летописец.

Завершая исследование вопроса о существовании в Галицко-Волынской Руси прослойки служилого боярства — прообраза позднейшего дворянства, владевшего землями на правах феода или бенефиция, отметим, что летопись знает даже служилых князей — при дворе великого галицко-волынского князя. В одной из его кампаний 1255 г. приняли участие «служащий же князи Данилови и людье Василькови» (Ипат., с. 556). И это не оговорка летописца, ибо он не раз называет таких князей, несших службу Даниилу, Васильку и их детям³⁷.

Думаем, что в обязанности служивших с земель васалов входило и собирание крестьянского народного ополчения (в городах этим занимались тысяцкие и соцкие). Иначе трудно представить, как и каким образом собирались эти массы вооруженных людей: они-то, по-видимому, и были частью (притом большей) тех ратников, которые приводились от каждого «держания», в зависимости от размеров и доходности надела.

Знарок военного дела Древней Руси А. Н. Кирпичников не так давно высказал аргументированное мнение о том, что Даниил Романович примерно в середине 40-х годов XIII в. провел реформу своего войска, организовав регулярную пехоту и перевооружив конницу³⁸. Думаем, что во многом эта реформа была результатом недовольства князем феодальными вооруженными силами, состоявшими из княжеских и боярских дружин и народного ополчения. Это последнее было плохо вооружено и еще хуже обучено. Но, на наш взгляд, главный недостаток феодальных вооруженных сил состоял в том, что в формировании их князь зависел от крупных феодалов-бояр, собиравших и приво-

дивших отряды со своих вотчин-аллодов. Полагаем, что регулярная пехота («пешцы») и, возможно, конница Галицко-Волынского княжества состояла из условных владельцев (держателей) земельных наделов, служилого мелкого и среднего боярства, а также из сидящих на этих участках-феодах зависимых крестьян.

Уведший, на первый взгляд, в сторону от основного русла повествования рассказ о путях складывания и характере феодального землевладения в Галицко-Волынской Руси необходим для уяснения причин, казалось бы, неожиданной вспышки раздробленности в недавно столь успешно объединенном Романом Мстиславичем княжестве. Выдающийся знаток истории Древней Руси Л. В. Черепнин отмечал, что «при изучении процесса феодального раздробления вопрос о феодальной собственности приобретает особое значение». Ученый приводит мнение Ф. Энгельса о распаде империи Каролингов вследствие возрастания крупного магнатского землевладения, отмечая, что «развитие феодального способа производства обусловило расчленение этого государства (Киевской Руси.— Авт.), что было этапом на пути к созданию дальнейших экономических предпосылок государственной централизации»³⁹. Преодолевая раздробленность, развивалось по направлению к централизации и Галицко-Волынское княжество в XIII в.

Ф. Энгельс прямо утверждал, что феодальные усобицы вытекали из особенностей землевладения при феодализме: «Основное отношение всего феодального порядка — отдача земли в ленное владение за определенную личную службу и повинности — даже в первоначальном простейшем виде (это как нельзя лучше касается темы нашего исследования.— Авт.) давало достаточно материала для распрей, в особенности, когда столь многие были заинтересованы в том, чтобы находить поводы для усобиц»⁴⁰. Эти «многие» в Галицко-Волынском княжестве были представителями могущественной боярской олигархии.

Не следует поэтому преувеличивать факта объединения Галицкой и Волынской земель в княжение Романа Мстиславича. Оно оказалось непрочным уже в силу самого характера феодальных отношений начала XIII в., из-за сложившегося к тому времени крупного землевладения и стремления боярства самому править страной. Роман успел подавить оппозицию на Волыни и реформировать ее боярство, но ему не удалось сделать то же в Галичине. Да и чисто принудительными и репрессивными мерами было не справиться с пустившими глубокие корни земельными магнатами.

В то же время пельзя и преуменьшать значения свершенного «самовластьцем Руской земли». Не случайно, когда старший Романович начнет борьбу за возвращение «отчины», реставрацию Галицко-Волынского княжества в полном объеме, то на его стороне окажется общественное мнение, за ним пойдет часть крупных бояр, связавших свою судьбу с судьбой наследников Романа (в основном волынских), его опорой станет служилое боярство и — это сыграло едва ли не решающую роль — верхушка ремесленно-торгового населения городов. Со временем за князем пойдут и городские низы, и зависимые крестьяне, страдавшие от боярского произвола и потому заинтересованные в сильной центральной власти.

Ф. Энгельс указывал, что стремление опереться на вышние и средние слои городского населения было типичным в борьбе европейских монархов против феодального сепаратизма и за централизацию государств. Касаясь беспорядков и анархии, вносившихся в жизнь феодальных государств раздорами внутри самого господствовавшего класса, Ф. Энгельс отмечает: «Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть была прогрессивным элементом — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, ... в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним. Союз королевской власти и бюргерства берет начало с X века»⁴¹.

В свете этого глубокого высказывания одного из основоположников марксизма необходимо рассматривать борьбу Романа Мстиславича, а затем его сына Даниила против боярской оппозиции на западнорусских землях — борьбу, которая во многом опиралась на горожан. Исторически эти действия были прогрессивными, потому что вели к укреплению и централизации княжества, повышению его обороноспособности и экономической мощи, благоприятствовали развитию производительных сил. Особенно ярко все это проявилось в расцвете и умножении числа галицких и волынских городов, подъеме их экономики и культуры в XIII в.

Исследователи не раз отмечали активную деятельность вечевых собраний в волынских и галицких городах XII—XIII вв.⁴² Стоит подчеркнуть необычайно раннее создание веча в Галиче — почти одновременно с выступлением этого города на политическую арену. Ведь первое заслуживающее доверия упоминание источника о Галиче относится

к 1140 г., а уже в 1145 г. «послашася Галичане по Ивана по Ростиславича в Звенигород и въведоша к себе в Галичь» (Ипат., с. 226). Из контекста летописного рассказа следует, что Ивана, впоследствии прозванного Берладником, пригласило в Галич именно городское вече.

Еще более выразительны свидетельства летописи о деятельности вечевых собраний галицких и волынских городов времен Даниила Романовича. В неоднократных попытках вернуть галицкую «отчину» князь не раз откликнулся на призывы городских общин. В 1229 г. из оккупированного венгерскими феодалами Галича к Даниилу «прислана Галичане, рекуще: «Яко Судислав (предводитель боярства.— Авт.) шел есть в Позисъс, а королевичъ (венгерский) в Галичи остал; а пойдѣ боржсѣ» (скорее; Ипат., с. 506). Стремясь привлечь на свою сторону горожан в попытках подавления мятежного боярства, уже будучи галицким князем, в 1231 г. Даниил Романович «созвал вече» и «рече им (горожанам): «Хочете ли быти верни мне, да изыду на враги мое?» (бояре.— Авт.). Онем же кликнувши: «верни есмы богу и тебе господину нашему...» Соцкый же Микула рече: «Господине! Не погнетши пчел меду не едать» (Ипат., с. 509).

Можно не сомневаться в том, что под пчелами имелись в виду бояре, и что этими словами отчетливо выявлена антибоярская позиция галицкого веча. Уместно привести мнение М. Н. Тихомирова по этому поводу: «Галицкие «граждане» настолько ясно отличаются в летописных известиях от галицких бояр, что надо обладать очень большой невнимательностью к текстам, чтобы спутать тех и других. Недаром же Даниил Романович, обращаясь к галицким горожанам, восклицает: «О, мужи градъстии! Доколе хочете терпети иноплемьных князий державу!»⁴³ (Ипат., с. 517).

Исследователи прошлого видели в Галицко-Волынской летописи чуть ли не хаотическое нагромождение событий, в котором не так-то просто разобраться. Советская наука пришла к выводу, что эта летопись «целиком подчиняется задачам пропаганды сильной княжеской власти, идейного обоснования борьбы с боярством и прославления личности князя»⁴⁴. Анализ изложенных в этом главном источнике нашего повествования событий убеждает, что доминантой внутривполитической истории Галицко-Волынской Руси первой половины XIII в. была борьба центральной власти с боярской олигархией, закончившаяся поражением феодальной оппозиции и восстановлением государственного объединения Галицкой и Волынской земель.

Внутриполитическая история Галицко-Волынской Руси, так же, как и ее отношения с другими русскими княжествами и землями, изучены, кажется, с максимально возможной при нынешнем состоянии источников полнотой⁴⁵. Поэтому нет нужды вновь обращаться к ней. Иное дело — история Галицкой и Волынской земель XII в., при рассмотрении которой приходилось многое уточнять и даже пересматривать. В дальнейшем мы коснемся внутриполитической истории Галицко-Волынского княжества XIII в. лишь в связи с исследованием особенностей его территориального развития и городского строительства.

Необходимо отметить, что наступившая в Галицко-Волынской Руси после смерти Романа Мстиславича феодальная раздробленность ознаменовалась переходом власти в отдельных ее частях и городах к удельным князьям и даже боярам, раньше бывших там наместниками, «кормленщиками и «держателями» великого князя⁴⁶. Трудно представить себе общую картину во всей ее полноте, поскольку, по справедливому мнению А. М. Андрияшева, Галицко-Волынскую летопись интересует почти исключительно судьба самого Даниила⁴⁷. Известно, что в западной Волыни сидели племянники Романа: Александр Всеволодович в Белзе и его брат Всеволод — в Червене, а в восточной двоюродные братья галицко-волынского князя: Ингварь Ярославич в Луцке (одно время он владел и Владимиром), а Мстислав, по прозвищу Немой — в Пересопнице. Это известно из скурых и отрывочных известий Галицко-Волынской летописи (Ипат., с. 483, 484, 485 и др.). В Галицкой земле вокняжаются поддержанные отцом вдовы Романа Анны, великим князем киевским Рюриком Ростиславичем, черниговские князья Владимир и Роман Игоревичи, сыновья воспетого в «Слове о полку Игореве» Игоря Святославича. Владимир садится в Галиче, а его брат Роман — в Звенигороде. Далее Игоревичи претендуют на Волынь. Княгиня Анна с детьми бежит в Польшу (Ипат., с. 481).

Не имевшие местных корней Игоревичи очень скоро вошли в конфликт с местным боярством, требовавшим от них покорности. Ссора завершилась беспрецедентным в истории Древней Руси финалом: бояре публично повесили князей, устроивших перед тем избиение этих галицких феодалов (Ипат., с. 486). В дальнейшем Галич с землями неоднократно переходит из рук в руки, там время от времени стоит венгерский гарнизон и правит сын венгерского короля. На Волыни долгое время хозяйничает враг семейства Романа Александр Всеволодович белзский.

Но в этом калейдоскопе событий проступает четкая линия поведения наследников Романа Мстиславича, вернее — их матери и сотрудничавших с ней советников во главе с преданным волынским боярином Мирославом. Они завязывают отношения с ремесленно-торговой верхушкой галицких и волынских городов, стремясь опереться на нее в борьбе с боярством и за объединение княжества. Естественно, что это принесло плоды прежде всего на Волыни, где позиции Романовичей были намного прочнее, чем в Галичине. Около 1209 г. вечевое собрание богатого волынского города Берестья сделало следующее предложение польскому князю Лешко, при дворе которого находилась Анна с младшим сыном Васильком (старший, Даниил, жил тогда в Венгрии): «И приехаша Берестьяне ко Лестькови и просиша Романовой и детей, беаста бо млада суши. И вдасть им, да владееть ими. Они же (берестьяне) с великою радостью сретоша и (Василька с матерью.— Авт.), яко великаго Романа жива видяще» (Ипат., с. 482—483). С утверждением Василька с Анной на Берестейщине и началось объединение Романовичами «полуотчины» — Волыни. В следующем году под давлением общественного мнения захвативший Владимир Волынский Александр Всволодович передал им Белз (Ипат., с. 483).

Хотя вскоре при активной поддержке того же Лешко Александр выгнал Василька на Белза*, Романовичи уже не ушли с Волыни. Александру пришлось дать им сначала Каменец, а затем — небольшие города Тихомль и Перемыль на юге Волынской земли (Ипат., с. 487—488).

Галицкий летописец, правда, по другому поводу, открывает причину подобной милости белзского князя: «Бяху бояре велиции отца его вси у него» (Даниила; Ипат., с. 488): крупное волынское боярство не только владело многими землями и богатствами, но и имело собственные сильные вооруженные отряды, о чем речь шла выше. Александру приходилось волей-неволей считаться с этим. Грозным предостережением белзскому князю прозвучала решимость волынских бояр поддержать семейство Романа, когда он изгонял Василька из Белза: «Прия (Лешко) Белз и да Олександрови. А бояре (волынские) не изневеришася, но идоша вси со князем Василком в Каменец».

Сидя на крохотном клочке прежнего громадного Галицко-Волынского княжества, Даниил и Василько, по словам летописца, «княжаста с матерью своею в нень, а на Воло-

* Там Василько сидел вместе со своим воспитателем Мирославом, а его мать Анна уехала в Венгрию к Даниилу.

димерь зряща, «се ли ово ли, Володимерь будет наю» (Ипат., с. 488 — «так или иначе, а Владимир будет наш»).

Пока венгерские и польские феодалы рвали на части Галицкую землю, Романовичи овладели стольным городом Волыни. Есть основания отнести этот успех на счет княгини Анны, которая, пользуясь связями при краковском дворе и заручившись содействием кастеляна Пакослава, добилась получения от Лешко Владимира⁴⁸: «Съветом же Пакославим Лестько посла ко Александрови, рекый: «Дай Володимерь Романовичема Данилови и Василькови; не даси, иду на тя с Романовичема». Оному (Александру) же не давшу, Лестько же посади Романовича в Володимери» (Ипат., с. 489). Дату этого события установить трудно. В. Т. Пашуто определяет его 1214 г., но столь же вероятно и 1215 г.

Эту внезапную симпатию польского князя к Романовичам нетрудно объяснить. Незадолго перед тем, в 1214 г. *, было подписано соглашение между Лешко и венгерским королем Андреем о разделе Галицкой земли: король получал Галич, где посадил сына Коломана, а князь — западную Галичину с Перемышлем. Самое же главное — Лешко прихватил забужские земли Волыни с городами Берестье, Угровск, Верещин, Столпые и Комов **, следовательно, был вынужден дать компенсацию «отчицам» — Даниилу и Васильку.

В 1219 г. в Галиче вокняжился сидевший до того в Новгороде Мстислав Мстиславич Удалой, призванный польским князем, дабы насолить венгерскому королю, отнявшему у Лешко Перемышль: «И в город Галиць воиде (Мстислав), а королсвица руками изима и жену его, и взя мир с королем (Андреем), а сына его пусти (домой), а сам седе в Галице» (НПЛ, с. 261). Узнав о приближении дружины Мстислава, «Галичане же вси... иослашася по Данила; Данил же не утяже ехати» — наивно полагает летописец (Ипат., с. 489).

Действительно ли Даниил Романович не успел по зову галицкого веча опередить Мстислава? Вряд ли. Думаем, что причина его отказа от борьбы за Галич была в ином.

* Дата определяется сообщением под 1214 г. ряда поздних летописных сводов о вокняжении Коломана: «Того же лета угорский король посади сына своего в Галиче, и церкви претвори в латынскую службу» (ПСРЛ, т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскую летописью.— Сиб., 1885, с. 66 (Далес: Никон).

** Об этом известно из рассказа Галицко-Волынской летописи о том, как Даниил отвоевал в дальнейшем эти города у Польши (Ипат., с. 490).

По-видимому, волынский князь понимал, что ему не одолеть грозного Мстислава с его многочисленной и испытанной на ратях дружиной, которая легко выбила из Галича венгерский гарнизон. К тому времени перед Даниилом стояла другая, более насущная задача: закончить собрание волынской «отчины». И он женится на дочери Мстислава Анне с целью заручиться поддержкой тестя в волынских делах, что следует из дальнейшего рассказа летописи: «Времени же минувшю, еха Данил к Мъстиславу в Галичь, реки на Лестька: «Яко отчину мою держать» (забужские земли.— Авт.).

Мстислав Мстиславич отказался поддержать зятя, лицемерно ответив ему: «Сыну! За первую любовь * не могу на нь востати; а налези (поищи) собе други» (Ипат., с. 489), хотя прекрасно знал, что никто больше из южно-русских князей не отважится подняться против Польши.

Даниил понял (скорее, сделал вид, что понял) нечеткий и уклончивый ответ тестя как обещание придерживаться нейтралитета и, неожиданно как для галицкого, так и для краковского князей, сделал первый в своей жизни крупный политический шаг: «Данилу же возвратившуся к домови, и еха с братом, и прия Берестий, и Угровеск, и Верещин, и Столпье, Комов и всю (иначе говоря.— Авт.) украину» ** (Ипат., с. 489—490). Так были освобождены из-под власти польских феодалов Берестейская и забужские земли.

Почти десятилетнее княжение Мстислава Удалого в Галиче ознаменовалось активизацией боярской оппозиции, в руках которой он оказался послушной игрушкой. Князь дважды (в 1219 и 1221 гг.) был вытеснен из Галича венгерским войском и оба раза возвращался туда. В 1226 г. Мстислав разбил венгров у Звенигорода, но в следующем году боярство вынудило его «добровольно» уступить Галич зятю, королевичу Андрею, и уехать в принадлежавший ему Торческ. Бояре без обиняков заявили Мстиславу: «Княже! Дай дщерь свою обрученную за королевича, и дай ему Галичь: не можешь бо держати сам, а бояре не хотят тебе» (подчеркнуто нами.— Авт.). При этом крупные галицкие феодалы откровенно объяснили впавшему в немилость князю, что истинная причина их тресбований — боязнь возвращения Даниила на отчий стол: «Аже даси королевичю, когда восхощеши, можеши ли взяти под ним; даси ли Данилови, в веки не твой будеть Галичь». Летописец при

* Намек на договор между ним и Лешко.

** Окраину, в данном случае — Волынской земли, Забужье. Понятие «Украина» в этническом смысле появилось значительно позже, не ранее конца XVI в.

этом сообщает, что горожане стремились получить в князя Даниила: «Галичаном бо хотящим Данила, оттуда же послаша в речих» (послали к нему для переговоров.— Авт.), но вече не смогло преодолеть боярского сопротивления вопреки желанию наследника Романа (Ипат., с. 500—501).

Связанный по рукам и ногам чувством родственного долга в отношении Мстислава, Даниил вел себя с тестем чрезвычайно корректно и поддерживал того во внешнеполитических мероприятиях, невзирая на враждебные действия подзуживаемого советниками-боярами недалекого галицкого князя. Но планы овладения Галицкой землей старшему Романовичу пришлось отложить до смерти Мстислава, и Даниил сосредоточивает усилия на собирании волынской «отчины».

Около 1222 г. (из летописного рассказа следует, что это случилось за год до битвы на Калке, состоявшейся в 1223 г.) Даниил почувствовал себя настолько сильным, что предпринял попытку подчинить себе Белзскую и Червенскую земли, находившиеся во власти Александра Всеволодовича. Летописец отметил, что молодому волынскому князю удалось обеспечить нейтралитет польского князя («отступи Лестько от Олександра»). «В субботу же на почь,— продолжает свой рассказ галицкий книжник,— поплечено бысть около Белза и около Червена Данилом и Васильком, и вся земля поплечена бысть». Но послушный воле галицких бояр, стремившихся ослабить волынских феодалов, Мстислав Мстиславич приказал Даниилу: «Пожалуй брата Олександра», и «Данил воротися в Володимер, отъиде от Белза» (Ипат., с. 494).

Вскоре после несчастливой для русских воинов битвы на Калке Мстислав Мстиславич вместе с Александром Всеволодовичем пошел воевать владения Даниила Романовича. Волынский князь заручился помощью польского князя Лешко и «вогнаша и (войско Александра) в град Белз и замало города не взяша». Затем волынские полки разбили силы Мстислава, который был вынужден вернуться в Галич. Князь Даниил «плени всю землю Бельзеськую и Червспьскую», но все же Александр при поддержке Мстислава сохранил волость (Ипат., с. 488).

После кончины Мстислава (1228 г.— Сузд., стб. 450) потерявший поддержку Александр решает выступить в союзе с боярством против овладевшего было Галичем Даниила. Летописец рассказывает о заговоре бояр, посягнувших на жизнь Даниила, в котором самое активное участие принял белзский князь. На Белз с войском пошел Василько Романович. «Олександру же выбегъшу в Перемышль ко совет-

ником своим (боярам.— *Авт.*), а Василко прия Белз» (Ипат., с. 509). Стоявший вдалеке от Галича и вблизи границы с Венгрией Перемышль был оплотом феодальной оппозиции, и Даниил впоследствии подавил его. Но в следующем, 1232 г., с венгерской помощью Александр сумел вернуть себе Белз и Червен с землями.

Развязка наступила в начале 1234 г., когда Даниил Романович вновь овладел Галичем, вытеснив оттуда венгерский гарнизон. С Венгрией был подписан мир. Мятежные бояре затаились. Это вынудило Александра бежать из Белза, на этот раз на восток, в Киев, к тестю Владимиру Рюриковичу. «Данил же уведав, изыде на не из Галича, угони и во Полоном, и яша и в лузе Хоморьском». Киевский князь предпочел заключить союзное соглашение с Даниилом («прия с ним братство и любовь велику» — Ипат., с. 513—514). Так Белзская и Червенская * волости вернулись в состав волынской «отчины» Романовичей.

Еще при жизни Мстислава Удалого Даниил Романович распространил свою власть на Восточную Волинь. Между 1223 и 1225 гг. умер родич и союзник Романовичей Мстислав Ярославич Немой, княживший в Луцке. Он поручил своего малолетнего сына Ивана и «дал отчину свою князю Данилови». Но когда Иван умер (1227 г. **), Луцком овладел Ярослав Ингваревич, считавший себя «отничем» этого удельного княжества, поскольку в нем ранее (примерно до середины второго десятилетия XIII в. ***) княжил его отец. Другую часть владений Мстислава Ярославича захватили пинские князья (Ипат., с. 501). Это был Черторыйск с округой.

На эту вспышку феодальной раздробленности галицкий летописец **** откликнулся эмоциональными словами: «Начнем же сказати бесчисленныя рати, и великия труды, и

* Червенская земля досталась Александру от брата Всеволода, умершего еще во втором десятилетии XIII в. В последний раз Всеволод упоминается в летописи около 1214 г. (Ипат., с. 488). См.: *Андрияшев А.* Указ. соч., с. 172.

** Н. Баумгартен (op. cit., tabl. XIV, 2, 9) полагал, что Мстислав Немой скончался в 1227, а его сын — в 1228 г., но в современной науке приняты даты соответственно 1225 и 1227 (см., например: *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 206), которые лучше согласуются с описываемыми в летописи событиями.

*** Baumgarten N. Op. cit., tabl. XIV, 1. Неизвестно, когда умер Ингварь. Источники называют его последний раз под 1214 г. (Никон., с. 67).

**** В науке принято мнение, что летопись Даниила Галицкого составлена в Холме, во второй половине 50-х годов XIII в., при местной епископской кафедре (*Черепнин Л. В.* Летописец Даниила Галицкого.— Ист. зал., 1941, № 12, с. 232—233).

частая войны, и многия крамолы, и частая восстания, и многия мятежи; измлада бо не бы има (Даниилу и Васильку.— Авт.) покоя» (Ипат., с. 501). С этого момента Романовичи предпринимают энергичные усилия к завершению объединения Волыни и начинают широко задуманное наступление на Галицкую землю.

Вскоре после захвата Луцка Ярославом Ингваревичем (по логике летописного рассказа это произошло в том же 1227 г.) Даниил Романович отвоевал этот город и все Луцкое удельное княжество у него. Он «да Василкови Луческ и Пересопницю, Берестий же ему бе преже дал» * (Ипат., с. 501). Затем Романовичи отняли у пинских князей Черторыйск «и потом пустиста Ярослава (Ингваревича) и даста ему Персмиль, и потом Межибожне» (Ипат., с. 502). Этими владениями бывший луцкий князь вынужденно удовлетворился. В дальнейшем, накануне нашествия орд Батыя, мы видим его среди подчиненных Даниилу князей (Ипат., с. 521). Пинские князья также были поставлены в зависимость от Романовичей. Одному из них, Владимиру Ростиславичу, было поручено Даниилом охранять Волынь от ятвягов во время похода русских князей в Польшу («остависта (Даниил и Василько) же в Берестии Володимера Пиньского, и угровчаны, и берестьяны, стеречи земле от Ятвьязь» — Ипат., с. 501).

Таким образом в руках Романовичей оказалась объединенной практически вся Волынь. Почти через десять лет, накануне окончательного утверждения Даниила Романовича в Галиче, он возвратил Дорогичин с землей, захваченный польскими феодалами еще в начале XIII в., в разгаре боярской фронды в Галицко-Волынском княжестве⁴⁹. Мазовецкий князь Конрад отдал богатый торговый город Дорогичин отряду добжинских рыцарей под предводительством Бруно. В марте 1237 г. войска Даниила разгромили немцев и вернули Дорогичинскую волость Волыни⁵⁰ (Ипат., с. 517).

Между 1228 и 1238 годами Даниил Романович, сосредоточив в своих руках экономическую и военную мощь богатой Волынской земли и реформировав войско, последовательно проводит подготовку к овладению Галичиной. Он входит в переговоры с ремесленно-торговой верхушкой ее стольного града, привлекает на свою сторону часть галицких бояр. После ряда неудачных попыток Даниил утверждает себя в Галиче в 1238 г.

* Отсюда заключаем, что Мстислав Немой, перейдя после смерти Ингваря на луцкий стол, удержал за собой и Пересопницю. В таком составе его земли и захватил Ярослав Ингваревич.

Исключительно яркий рассказ летописца о вокняжении Даниила в Галиче с полной очевидностью раскрывает нам социальную опору князя: «Подъехавшу же ему под город и рече имь: «О, мужи градьстии! Доколе хотите терпети иноплемєньных князий * державу?!» Они же воскликнувшие реша: «Яко се есть держатель наш, Богом даный» — и пустишася яко дети ко отцю, яко пчелы к матце, яко жажущи воды ко источнику. Пискупу же Артемью и дворьскому Григорию возбраняюще ему, узревшима же има, яко не можета удержати града, ...яко не имеюща власти княженья своего; реста же с нужею: «Прииди, княже Данило! Приими град!» (Ипат., с. 517—518).

Поддержка горожан оказалась сильнее сопротивления светских и духовных феодалов. Но только что свершившееся государственное объединение Галицкой и Волынской земель было нарушено вторжением несметных полчищ Батыя. Не касаясь других сторон вражеского завоевания и владычества, подчеркнем, что оно искусственно способствовало феодальной раздробленности на восточнославянских землях. К. Маркс отмечал, что политика золотоордынской верхушки на Руси состояла в укрощении одного князя при помощи другого, в разжигании раздоров между ними, в уравнивании их сил, в том, чтобы никому из них не позволять особенно усиливаться⁵¹. Специально изучавший обстоятельства и последствия завоевания Древней Руси полчищами Батыя А. Н. Насонов доказал, что ордынские правители всячески препятствовали консолидации древнерусских земель⁵².

Недавно восстановленному Галицко-Волынскому княжеству, как и другим русским княжествам и землям, «Батыев погром» (так называли вражеское нашествие современники) причинил громадный урон. Погибли и были уведены в плен многие тысячи людей, разрушены города и села, пришли в запустение некогда плодородные поля. В результате нашествия полчищ Батыя и установления ордынского господства активизировалась сепаратистская деятельность боярства. Это явление наблюдалось повсеместно, но особенно накала оно достигло, в силу изложенных выше причин, в Галицкой и Волынской землях. Крупные феодалы, убедившись в ослаблении политического могущества и экономического потенциала князей, потере теми в сражениях тысяч дружинников и ополченцев, стремятся вырвать власть из рук сюзеренов.

* Даниил имеет в виду сидевшего перед тем в Галиче черниговского князя Ростислава Михайловича. Призванный боярами, он был послушной игрушкой в их руках.

Когда вскоре после ухода орд Батыея на запад Даниил Романович вернулся из Польши на Волинь, местные бояре не впустили князя в город. Летописец с возмущением рассказывает: «И приде ко граду Дорогычину, и восхоте вйти во град, и вестыю бысть ему, «яко не внидеши во град» (Ипат., с. 524). И это происходило на Волини, боярство которой в массе поддерживало князя. Еще хуже оказалось положение в Галицкой земле: «Бояре же Галичьстии Данила князем себе называху, а саме всю землю держаху; Доброслав же вокняжился бе и Судьич попов внук, и грабяше всю землю, и въшед во Бакоту, все Понизье прия, без княжа повеления; Григорья же Васильевичь себе горную страну Перемышльскую мышляше одержати; и бысть мятежь велик в земле и грабежь от них» (Ипат., с. 525). Таким образом, от Галича отпали Днестровское Понизье с Бакотой и вся Перемышльская волость.

Даниил Романович принял энергичные меры к «утишению земли» и устранению «грабительств нечестивых бояр». Княжеской власти было подчинено Понизье, подавлен очаг боярского сопротивления в Болоховской земле — своеобразной феодально-олигархической республике на восточной окраине Галицкой земли, разгромлено боярское гнездо в Перемышле (Ипат., с. 526—528). Все это дало князю возможность «установить землю», централизовать ее и получить возможность основательно подготовиться к решающему сражению с призванным боярами в галицкие князя черниговским князем Ростиславом, за которым стоял тесть, венгерский король.

В августе 1245 г. у стен галицкой пограничной крепости Ярослава русские полки разгромили венгерско-польское войско и боярские отряды, поддерживавшие Ростислава. Эта битва подвела победоносную черту под многолетними усилиями Романовичей подавить боярское сопротивление и объединить галицко-волинскую «отчину». Выдающееся значение этого события, по всей вероятности, понимал галицкий летописец, описавший сражение при Ярославле гораздо подробнее прочих побед, одержанных Даниилом Галицким.

С 40-х годов XIII в. Галицко-Волинское княжество выступает на общерусской и международной политических аренах как немалая сила, с которой приходилось считаться и соседям, и Золотой Орде, и даже Римской курии⁵³. Даниил Романович успешно борется с ордынцами, постоянно нанося поражения войскам Куремсы, прилагает усилия к консолидации русских сил для отпора поработителям⁵⁴. Государственная территория княжества оказалась к тому

времени в целом сформированной. В дальнейшем проходят процессы укрепления рубежей, строительства пограничных крепостей и городов. Развиваются старые и возникают новые городские центры.

Рождение и развитие всех новых городов на Руси были результатом воздействия сугубо объективных социально-экономических процессов: углубления феодализации общества, прогрессирующего отделения ремесла от сельского хозяйства и др. В то же время нельзя обходить вниманием деятельность верхушки феодального класса, направленную на создание городов. В. Т. Пашуто справедливо указывал: «Князь Даниил проводил сознательную политику строительства городов (той же политики держался Ярослав Осмомысл, который «ростроил землю свою») ⁵⁵. Сказанное особенно справедливо в отношении городов на пограничье, рождавшихся вначале как укрепленные форпосты, замки.

Феодальная анархия, захлестнувшая Галицкую и Волынскую земли после смерти Романа Мстиславича, самым неблагоприятным образом отразилась на процессах горообразование. В течение первого двадцатилетия XIII в. в обеих землях возводятся (за редкими исключениями) в основном лишь пограничные замки в западных областях, что вынуждалось необходимостью обороны от агрессивных соседей — венгерских и польских феодалов.

Под 1205 г. (соответствует примерно 1210 г.) Галицко-Волынская летопись сообщает, что «Олександр (белзский) прия Угровеск, Верещин, Столпье, Комовь, и да Василкови Белз» (Ипат., с. 483). К тому времени Александр Всеволодович овладел стольным градом Волыни и чувствовал себя там полновластным властелином. Названные летописью города на пограничье представляли, по всей вероятности, какой-то устойчивый территориальный комплекс. В том же порядке перечисляет их летописец в рассказе о возвращении Даниилом этой части забужских земель: «Данилу же возвратишуся к домови, и еха с братом, и прия Берестий, и Угровеск, и Верещин, и Столпье, Комов, и всю украйну» (Ипат., с. 490). Эта волынская «украина», следовательно, могла сложиться раньше первого упоминания о ней. Возможно, названные оборонительные крепости возвел еще Роман Мстиславич.

К сожалению, перечисленные города между Западным Бугом и Вепрем совершенно не исследованы археологически и локализируются по топонимическим аналогиям (см. названные выше работы Погодина, Лонгинова, Барсова, Дашкевича и др.). Предполагаем существование определенной закономерности в том, что археологи до сих пор не обнару-

жили городов этой части волынской «украины». Они были по существу оборонными замками, поэтому там не может быть следов деятельности ремесленно-торгового населения. Сами же оборонительные сооружения Угровеска, Верещина, Столпя и Комова (за исключением знаменитой башни-донжона в Столпье) были, скорее всего, скрыты польскими феодалами во второй половине XIV в., когда ими была захвачена большая часть Волыни.

Впервые названы летописью на рубеже первого и второго десятилетий XIII в. два других порубежных города Волыни: Орельск и Ухани. Польское войско во главе с князем Лешко посадило во Владимире сначала Александра белзского, а потом заменило его Ингварем Ярославичем: «Потом же седе Ингвар в Володимере. Поя у него Лестько дщерь и пусти, иде же ко Орельску» (Ипат., с. 482) — т. е. к границе. Этот город находился на правом берегу Вепря⁵⁶.

Место в системе пограничных крепостей Волыни другого города Ухани определяет летопись, повествуя о событиях 1210 г.: «Олександр у сядяцю в Володимере, а брату его Всеволоду в Червние. Литва же и Ятвезе воеваху и повоеваша же Туриск и около Комова оли и до Червена, и бишася у ворот Червенеских, и застава бе Уханях» (Ипат., с. 483). Военные действия велись литовско-ятвяжским войском, следовательно, на сравнительно широком фронте от Комова до Червена враг проник далеко в глубь территории Волыни. Указание летописи на «заставу» в Уханях может говорить о важном значении этой крепости, прикрывающей Владимир с запада (расположена примерно в 30 км юго-восточнее Орельска).

Закрепление волынского гарнизона в Орельске сделало, по-видимому, возможным создание новой крепости — уже на левом берегу Вепря. Речь идет о Щекареве, упомянутом в Галицко-Волынской летописи в рассказе о конфликте между Лешко и Даниилом (1220/21 г.): «Приде Лестько на Данила к Щекареву, бороня ити ему на помощь Мьстиславу, тестеви свосму» (Ипат., с. 492). Ученые долгое время спорили относительно местонахождения Щекарева. Большинство идентифицирует его с нынешним городом Красноставом на Вепре⁵⁷. Нам же кажется более приемлемым подкрепленное ссылками на источники мнение польских ученых М. Балиньского и Т. Липиньского, в соответствии с которым Щекарев был расположен вблизи Красностава, возможно, даже за Вепрем⁵⁸.

Среди вновь возникших непограничных городов Волыни летопись первых двух десятилетий XIII в. знает, пожалуй, лишь один Каменец. Когда в 1213 г. Лешко с Александром

Всеволодовичем отняли Белз у Романовичей, «бояре не изневеришася, но идоша вси со князем Василком в Каменецъ» (Ипат., с. 487). Вскоре туда приезжает из Венгрии («отпросився у короля») Даниил Романович с матерью.

Некоторые затруднения вызывает локализация этого Каменца — на западнорусских землях летописи знают несколько городов с таким названием. Из дальнейшего рассказа источника явствует, что интересующий нас Каменец был где-то на Волыни («Лестько же поя Данила ис Каменца, а Олександра из Володимера, а Всеволода из Белза, кождо их со своими вой». — Ипат., с. 488), следовательно, это не Каменец на Случи, упомянутый в Киевской летописи под 1196 г. (Ипат., с. 468).

Точно так же не соответствует летописному рассказу 1213 г. Каменец на реке Лосне, основанный Владимиром Васильковичем волынским около 1277 г. в местах, которые, по свидетельству летописца, пустовали со времен Романа Мстиславича, в течение 80 лет (Ипат., с. 578). Вероятнее всего, названный в повествовании об изгнании Василька из Белза Каменец соответствует современному городу Камню-Каширскому, расположенному к северу от Ковеля.

Несколько менее активно, чем на Волыни, строились пограничные города в Галицкой земле. В 1213 или 1214 гг. польский князь Лешко совершил неудачную попытку изгнать из Галича вокняжившегося там боярина Владислава. Летописец сообщает: «И потом же (после битвы. — Авт.) Лестько не можаше прияти Галича, но шед воева около Теревовля и около Моклекова и Збыража, и Быковен взят бысть Ляхы и Русью» (союзными Лешко русскими князьями; Ипат., с. 488).

Названное в процитированном фрагменте Галицко-Волынской летописью Быковию было, вероятнее всего, пограничным замком на Днестре, расположенным ниже Галича, на правом берегу реки, и прикрывавшим стольный град со стороны «поля». Возможно, ему соответствует селище Буковна в Тлумачском районе Ивано-Франковской области⁵⁹.

Гораздо больше можно сказать о другом пограничном городе Галицкой земли Збараже (современный город того же названия Ивано-Франковской области), расположенном на ее восточном рубеже с Волынью. Археологически изучено городище Збаража, окруженное валами и рвами. Был обнаружен древнерусский клад, в состав которого входили 3 шейных гривны, 6 серег киевского типа и ряд других серебряных и бронзовых вещей⁶⁰.

Вызывает недоумение упомянутое летописцем название города Моклекова. Тщетными оказались поиски его в топо-

нимической номенклатуре изучаемого региона. По нашему мнению, это искаженное название хорошо известного из летописей галицкого порубежного города Микулина на р. Серете. В пользу этого предположения говорит уже сама последовательность перечисления городов в рассказе о походе Лешко: «шел воєва около Теребовля и около Моклекова и Збыража» — они названы с юга на север. Об этом не может свидетельствовать и форма «Клеков» в Ермолаевском списке Галицко-Волынской летописи⁶¹.

Трудно сказать, когда был основан на западном рубеже галицкий город Любачев, стоящий на впадающей в Сань реке Любачевке. Из рассказа летописи о событиях 1214 г. («Король посади сына своего в Галичи, а Лестькови да Перемышль, а Покославу * Любачев») видно, что к тому времени Любачев был уже заметным городом, поскольку назван в одном ряду с Галичем и Перемышлем. К тому же его дали в кормление знатному польскому вельможе, следовательно, город обладал развитыми ремеслами и торговлей. Сказанное, однако, остается лишь предположением ввиду полной археологической неизученности Любачева.

Вблизи западной границы Галицкой земли находился еще один укрепленный центр — Городок. Это видно из повествования Галицко-Волынской летописи о совместной кампании венгерских и польских феодалов против Мстислава Мстиславича галицкого: «Король же посла вои многи и Лестко, и придоша к Перемышлю... Мстислав бо бе со всеми князьми Рускыми и Черниговьскыми и посла Дмитра, Мирослава, Михалка Глебовича противу им к Городку: Городок бо бе отложился, бяхуть в немь людье Судиславли» (Ипат., с. 490).

«Отложиться» проще всего пограничному городу, а войско навстречу врагу обычно высылают на границу. Сохранились остатки укреплений Городка, на месте которых позднее был построен замок⁶² (ныне райцентр Львовской области).

Далее вражеское войско столкнулось с русским «на Щирце» (Щирце; Ипат., с. 490). Погодин, Надеждин и Неволлин полагали, что речь идет о городке, стоявшем на р. Щирке⁶³. Но из контекста данной записи следует, что дело происходило на реке («Михалка же Скулу убиша, согонивше на Щирце»).

Летопись называет несколько новых населенных пунктов и на днепровском порубежье Галичины. Когда в 1219 г. объединенная венгерско-польская рать осадила Га-

* Польский сановник, кастелян.

лич, «многу бою бывшую на Кровавом Броду, и паде на ня снег, и не могоша (враги) стояти, идоша за Рогожину, идоша на Мьстислава и прогнаша и(з) земли» (Ипат., с. 490—491). Можно согласиться с Надеждиным и Невольным, указывающими на одноименное село неподалеку от Стрыя на Днестре, несколько ниже впадения в него р. Стрый⁶⁴. Есть определенные основания видеть в Рогожине пограничную крепость.

Вынужденный Мстиславом уйти из Галича, Даниил направился в Понизье, но когда он и его сторонники «быша противу Толмачю, угони и неверный Витовичь Володислав» (Ипат., с. 491). Расположенный на правом берегу Днестра (на впадающем в него небольшом притоке) Толмач (современный Тлумач Ивано-Франковской области) был, по нашему мнению, одним из замков, входивших в днестровскую оборонительную линию Галицкой земли. Как и Рогожину, он археологически не исследован.

Продвигаясь на юго-восток вдоль Днестра, правым его берегом, Даниил Романович и его дружина «придоша в Онут и идоша в поле» (Ипат., с. 491) — отсюда ясно видно пограничное положение Онута, сразу же за которым начиналась степь. Б. А. Тимошук считает, что поселение Онут, «скорее всего, представляло собой древнерусское село»⁶⁵. Однако мы полагаем, что стоявший на рубеже с «полем» Онут обязательно был укреплен. Другое дело, что его население занималось преимущественно земледельческим трудом. Как известно, оборонительные замки редко перерастали в подлинные феодалские города.

Много споров среди историков вызвала локализация Плава, к которому Даниил пришел после Онута («Бывшую же гладу велику, поидоша возы к Плаву» — Ипат., с. 491). Некоторые дореволюционные ученые вообще считали, что плавом могли назвать какой-либо речной брод. Надеждин и Невольин думали, что его следует искать где-то южнее Онута, в глубине новороссийских и бессарабских степей⁶⁶. Высказывалось также мнение, что Плав — это деревня Плавня на р. Орхее возле города Орхья в Молдавии⁶⁷. Н. В. Молчановский отстаивал какое-то «miasło Piławisko» на Пруте, упоминаемое в старинном польском документе и расположенное неподалеку от Кучурмика (Кучелмина)⁶⁸. Нам кажется наиболее аргументированным мнение Б. А. Тимошука, в соответствии с которым древнерусскому Плаву соответствует городище, расположенное в 3 км ниже по Днестру от с. Перебыковцы Хотинского района Черновицкой области⁶⁹.

Во второй половине 20—30-е годы на Волыни возводятся первоклассные крепости Кременец, Данилов и Холм с мощными каменными стенами и башнями, перед которыми оказались бессильными пороки (камнеметы) и тараны полчищ Батыя в 1241 г. («Видив же (Батый) Кремянец и град Данилов, яко невозможно прияти ему, и отъиде от них» — Ипат., с. 523). Вероятнее всего связать строительство этих крепостей, а также расположенного вблизи Кременца Торчева с деятельностью Даниила (з бытность его волынским князем) по укреплению южных рубежей княжества.

В. Т. Пашуто справедливо обращал внимание читателей на плодотворность усилий Даниила Романовича в области градостроения, но почему-то относил возведение Холма и Данилова ко времени после поездки князя к Батыю в 1245 г.⁷⁰ В действительности оба названных города заложены еще до вторжения орд Батыя в Юго-Западную Русь.

Наиболее мощным городом-крепостью на южной границе Волыни с Галичиной был Кременец (нынешний район Тернопольской области). В 1227 г. «пойде король (венгерский) ко Теревовлю и взя Теревовль, и пойде к Тихомлю и взя Тихомль. Оттуду же приде ко Кремянцю, и бися под Кремянцем, и много угор избиша и раиша» (Ипат., с. 500). Из этого известия следует, что мощью своих укреплений Кременец превосходил и древний Теревовль, и возведенный в середине XII в. Тихомль. Известный специалист в области истории Волыни А. М. Андрияшев следующим образом передавал собственные впечатления от Кременца: «Уже по самой природе местности, Воынской Швейцарии, как ее называют, город не может представлять сплошной массы, а состоит только из одной улицы с разбросанными по сторонам, без всякого порядка, домиками. На горе, господствующей над городом, и теперь еще сохранились остатки некогда сильнейшей крепости на Воыни, которую не мог взять даже Батый»⁷¹ — речь идет о руинах позднейшего замка, возведенного на месте древнерусской крепости.

Беглое археологическое обследование Кременецкого городища выявило оружие, орудия производства, керамику и украшения «времен Древней Руси»⁷². Никаких следов былых укреплений не обнаружено. Это дало основания А. М. Андрияшеву предположить, что они были деревянными — «иначе их было бы трудно уничтожить так быстро, как это сделал Василько при погроме Бурундая»⁷³. Ученый имел в виду вынужденную ликвидацию Даниилом и

Васильком осенью 1259 г. оборонительных сооружений городов Галичины и Волыни по требованию обладавшего громадным войском ордынского полководца Бурундая (Ипат., с. 562—563). Это соображение не кажется нам существенным: Василько мог приказать разрушить ворота, снять заборола и засыпать рвы: в этом случае одни каменные стены не давали надежной защиты.

Хотя город Данилов впервые назван летописью лишь в рассказе о событиях 1241 г., из этого же рассказа явствует, что он был возведен гораздо раньше. Есть основания связывать время постройки этой мощной крепости с основанием соседствующего с ней Кременца. Долгое время историки спорили относительно местоположения этого города. А. М. Андрияшев, подытоживая споры, заявил, что Данилов не удалось локализовать⁷⁴. Лишь в послевоенное время П. А. Раппопорт обнаружил и обследовал древнерусское городище у с. Даниловка, в 16 км к востоку от Кременца (в Шумском районе Тернопольской области). Это городище расположено на высокой горе с очень крутыми склонами. На ее вершине — ровная площадка 80×270 м. Тонкий (25—30 см) культурный слой очень насыщен археологическими материалами (железные вещи, керамика, стеклянные браслеты и пр.), полностью относящимися к XIII в.⁷⁵

Невозможность взятия Батыем Данилова можно объяснить двумя причинами: наличием каменных стен и крутизной склонов горы, ввиду чего было очень трудно (если не невозможно) применить осадную технику. В частности, пороки (катапульты и баллисты) были не в состоянии бросать свои снаряды круто вверх.

В 1233 г. венгерский королевич Андрей с войском, в состав которого, кроме венгров, входили отряды мятежных галицких бояр и болоховских «князей», вторгся на Волынь. Даниил Романович «наутрея же переидеть реку Велью на Шумьск, ...исполчив полкы свое поиде к Торчеву» (Ипат., с. 511). Из рассказа летописи следует, что Торчев стоял на «высоких горах». По мнению Н. П. Барсова, ему соответствует с. Старый Тараж, вблизи Почаева⁷⁶. Это мнение можно признать справедливым по историко-географическим соображениям. В частности, Старый Тараж расположен примерно в 30 км на запад от Шумска, откуда Даниил двинулся навстречу врагу.

Построенные или укрепленные, вероятно, в те же 20—30-е годы города на восточном рубеже Волыни встретили полчища Батыея в начале 1241 г.: «И приде (Батый) к городу Колодяжьну, и постави порока 12 и не може разбити

стсны, и начат перемольвливати люди; они же, послушавше злого света его, передашася, и сами избити быша. И приде Каменцю, Изяславлю, взят я» (Ипат., с. 523).

Наше внимание привлекает в этой записи галицкого источника прежде всего Колодяжин, полностью разрушенный и сожженный ордами Батыея, однако так и не взятый ими, несмотря на применение мощной боевой техники. Городище (вблизи с. Колодяжного Дзержинского района Житомирской области), расположенное на правом высоком берегу р. Случи, изучалось археологами, и все строительные остатки обнаружены в обгоревшем состоянии. Колодяжин был окружен валом, в основе которого находились четырехугольные срубные конструкции. Находки реликтов материальной культуры свидетельствуют о том, что жители города занимались земледелием и скотоводством⁷⁷.

Специально исследовавший Колодяжин В. К. Гончаров пришел к важным выводам, подтверждающим, на наш взгляд, предположение о строительстве его в качестве пограничной крепости при Данииле Галицком. Ученый полагает, что «весь жилищный и фортификационный комплекс был конструктивно связан и строился одновременно». По мнению В. К. Гончарова, Колодяжин специально строился для защиты рубежей Волыни как в междоусобной борьбе, так и от нападений кочевников⁷⁸.

По мнению М. К. Каргера, остатками летописного Изяслава является городище на восточной окраине с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области, на высоком берегу р. Гуски. Ученый полагал, что современный Изяслав, стоящий на запад от Городища, на р. Горыни, возник на новом месте, уже после нашествия орд Батыея⁷⁹. Как и Колодяжин, Изяславль был сожжен завоевателями. Археологами собрана богатая коллекция предметов вооружения: мечи, сабли, секиры, навершия шлемов, боевые булавы, около 1000 наконечников стрел. Вблизи въезда на городище, в окольном граде, выкопан костяк русского воина в шлеме и кольчуге, с мечом и копьем⁸⁰. Все это указывает на военный характер Изяслава, бывшего, вне сомнений, пограничной крепостью Волынского княжества.

Ключевые позиции на западном рубеже Волыни с Польшей занимал Холм. Галицко-Волынская летопись повела об его основании Даниилом много лет спустя после этого события (Ипат., с. 558), около 1256 г. Город был заложен в 1237—1238 гг., на что указывают следующие соображения. Холм упоминается в летописном повествовании о походе Конрада Мазовецкого на Волынь: «Кондратови же ставшу кде ныне град Холм стоить» (Ипат.,

с. 516) — значит, тогда города еще не было. Поход Конрада против Романовичей, вероятнее всего, следует датировать летом 1237 г. Но уже в следующем году Даниил находился в Холме, когда галицкое вече позвало его на княжение: «Приде весть Данилу в Холме будущю ему, яко Ростислав сошел есть на Литву» (Ипат., с. 517). Даниил вокняжился в Галиче в 1238 г.⁸¹

Исследователи почему-то не обращали внимания на свидетельство Галицко-Волынской летописи, из которого следует, что сначала был построен небольшой замок Холм, вокруг которого развился затем большой и сильно укрепленный город, который не смогли взять завосватели в 1241 г.: «И створи (Даниил) градсь мал, и видеv же яко бог помощник ему и Иоани спешник ему есть (следовательно, минуло какое-то время.— Авт.), и созда град иный, его же Татарове не возмогоша ирняти, егда Батый всю землю Рускую поима» (Ипат., с. 558) *.

Любимый город Даниила, превращенный им в свою столицу, Холм неоднократно упоминается в летописи. Галицкий книжник подробно описывает строительство этого города, рассказывает об его фортификациях. Согласно новейшим весяням военной науки своего времени, Даниил воздвиг в Холме громадную башню-донжон. Подобные башни располагались внутри городских стен, вблизи наиболее уязвимых для штурма мест, на них размещались стрелки из луков и арбалетов, препятствовавшие врагу приближаться к стенам города и строить осадные машины («Вежа же среде города высока, якоже бити с нея окрест града, подздана каменьем в высоту 15 лакот (локтей), создана же сама деревом тесаным». — Ипат., с. 559). Судя по летописному рассказу о неудачной попытке Бурундая овладеть Холмом, город обладал крепкими стенами с зуборолами. На случай осады в нем имелись метательные машины («и утверженне города крепко пороки и самострелы». — Ипат., с. 559). На подступах к Холму были возведены также хорошо укрепленные замки, один из которых описан галицким летописцем: «Стоит же столп поприще от города камен, а не немь орел камен изваян, высота же камени десяти лакот, с головами же и с подножьями 12 лакот» (Ипат., с. 559). Остатки описанной башни холмского сторожевого укрепления сохранились до наших дней.

* Нельзя поэтому принять мнение П. А. Раппопорта, будто бы основание Холма следует относить к 30—40-м годам XIII в. и что не существует возможности уточнить эту приблизительную датировку (Раппопорт П. А. Холм.— Сов. археология, 1954, т. 20, с. 313).

Археологически Холм изучен пока еще недостаточно. Он раскапывался лишь в 1910—1912 гг. архитектором П. П. Покрышкиным и историком Ф. В. Коралловым. Отчет о раскопках не сохранился. В архиве Ленинградского отделения Института археологии АН СССР имеются лишь черновые чертежи раскопок и около 50 фотографий обнаруженной стены и различных архитектурных фрагментов. Авторы сообщили в печати о находке дубовых ряжей, напоминающих киевские. Согласно авторитетному мнению изучившего архивные материалы П. А. Раппопорта, это были крепления склонов высокого холма, на котором возведен город.

Построенная Даниилом Романовичем могучая крепость Холм была основана на древнерусском городище. Сохранилась часть стены из белого и зеленого известняка, основание каменной башни — по-видимому, описанного в летописи донжона. Кстати, говоря о строительстве Холма, летописец упоминает о том, что использовался «галицкий белый» и «холмский зеленый» камни (Ипат., с. 559). Как полагают П. А. Раппопорт, найденные в Холме фрагменты архитектурных деталей «имеют много общего с архитектурными деталями памятников владими́ро-суздальского зодчества XII — начала XIII в. и еще больше с памятниками Галича»⁸².

О сознательности и большой целенаправленности усилий Даниила Романовича в области строительства укрепленных городов и пограничных крепостей свидетельствует летопись под 1245 г. Вскоре после битвы под Ярославом Золотая Орда потребовала от Даниила впустить татарских баскаков в Галицкую землю. Даниил «бысть в печали велице, зане не утвердил бе земле своея городы» (Ипат., с. 535) — следовательно, князь строил города и замки с целью отражения иноземной агрессии, в данном случае — ордынской.

К 30-м годам XIII в. следует, по нашему мнению, отнести усилия Даниила по укреплению Днестровского Пописья. Им был расстроен один из крупнейших городов Пописья — Бакота и возведен пограничный замок Калиус. Вместе с существовавшими к тому времени в среднем течении Днестра Ушицей, Кучелминым, Оиутом и Плавом они составили прочную оборонительную линию, преодолеть которую оказались бессильными не только войско бояр, поддерживавших черниговского претендента на галицкий стол Ростислава, но и орды Куремсы.

Входил в эту оборонительную линию и главный по своему экономическому и культурному значению город По-

низья Василев. Впервые он упоминается в Галицко-Волынской летописи в рассказе о событиях войны 1230 г. между Даниилом Романовичем и венгерским королем Андреем (Ипат., с. 508), но, как сказано выше, существовал уже в XII в.

В Галицкой земле строились замки иного типа — боярские, очаги феодальной оппозиции княжеской власти. Среди этих многочисленных боярских гнезд летопись начала 30-х годов называет Вишню и (косвенно) Арбузовичи. Был составлен антиправительственный заговор, «а Филип (боярин) безбожный зва князя Данила во Вишню: другии свет (заговор) створиша на убьенье его со Александром (Всеволодовичем), братучадом его» (Ипат., с. 508). Этот боярский замок был подробно исследован А. А. Ратичем. Он связывает его с городищем у г. Судовая Вишня Львовской обл. (Впервые это мнение высказали Надеждин и Неволин⁸³). Как установил А. А. Ратич, расположенное в урочище «На Чвораках» городище Вишни существовало в XII—XIII вв. Раскопан вал, в остатках которого прослежены деревянные конструкции. Этому городищу предшествовало другое, в урочищах «Замчиско» и «Валы» датированное вещественным материалом концом X — началом XII в.⁸⁴

Напротив, мало известно о другом боярском замке Арбузовичи. В 1233 г. «траве же бывши, Данил же поиде с братом и со Олександром Плесньску, и пришед взя и под Арбузовичи, и велик плен прия, обратися во Володимерь» (Ипат., с. 513). Отсюда следует, что галицкий город Плеснеск был отнят Даниилом у державших его (надо думать, без княжеского соизволения) бояр Арбузовичей. Н. П. Барсов, по всей вероятности, неверно понявший это летописное известие, считал, что в нем идет речь об урочище Арбузовичи⁸⁵. Но Надеждин и Неволин указали на с. Гарбузов вблизи Плеснеска⁸⁶ (Зборовский район Тернопольской области). Есть основания согласиться с ними. Выглядит естественным, что сидевший в Арбузовичах могущественный боярский род во времена неустойчивой центральной власти в Галицком княжестве позарился на соседний город Плеснеск. Археологически Арбузовичи не изучены, поэтому об укреплённом характере этого феодального имени можно говорить лишь исходя из логических соображений.

Как упоминалось, вторжение полчищ Батыя крайне отрицательно повлияло на все стороны жизни древнерусских земель, в том числе Галицкой и Волынской. Но даже в неблагоприятнейших условиях разрушения производитель-

ных сил, запустения деревень и уничтожения врагом большинства городов жизнь в исследуемом регионе возобновляется едва ли не ранее, чем в других южнорусских землях. Мельком, в рассказе о строительстве Холма, галицкий летописец свидетельствует, что Даниил Романович «нача призывати приходае (прихожае) Немце и Русь, иноязычники и Ляхы. Идяху день и во день, и уноты (подмастерья.— Авт.), и мастера всяции, бежаху ис Татар, седелници и лучници, и тулници, и кузнице железу, и меди, и сребру. И бе жизнь, и наполниша двory, окрест града поле и села» (Ипат., с. 558).

Когда Даниил восстанавливал Холм после страшного пожара 1256 г., летописец с сожалением отмечает, что князь не смог вновь выстроить донжон: «Бе бо грады иные зиждай противу безбожным Татаром, за то не созда ея» (Ипат., с. 560). Действительно, хотя во времена княжения старшего Романовича Галицко-Волыньское княжество обогатилось многими новыми городами, большинство их, как и прежде, возводилось на рубежах. Особенно интенсивно строились крепости на западной и северной границах Волыни с Польшей, Литвой и Ятвяжской землей, где постоянно существовала угроза вражеского вторжения.

Наиболее северным среди западных порубежных городов Волыни, которые летопись называет после нашествия орд Батыя, была Влодава (Володава), при впадении р. Влодавы в Западный Буг. В 1242 г., получив известие, что татарское войско возвращается из Венгрии, «Даниил же затворив Холм, еха ко брату си Василкови, пойма с собою Курила митрополита, а Татарове воеваша до Володавы и по озером, много зла створше» (Ипат., с. 528). Правдоподобным выглядит предположение Н. П. Барсова, что упомянутая в летописной записи предыдущего года Водава соответствует этой Влодаве⁸⁷: «Вышедшу же Лвови из Угор с бояры Галичкыми, и приеха во Водаву ко отцю си, и рад бысть ему отець» — незадолго перед этим Даниил находился в Холме, неподалеку от Влодавы (Ипат., с. 524).

Юго-Западнее Влодавы был построен, по всей вероятности, в 30 — начале 40-х годов, другой порубежный город Волыни — Андреев. Его окраинное положение определяется словами Галицко-Волыньской летописи: «Приехавъши же Ляхове и воеваша около Андреева» (Ипат., с. 529), следствием чего был ответный поход Даниила с Васильком из Холма на Люблин. Этот город был расположен в верховьях р. Влодавы, вблизи другого порубежного города Волыни Верещина⁸⁸.

В нескольких километрах южнее Андреева находился

еще один город-крепость — Тернава, упомянутый впервые в Галицко-Волынской летописи в повествовании о событиях 1262 г.: «Бысть снемь Руским княземь с Лядьским княземь с Болеславом. И спимашася в Тернаве Данило князь...» (Ипат., с. 567). Из этого сообщения неясно, кому принадлежал город. Но известие того же источника за 1266 г. свидетельствует, что Тернава была волынским городом: «И потом Болеслав князь присла посол свой к Василкови, Григоря, пробоща Люблиньского, тако река: «Свояче, соимевеся!» Василко рече: «А яз рад», и **порекоша собе снемь в Тернаве**» (Ипат., с. 571; подчеркнуто нами.— Авт.).

Немного юго-западнее Тернавы были построены два пограничных замка Бусовно и Охожа; оба упоминаются летописью примерно под 1244 г.: «Воеваша Ятвязе около Охожа и Бусовна, и всю страну ту поплениша, и еще бо Холму не поставлену бывшую Данилом» (Ипат., с. 531). Последнее замечание летописца может вызвать недоумение — как мы знаем, Холм был возведен в 1237—1238 гг. Но его следует толковать протяженно во времени — летописец, как нам кажется, хочет сказать, что набеги ятвягов были систематическими и длительными и что это вынудило Даниила заложить более монументальную крепость Холм. В этом случае возникновение Бусовна и Охожи вероятнее всего отнести к первой половине 30-х годов.

Наконец, самым южным из называемых летописью после 1241 г. западных волыньских городов был Грубешов, расположенный на месте нынешнего одноименного города в ПНР, на р. Гучве, впадающей в Западный Буг. Он мельком упоминается в рассказе об охотничьих подвигах Даниила в 1252 г.: «Едушу же ему до Грубешева, и уби прев шесть» (Ипат., с. 550).

Таким образом, к концу княжения Даниила Романовича система крепостей на западном рубеже Волыни была полностью сформированной и удовлетворяла нуждам обороны. В пользу сказанного свидетельствует то обстоятельство, что вплоть до конца XIII в. источники не знают вновь возникших крепостей на этом рубеже.

Была усовершенствована защитная линия и на северной границе Волыни. В сообщениях летописи появляются два новых волыньских города: Здитов и Мельник. В 1249 г. Даниил и Василько пошли на литовского князя Миндовга, став на сторону его племянников Тевтивила и Едивида. Даниил «брата же посла на Волковыеск, а сына на Услоним (Слоним), а сам иде ко Здитову» (Ипат., с. 542)⁸⁹. П. А. Раппопорт указывает на современную деревню

Здитово, расположенную на правом берегу р. Ясельды, в 6 км к югу от г. Береза (БССР). Впрочем, существует и другое село с подобным названием в 25 км к северо-востоку от Берестья. Но в обоих не обнаружены городища древнерусского времени, хотя в первом сохранились следы поселения, а во втором в поле находили фрагменты керамики X—XI вв.⁹⁰

Более уверенно можно локализовать другой северный пограничный город-крепость Воляни—Мельник. О нем рассказывает летопись при описании прихода Бурундая к рубежам Галицко-Волинского княжества и его обращенного к Даниилу требования: «Еси мирен, пойди со мною» (в поход на Литву 1257—1258 гг.). Романовичи решили, что вместо Даниила к ордынскому военачальнику поедет Василько: «И проводи его брат до Берестья, и посла с ним люди своя. И помолился (Даниил) богу святому Спасу избавнику, яже есть икона, яже есть в городе Мелнице» (Ипат., с. 560). Указание летописца на то, что этот город Мельник расположен неподалеку от Берестья, лишает возможности отождествлять его с другим волинским городом Мельницей, стоявшим к востоку от Владимира, на притоке Стохода Мельнице (современное с. Мельница Ковельского района Волинской области). Г. Мельник был расположен на Западном Буге, к юго-востоку от Дрогичина. Н. П. Барсов резонно указывал на местечко Мельники в бывшей Гродненской губернии⁹¹.

Среди волинских городов, отмеченных летописью после 1241 г., наряду с только что упомянутой Мельницей (запись примерно 1244—1245 г.: «Восваша Литва около Мелнице, Лековни*, и велик плен приша» — Ипат., с. 530), можно назвать Рай (Райгород) и Стожок. В 1252 г. Даниил Романович совершил победоносный поход на ятвяжских князей, а по возвращении «Данилу же королеви идущу ему по езеру, и виде при березе гору красну и град бывши на ней преже**, именем Рай» (Ипат., с. 549). По всей вероятности, Рай был разрушен во время очередного набега ятвяжских князьков, а затем восстановлен:

* Урочище вблизи с. Мельница (Андріяшев А. М. Указ. соч., с. 59). Вероятно, в те времена существовало селение того же названия.

** В новейшем, правда, рассчитанном на массового читателя, издании Галицко-Волинской летописи запятая поставлена перед «преже», что означает: «раньше назывался Рай» (Памятники литературы Древней Руси: XIII век.—М., 1981, с. 332—333). Но из дальнейшего рассказа летописи видно, что город и в дальнейшем продолжал называться Раем (Ипат., с. 593, 596), следовательно, нужно читать: «град бывши на ней преже, именем Рай».

там доживал свои дни в 1287—1288 гг. смертельно больной волынский князь Владимир Василькович.

Этот упомянутый в 1252 г. Рай одно время локализовали в окрестностях Белостока, севернее р. Нура, и предостерегали от отождествления его с загородной резиденцией Владимира Васильковича⁹². Но П. А. Раппопорт убедительно, на наш взгляд, относит все упоминания о Рае к одному и тому же волынскому городу. Он пишет: «Еще в XVIII в. существовал населенный пункт, лежавший непосредственно между Каменцом и Любомлем и носивший наименование Райевище (или Райовище). Деревня эта известна в документах XVI в., ...указана она также на картах XVII—XVIII вв. ... По-видимому, с конца XVIII или начала XIX в. с. Райевище стало называться Яревище. В настоящее время в восточной части этого села (в 24 км к юго-западу от г. Ратно Волынской области) на берегу Припяти сохранилось маленькое городище Городок с культурным слоем XII—XIII вв.»⁹³ Принимая подобную локализацию, добавим, что вряд ли мог существовать русский город далеко за пределами северного волынского рубежа (фиксируемого городами Дрогичин, Мельник, Каменец), в области, постоянно опустошаемой набегам агрессивных ятвяжских феодалов.

Лаконичное упоминание летописи о Стожке (по требованию Бурундая «Лев розмета Данилов и Стожск» — Ипат., с. 562) свидетельствует, что этот город был хорошо укреплен, поскольку вошел в число крепостей, подлежащих, по мнению ордынских военачальников, уничтожению. Но в 80-х годах XIII в. он был уже отстроен («Рачьша же изнайде Мьстислава во Стожьце». — Ипат., с. 600). Выглядит правдоподобным указание А. М. Андрияшева на с. Стожок Кременецкого уезда (ныне в Шумском районе Тернопольской области), в 3—4 верстах от которого ему было известно расположенное на высоком холме городище (310 саженей в окружности), окруженное рвом и валом, сохранившимся на высоту двух саженей. В валу было трое ворот⁹⁴.

Менее активным в указанное время выглядит городское строительство в Галицкой части княжества. За исключением Львова, там не появилось ни одного крупного городского центра. Причины этого кроются в отмеченном выше своеобразии социально-экономического развития Галицкой земли, в частности в концентрации крупного землевладения вокруг старых городов (Галич, Перемышль, Теревовль, Звенигород) и традиционной слабости центральной власти. А победа Даниила над боярской оппозицией была одержана

на слишком поздно (1245 г.) для того, чтобы ее результаты в области горо­до­об­ра­зо­ва­ния могли сказаться в сколько-нибудь широких масштабах до конца его правления (1264 г.). В названный период центральной властью пред­при­ни­ма­ют­ся усилия для укрепления рубежей Галичины — западного и южного.

Понимая ключевое значение Перемышля и Ярослава, Даниил Романович заново выстроил их укрепления — по всей вероятности, утвердившись в Галиче в 1238 г. Когда в 1245 г. Ростислав Михайлович с венгерским войском вторгся в Галицкую землю, он не смог взять ни Ярослава, ни Перемышля, несмотря на то что у него было много воинов и мощная осадная техника («Собрав тъземельце многы, сосуды ратные и градные и пороки, исполчив воя своя».— Ипат., с. 532). На запад от ранее порубежного города Санока была возведена крепость Телич.

Н. П. Барсов ошибочно отождествлял Телич с нынешним Потеличем на Волыни, на пути из Любачева в Белз⁹⁵. Н. П. Дашкевич и А. В. Лонгинов указывают на Тылич на северном склоне Карпат, близ истоков Попрада⁹⁶. В справедливости этого предположения убеждает летопись. В 1262 г. Василько Романович из Владимира Волынского «посла же сайгат (трофей, в данном случае — захваченные в войне с Литвой.— *Авт.*) брату своему королеви (Даниилу) с Борисом и со Изеболком. Король же бяшетъ поехал в Угры, и угони его Борис у Телича» (Ипат., с. 566). Из контекста следует, что Телич был расположен на самой границе с Венгрией.

На пути из Галича в Венгрию лежал Синеводск, порубежное положение которого явствует из летописного повествования 1240 г.: «Ехал бе Данило князь ко королеви до Угры, хотя имети с ним любовь сватьства. И не бы любви межи има, и воротися от короля. И приехав в Синеволодьско * во монастырь святыа Богородица. Наутрея же востав виде множество бежащих от безбожных Татар, и воротися назад во Угры, не може бо проити (до) Руское земли, зане мало бе с нимъ дружины» (Ипат., с. 523).

Синеводск расположен в долине, где сливаются реки Опир и Стрый (ныне с. Верхнее Синевидное Сколевского района Львовской области). На удлиненном мысу, возвышающемся над долиной, в древнерусское время существовал монастырь. Его небольшая территория (всего 0,5 га)

* В Хлебниковском, Погодинском и Ермоласвском списках: «Синеводско», что и принято современной наукой (ПСРЛ. Спб., 1908, т. 2, стб. 787—788, прил. с. 66).

была окружена могучими валами и рвами, на валах стояли деревянные стены. Сам монастырь находился на территории укрепленного мысового городища площадью 4,5 га⁹⁷. Все это делало Синеводск настоящей крепостью.

Так же, как Синеводск, была выдвинута за старый днепровский рубеж и Коломыя. Этот город с областью принадлежал к княжескому домену, в котором Даниил и Василько раздавали земельные наделы вассалам в условное владение «держание», с обязательством несения военной службы (Ипат., с. 525). Имеются веские основания согласиться с А. И. Насоновым в том, что Коломыя была пограничным городом Галицкого княжества⁹⁸, и считать, что с течением времени юго-западный галицкий рубеж продвинулся за Днестр, на линию Синеводск — Коломыя.

Стоит упомянуть также о ряде пограничных крепостей в предгорьях Карпат: в с. Спас Львовской области, где известны оборонительная башня («столп») волинского типа и укрепления на Замковой горе, и, в особенности, в с. Урич также Львовской области, в котором располагалась древнерусская наскальная крепость, известная в документах XIV—XVI вв. как Тустаць⁹⁹. Эти крепости, вне сомнения, входили в оборонительную систему в Карпатах. Однако отсутствие упоминаний о них в источниках древнерусского времени и невозможность хотя бы приблизительно определить время их возникновения не позволили нам нанести их на карту.

В середине XIII в. был заложен Львов — город, которому было суждено сыграть выдающуюся роль в истории Галицко-Волинской Руси, а затем и Украины. Но в рассматриваемый нами период он оставался небольшим городом-крепостью, и поэтому летопись упоминает о нем редко и малоконкретно. Ни время, ни обстоятельства возникновения Львова не нашли отражения в источниках.

Впервые Львов упоминается в Галицко-Волинской летописи мимоходом, при описании пожара Холма, которым и было поглощено все внимание летописца: «Сицю же пламени бывшу, якоже со всее земли заре видити, якоже и со Львова зряще видити, по полем Белзьскимь, от горения силнаго пламени» (Ипат., с. 557). Как упоминалось, грандиозный пожар в Холме случился около 1256 г. Выражение летописца «по полем Белзьскимь» дает основания считать, что первоначально Львов занимал один из северных холмов, грядой возвышающихся над побужской равниной.

Историки высказывали различные догадки по поводу возможной даты основания Львова. Наиболее вероятным,

на наш взгляд, выглядит мнение И. П. Крипякевича, согласно которому Львов был заложен в честь свадьбы Льва Даниловича с венгерской принцессой Констанцией. Этот династический брак состоялся в 1247 г.¹⁰⁰

Подобно Киеву и абсолютному большинству древнерусских городов, Львов вырос не на пустом месте. Раскопки археологов на Замковой горе и в парке Высокий Замок обнаружили культурный слой времен Киевской Руси: керамику, железные, бронзовые, стеклянные изделия, архитектурные фрагменты X—XII вв.¹⁰¹ Результаты археологических исследований в совокупности со сведениями письменных источников дают основания полагать, что Львов как крепость в системе укрепленных центров Галицко-Волынского княжества построен Даниилом Романовичем на месте древнерусского «городка», существовавшего на Замковой горе с XII и, быть может, даже с XI в.

Львов построили на высоких холмах, перерезанных глубокими оврагами. Город имел исключительно выгодное стратегическое положение, господствуя над обширной округой, и в этом качестве заменил обветшавший к тому времени Звенигород. В 1259 г. по требованию Бурундая «Лев... послав Лвов розмета» (Ипат., с. 562). Следовательно, уже в первые годы своего существования город имел немалое оборонное значение и признавался опасным ордынской верхушкой. Но в скором времени львовский замок был отстроен и представлял собой хорошо укрепленную твердыню. Об этом можно судить из рассказа летописи о безуспешной двухнедельной осаде Львова ордынским военачальником Телсбугой в 1286 г. (Ипат., с. 589).

Мы полагаем, что в правление Даниила Романовича окончательно сформировалась территория и установились рубежи Галицко-Волынского княжества. Поэтому мы и не рассматриваем города, возникшие после смерти этого князя. Конечно, в подобном хронологическом ограничении исследования есть некоторая условность, но в пользу нашего мнения говорит тот красноречивый факт, что пограничные города, называемые в Галицко-Волынской летописи после 1264 г. и до конца XIII в., локализуются внутри рубежей, установившихся в княжение Даниила. Так, упомянутый в этом источнике в рассказе о русско-польской войне 1265—1266 гг. Грабовец («И по семь Василко поиде к соньмови до Тернави. И бывшу ему у Грабовци... Василько же поидоша вборзе от Грабовца... и придоша ко Червнью».— Ипат., с. 571—572) локализуется на р. Калиновке, между Грубешовым и Красноставом¹⁰², восточнее

линии Орельск — Червел, т. е. не выступаст за установившийся к концу правления Даниила западный рубеж.

Неудачно окончилась попытка Льва Даниловича продвинуть границу с Польшей далее Ярослава. В 1280 г.* «иде Лсцько на Лва и взя у него город Перевореск, исече и люди в нем вси от мала и до велика и город зажьже; и поиде назад восвояси» (Ипат., с. 582). Принятые польским князем столь крутые меры понятны, поскольку Лев пытался пересмотреть давно установившийся рубеж. В дальнейшем летописец вновь упоминает об этом разорении Перевореска (Ипат., с. 586), но ни слова не говорит о его возвращении и восстановлении русскими.

На примере Холма видно, как расстраивались города в Галицко-Волынском княжестве: сначала был создан «градец мал», который вскоре перерос в «град иный, его же Татарове не возмогоша прияти»; наконец, после пожара 1256 г. Холм восстанавливается в прежней красоте и величии (Ипат., с. 558—559). Рассказывая о складывании Волынской земли, мы упоминали, как вырос Владимир в XIII в. Галицко-Волынская летопись XIII в. отмечает стремительный рост Галича, умножение его значения и увеличение населения. Источник подчеркивает, что Даниил Романович «обновил» Дорогичин вскоре после Батыева нашествия, хотя город и избежал разорения (Ипат., с. 524).

Таким образом, в период 1230—1260-х годов процессы горообразование в Галицко-Волынском княжестве в значительной мере интенсифицировались, невзирая на неблагоприятные условия феодальной раздробленности, особенно ощущавшейся в этой части Руси, а затем вторжения полчищ Батыя и ордынского владычества. Возведение новых и расширение старых городов было следствием развития производительных сил, хозяйственного подъема, прогрессирующего отделения ремесла от сельского хозяйства. Благотворным образом сказалось на отмеченных процессах укрепление центральной власти княжества и подавление боярской оппозиции. Немалую роль сыграл и фактор внешней опасности, вынуждавший возводить крепости на рубежах, особенно западных и южных. Поэтому с определенными оговорками можно согласиться с мнением В. Т. Пашуто о существовании большого количества городов в Галицко-Волынской Руси XIII в.¹⁰³

Переходя к вопросу о рубежах Галицко-Волынского княжества в XIII в., отметим, что их прохождение в целом

* Дата устанавливается на основании свидетельств польских рочников Траски, Малопольского, Францисканского и др. (*Monumenta Poloniae Historica*. Lwów, t. 2, p. 847; t. 3, p. 51, 181).

обозначается пограничными городами, о которых речь шла выше. Не следует, однако, буквально связывать города и рубежи: в большинстве случаев пограничные крепости находились в определенном отдалении (15—20 км) от границы, лишь некоторые — передовые форпосты — были вплотную придвинуты к ней. На самом рубеже располагались сторожевые посты, наблюдательные пункты, временные укрепления («засеки») и пр.

Таким вынесенным на самую границу замком был Ухани, упомянутый в событиях 1210 г.: «Литва же и Ятвезе воеваху (Волынь), и повосваша же Туриск, и около Комова, оли и до Червена, и бишася у ворот Червеньских, и застава бе Уханях» (Ипат., с. 483) — этот замок прикрывал Червен с севера.

Если в XII в. западный рубеж Волыни проходил по Западному Бугу и его притоках, то уже в начале XIII в. он вплотную придвигается к Вепрю. Отголосок этого изменения границы виден в летописной записи около 1208 г. Тогда польские князья Лешко и Конрад поддержали претензии Александра белзского на Владимир-Волынский. «И жаляхуса Володимерци, емше им веры и присяге их: аще не был бы сродник их с ними Олександр, то не перешли быша ни Буга» (Ипат., с. 482).

Но свидетельство той же Галицко-Волынской летописи от 1219 г. твердо указывает на р. Вепрь как на русско-польскую границу: «Весне же бывши, и схаша Ляхове воевать, и восваша по Бугу». Даниил Романович послал против вторгшегося врага войско. Тогда «Ляхы же многи избиша, и гнаша по них до реки Вепря» (Ипат., с. 490). Вместе с тем Буг и позднее считался вторым, внутренним рубежом Волыни. В 1227 г. объединенное венгерско-польское войско приблизилось к Волынской земле, двигаясь со стороны Галича. «Бсаше бо король (венгерский) изнемоглься. Лестькови же в то время идушу в помощь, Данилови же бранящу ему не помогати королеви, одному наипаче хотящу; Данил же и Василко посласта люди своя к Бугу *, не даста ему прити» (Ипат., с. 500).

И в дальнейшем Вепрь устойчиво продолжал быть волынско-польской границей. В 1229 г. волынская рать направилась в поход против польских феодалов: «Данил же и Василко... идоша к Калешю (Калишу). И придоша Вепру вечер. Наутрее же светающю, преидоша реку Пресну

* Исправлено. В Ипатьевском списке: «к брату», что явная бессмыслица, поскольку третьего Романовича не существовало. В Погодинском списке — «к Богу», в Хлебниковском — «к Боу» (ПСРЛ, Слб., 1908, т. 2, стб. 749—750).

(уже в Польской земле.— Авт.) и поидоша к городу» (Ипат., с. 503—504) — летописец счел нужным специально отметить приход русского войска к границе, хотя логика повествования его к этому не побуждала. Другой пример. В 1237 г. полки Даниила и Василька успешно отразили войско мазовецкого князя Конрада, поддержавшего Михаила черниговского: «Кондрат побеже до Ляхов через ночь, и потопилися бьшеть от вои его во Вепрю множество» (Ипат., с. 516—517).

На северо-западе и севере Волыни граница с Литвой и ятвягами проходила по Западному Бугу и его притокам, в частности Лесне. Бассейн р. Кросны принадлежал Волыни. Здесь одной из пограничных рек был Нур. В 1245 г. «Кондрат (мазовецкий князь) присла посол по Василька, река: «Поидем на Ятвезе». Падшу снегу и серену (голоду.— Авт.), не могоша ити, и воротиншася на Нуре» (Ипат., с. 537) — последние слова следует относить только к Васильку и его войску, поскольку нет свидетельств того, что перед походом в Ятвяжскую землю Конрад приходил на Волынь.

Порубежное положение Берестья подчас выступает в летописи весьма выпукло. Берестье было главным укрепленным центром в этом беспокойном районе, постоянно страдавшем от вражеских набегов. Здесь, вдоль Буга, мы видим скопление пограничных крепостей: наряду с Берестьем, это Камонец, Мельник и выдвинутый на север Дорогичин. Под 1228 г. Галицко-Волынская летопись отмечает: «Повоеваша Ятвязи около Берестия, и угониста и из Володимеря» (Ипат., с. 501). А весной 1238 г. Даниил оказался вблизи границы в Берестье, замышляя поход на захваченный крестоносцами Дорогичин: «Весне же бывши, поидоста на Ятвезе и приидоста Берестью. Рекам наводнившимися, и не возмогоста ити на Ятвезе» (Ипат., с. 517).

Вплоть до конца XIII в. Берестье будет играть выдающуюся роль в защите северных рубежей Волыни и всей Галицко-Волынской Руси. В середине 80-х годов «Лестько взя Перевореск, город Львов, тоже Ляхове восваша у Берестья по Кросне, и взяша сел десять, и поидоша назад. Берестьяне же собращася и гнаша по них» (Ипат., с. 586).

Таким образом, волынско-польская граница в XIII в. проходила от устья р. Нура почти прямо на юг через верховья р. Кросны, вдоль Вепря, к водоразделу Вепря и Лады. Здесь проходил этнический рубеж между западными и восточными славянами, что подтверждается археологическими материалами¹⁰⁴. Поэтому русско-польская политическая граница отличалась устойчивостью и, как было

показано выше, не изменялась существенным образом в течение всего древнерусского времени. О прохождении ее по Западному Бугу (в верхней его части) и вблизи Вепря свидетельствуют и западноевропейские источники. Например, Гервасий из Тильбери (XII в.) писал, что Польша граничит с «Лодомерией» (Владимирским, т. е. Волынским княжеством) по названным рекам¹⁰⁵, а его современник германский хронист Рагевин указывал, что восточный рубеж Польши проходит по Висле¹⁰⁶.

Ученые давно отмечали, что за Вепрем к Висле лежит значительных размеров плоскогорье, ограниченное на юге верхним Вислоком. Это сухое, почти безводное пространство в древнерусский период мало привлекало поселенцев. Оно и разграничивало, по мнению многих, Польшу и Русь¹⁰⁷.

Заканчивая рассмотрение рубежей Волини, остановимся на дискуссионном вопросе о местоположении так называемых Ворот. Они упоминаются в летописи вне хронологических рамок нашего исследования в повествовании о польско-русской войне 1266 г. Тогда Василько пошел в Тернаву на свидание с польским князем Болеславом, но узнал, по пути туда, в Грабовце, что «Ляхове леть учинили, к сонмови не шли, но обишедше около, на Ворота, и тако поидоша к Белзу» (Ипат., с. 572). Но, по всей вероятности, этот проход использовался для связей между Волинью и Польшей и ранее. Так, в 1262 г. «бысть снемь Рускимь княземь с Лядьскимь княземь с Болеславом. И снимашася в Тернаве» (Ипат., с. 567), куда, скорее всего, поляки пришли через Ворота.

Проливает свет на положение Ворот продолжение рассказа летописи о вторжении польского войска на Волинь. Василько собрал сильную рать и послал ее на врага во главе со своим сыном Владимиром и племянником Шварном Даниловичем. Тем временем, сообщает летописец, «Ляхове же бяху и еще не вошли во свою землю, но токмо и бяшеть Ворота прошли. Се же беашеть место твердо, зане немощно бысть обойти его никуда же, темже наречашуться Ворота теснотою своею» (Ипат., с. 572).

Отсюда следует, что Ворота находились на территории Волини («Ляхове же бяху и еще не вошли во всю землю»), вблизи самой границы, за Тернавой и по направлению к Белзу. Н. П. Барсов указывал их вблизи Перевореска, где есть с. Превратно¹⁰⁸. Его мнение аргументированно оспорил А. И. Бунин, отметивший, что названное Н. П. Барсовым селение, во-первых, лежит слишком далеко от Тернавы и, во-вторых, расположено в равнинной, лесистой

местности. А. И. Бунин пишет, что в 15 верстах к юго-востоку от Тернавы начинается горный кряж, который разрезан ущельем, выходящим на р. Гораец. По мнению ученого, это и были Ворота¹⁰⁹. Предположение А. И. Бунина выглядит вероятным.

Отмеченная в отношении Волыни устойчивость границ относится и к Галицкой земле. В 1230 г. во время осады Галича Даниил Романович «собрав землю Галичкую (в данном контексте: воинов со всей Галицкой земли.— *Авт.*)... собра от Боброky доже и до реки Ушице и Прута» (Ипат., с. 506) — так образно и в общем верно определил летописец пределы Галичины. Учтем при этом, что восточная граница Галицкой земли, как и прежде, оставалась в XIII в. на р. Серсте (Ипат., с. 480). Поэтому есть все основания признать, что основные рубежи Галицкой части княжества не претерпели в XIII в. серьезных изменений.

Нуждается в уточнении и конкретизации карпатский рубеж Галичины с Венгрией. Здесь слово за археологами, поскольку летописные сведения использованы учеными-историками, кажется, с исчерпывающей полнотой. Весьма перспективными представляются исследования М. Ф. Рожка и других львовских археологов в Карпатах¹¹⁰. При этом нужно учитывать, что и непосредственно за Карпатским хребтом жило в основном восточнославянское население, а летопись называет там, вне сомнения, русские города: Бардуев, Баню Родну и Борсуков Дол (Дел).

Все эти города лежали вне границ Галицко-Волынского княжества. В 1241 г. Даниил Романович «иде из Угор в Ляхы на Бардуев и приде во Судомирь» (Сандомир; Ипат., с. 523). Н. П. Барсов, а за ним С. М. Середонин отождествили этот город с Бартфальдом на р. Тополич, к северу от Эпернеша¹¹¹. Труднее локализовать Баню Родну и Борсуков Дол, названные в летописи в связи с заятием Галича Даниилом и бегством Ростислава в Венгрию в 1238 г.: «Наутрея же приде к нему (Даниилу в Галич.— *Авт.*) весть, яко Ростислав пошел бе к Галичу, слышав же приятъ градское, бежа в Угры путем, им же идяше на Борьсуков Дел, и приде к Бани, рекомей Родна, и оттуда иде во Угры» (Ипат., с. 518).

Баня Родна помещалась Н. П. Барсовым на месте города Старая Рудня у истоков р. Большого Черемоша на Буковине¹¹². Поблизости Надежди и Неволии определяют местоположение Борсукова Дола¹¹³. Мы принимаем эту локализацию, поскольку не разделяем высказывавшегося С. М. Середониным и другими специалистами по древнерусской исторической географии мнения, будто бы дол

(дел) в данном случае означает горный хребет, разделяющий две области, и что, следовательно, Борсуков Дел — название местности. Ученый полагал также, что и Бани Родна — наименование горной цепи: «В верховьях р. Быстрицы есть горы, называемые Горы Родны»¹¹⁴. Как нам представляется, в обоих случаях речь идет о городах — в отношении Бани Родны можно быть в этом уверенным.

Трудами И. П. Дашкевича были основательно определены рубежи Болоховской земли, с «князьями», т. е. боярами, которой упорно боролись Романовичи. Эта земля находилась между Киевской и Галицкой землями, примыкая с юга к Волыни. Ученый показал, что Болоховская земля лежала к югу от р. Хоморы, занимая верховья Случи с правыми притоками. Пограничными городами Галицко-Волынского княжества были здесь Микулин, Полонное и Каменец на Случи. На юг Болоховская земля протянулась вдоль Южного Буга, но лишь до Межибожья (нынешнее с. Меджибож Летичевского района Хмельницкой области), одно время принадлежавшего Романовичам. К Болоховской земле относились также верховья Горыни¹¹⁵. Некоторые уточнения в определение территории Болоховской земли внесены недавно К. И. Терещуком, введшим в научный оборот новые археологические источники¹¹⁶.

Заканчивая рассмотрение территориального развития Галицко-Волынского княжества в XIII в. и его городских центров, мы не случайно остановились на последних годах княжения Даниила Романовича. В его правление княжество укрепились в экономическом и политическом отношениях, вырос его международный авторитет, расцвела культура. Была подавлена боярская оппозиция, и для времени с конца 30-х до середины 60-х годов можно говорить об объединенной Галицко-Волынской Руси. Всем этим она была обязана созидательному труду народных масс, их самоотверженной борьбе против внутреннего (боярство, сепаратистски настроенные князья) и внешнего врага. Но немалыми были и заслуги Даниила Романовича.

Напомним читателю, что деятельность той или иной личности оценивается марксистско-ленинской историографией в зависимости от того, соответствует ли эта деятельность главному направлению исторического развития или же расходится с потребностями передового класса общества. Если появление выдающейся личности представляет собой случайность, то это не значит, что ее деятельность не влияет на течение исторических событий. К. Маркс разъяснял, что ускорение и замедление общего хода развития общества «...в сильной степени зависит от этих «слу-

чайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения»¹¹⁷.

После смерти Даниила (1264 г.) Галицко-Волынское княжество оказывается в политическом отношении децентрализованным. Его брат Василько сохранил за собой часть Волыни со стольным городом Владимиром и формально считался великим князем («отцем и господином»). Но фактически великого князя не стало. Галицкая земля была разделена между сыновьями Даниила: Шварн получил ее восточную часть с Галичем и Забужье, Лев осел в Западной Галичине, обладая Львовом и Перемышлем. А Мстиславу Даниловичу досталась Восточная Волынь с Луцком.

Однако, невзирая на неблагоприятное воздействие ордынского владычества и продолжающуюся феодальную раздробленность, Галицко-Волынская Русь и после смерти Даниила Романовича осталась относительно цельным социально-экономическим организмом. Этому способствовали дальнейший подъем экономики, развитие городов, нарастающие внутриэкономические связи в регионе. Большое воздействие на сохранение экономической и культурной общности Галицко-Волынской Руси во второй половине XIII в. оказали идеи древнерусского единства, этнического родства всех восточных славян, глубоко овладевшие умами широких народных масс.

Введение

¹ *Насонов А. И.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства.— М., 1951, с. 5.

² *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 170.

³ *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.— В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958, с. 20.

⁴ *Ловмянський Г.* Основні риси пізньоплемінного та ранньодержавного устрою слов'ян.— Укр. іст. журн., 1969, № 11, с. 45.

⁵ *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— Сов. археология, 1953, т. 17, с. 25.

Глава первая

¹ *Черепнин Л. В.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.— В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958, с. 59—60.

² *Рыбаков Б. А.* Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII вв.— *Вопр. истории*, 1962, № 4, с. 50.

³ *Ловмянський Г.* Происхождение славянских государств.— Там же, 1977, № 12, с. 185—186.

⁴ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 170.

⁵ *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории, 1908—1916 гг. М., 1938, т. 1, с. 62.

⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Соч. 2-е изд., т. 3, с. 49—50.

⁷ *Греков Б. Д.* Киевская Русь.— [М.], 1953, с. 110.

⁸ *Тихомиров М. И.* Древнерусские города.— М., 1956, с. 58—64.

⁹ *Блок М.* Апология истории.— М., 1973, с. 126.

¹⁰ *Воронин Н. И.* К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города.— КСИИМК, 1951, вып. 41, с. 9, 13.

¹¹ *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв.— М., 1959, с. 17, 19.

¹² История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12-ти т. М., 1967, т. 1, с. 536.

¹³ *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья.— В кн.: Русский город. М., 1976, с. 37.

¹⁴ *Лвдусин Д. А.* Происхождение древнерусских городов.— *Вопр. истории*, 1980, № 12, с. 32.

¹⁵ Советская историческая энциклопедия.— М., 1963, т. 4, стб. 563.

¹⁶ *Poppe A.* Miasta: Ruś.— In: Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław etc., 1967, t. 2, cz. 1, s. 224.

¹⁷ *Карлов В. В.* Указ. соч., с. 37.

¹⁸ *Лвдусин Д. А.* Указ. соч., с. 32.

¹⁹ *Hensel W.* Archeologia o początkach miast słowiańskich.— Wrocław etc., 1963, s. 34.

- ²⁰ *Неусыхин А. Н.* Проблемы европейского феодализма.— М., 1974, с. 478—479.
- ²¹ *Рыбаков Б. А.* Древнерусский город по археологическим данным.— Изв. АН СССР. Сер. истории и философии, 1950, т. 7, № 3, с. 239—249.
- ²² *Hensel W.* Op. cit., s. 174.
- ²³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Соч. 2-е изд., т. 3, с. 50.
- ²⁴ *Столлицкая-Терешкович В. В.* Основные проблемы истории средневекового города.— М., 1960, с. 9—10.
- ²⁵ *Thietmari Chronicon*, VIII, 32.
- ²⁶ *Зимин А. А.* Холопы на Руси.— М., 1973, с. 46.
- ²⁷ *Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв.— М.; Л., 1963, с. 173.
- ²⁸ *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.— М., 1955, с. 40.
- ²⁹ *Воронин Н. Н.* Указ. соч., с. 13.
- ³⁰ *Пашуто В. Т.* О некоторых путях изучения древнерусского города.— В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 97.
- ³¹ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 52—64.
- ³² *Карлов В. В.* Указ. соч., с. 44.
- ³³ *Rorpe A.* Op. cit., s. 224.
- ³⁴ *Лвдусин Д. А.* Указ. соч., с. 32.
- ³⁵ *Карлов В. В.* Указ. соч., с. 43.
- ³⁶ *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси.— М.; Л., 1939, с. 136.
- ³⁷ *Летописец Переяславля Суздальского*: Сост. в начале XII в. (между 1214 и 1219 гг.) / Изд. К. М. Оболенским.— М., 1851, с. 64. (Далее — ЛПС).
- ³⁸ *Столлицкая-Терешкович В. В.* Указ. соч., с. 23—24.
- ³⁹ *Лишев С. П.* Некоторые вопросы феодальных отношений в Болгарии в X в. и в эпоху византийского господства.— Визант. временник, т. 41, М., 1980, с. 44.
- ⁴⁰ *Маркс К.* Пшчета философии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 148.
- ⁴¹ *Воронин Н. Н.* Указ. соч., с. 13.
- ⁴² *Hensel W.* Op. cit., s. 32—33, 48, 60 etc.
- ⁴³ *Rorpe A.* Op. cit., s. 224.
- ⁴⁴ *Насонов А. Н.* «Русская земля...», с. 44—46.
- ⁴⁵ *Рыбаков Б. А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж.— В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. [М.], 1953, с. 78. Известно, что в Чернигове открыты слои VI—VII вв. (*Богусевич В. А.* Археологічні розкопки у Чернігові в 1949 та 1951 рр.— «Археол. пам'ятки УРСР», 1955, т. 5, с. 9—11.)
- ⁴⁶ *Рыбаков Б. А.* Город Кия.— Вопр. истории, 1980, № 5.
- ⁴⁷ *Розенфельд Р. Л.* Древнейшие города Подмосквья и процесс их возникновения.— В кн.: Русский город, с. 16.
- ⁴⁸ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 392.
- ⁴⁹ *Насонов А. Н.* «Русская земля...», с. 130.
- ⁵⁰ *Rorpe A.* Gród Wołyń.— In: *Studia wczesnośredniowieczne*. Wrocław; Warszawa, 1958, t. 4, s. 298.
- ⁵¹ *Луліх В. В.* З історії долітописного Галича.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976, с. 121, 131, 132.
- ⁵² *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города, с. 328.
- ⁵³ *Насонов А. Н.* «Русская земля...», с. 137—138.
- ⁵⁴ *Hensel W.* Op. cit., s. 38—39.
- ⁵⁵ *Луліх В. В.* Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині.— К., 1972, с. 28—29, 122—123.
- ⁵⁶ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов* / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова.— М., 1950, с. 109, 110.
- ⁵⁷ *Шафарик П. И.* Славянские древности. М., 1948, т. 2, с. 70. (Прил.; № 19).
- ⁵⁸ *Карлов В. В.* Указ. соч., с. 39.

⁵⁹ Тимоциук Б О Слов'яни Північної Буковини V—IX ст.—К 1976, с 63 и сл

⁶⁰ Кучера М П Археологические исследования Вольнского отряда—В кн Археол исслед на Украине в 1968 г Киев, 1971, с 242—245

⁶¹ Кучера М П Основні етапи розвитку стародавнього Північного ська—В кн Матеріали з археології Прикарпаття і Волині К, 1959, вип 2, с 132—133

⁶² Карлов В В Указ соч, с 45

⁶³ Thomsen V Ryska rikets grundläggning genom Skandinaverns—Stockholm, 1882, p 76
Fritze W Ostrogard bei Adami von Bremen—Beitr Namenk 1949/1950, t 1, S 201—204
Впрочем, Д А Лвдусин полагаєт, что термин «Gardariki» возникает в скандинавских источниках лишь в XII в (Указ соч, с 36)

Глава вторая

¹ Ловмянський Г Взаимные отношения Польши и Руси в средние века—Сов славяноведение 1967, № 3, с 25

² Исаевич Я Д Территория и население «Червенских градов» (X—XIII ст.)—Укр ист геогр зб, 1971, вип 1, с 74

³ Лонгинов А В Червенские города—Варшава, 1885, с 96—97

⁴ Андрияшев А М Очерк истории Вольнской земли до конца XIV ст.—Киев, 1887, с 83

⁵ Андрияшев А М Указ соч с 85

⁶ Лонгинов А В Указ соч, с 69—96

⁷ А И Д О западных границах Подкарпатской Руси со времен св Владимира—Журн М ва нар просвещения, 1880, т 208, март, с 134—159

⁸ ЛПС, с 18

⁹ См Исаевич Я Д Территория и населения «Червенских градов», с 74

¹⁰ Кучкин В А «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60—

70 х годов XI в.—Сов славяноведение, 1971, № 2, с 32

¹¹ Куцирко М М Материальная культура населения между-речья Западного Буга и Вепра в IX—XIII вв.—В кн Исследования по истории славянских и балканских народов Киев Русь и ее слав соседи М, 1972, с 80, Wartolowska Z Grod czerwenski Sutejsk na pograniczu polsko-ruskim—Warszawa, 1958

¹² Поппе А Деякі питання заселення польсько-руського рубежа в ранньому середньовіччі—Укр ист журн, 1960, № 6, с 60

¹³ Poppe A Grody Czerwenskie—In Słownik starożytności słowiańskich Wrocław etc, 1964, t 2, cz 1 s 168

¹⁴ Поппе А Деякі питання заселення польсько-руського рубежа, с 63

¹⁵ Gleysztor A Polskie badania na Grodach Czerwenskich w latach 1952 i 1953—Kwart mist pol radzieck, 1954, N 1 (6), s 147.

¹⁶ Poppe A Grody Czerwenskie, s 168

¹⁷ Исаевич Я Д «Грады Червенские» и Перемышльская земля в политических взаимоотношениях между восточными и западными славянами (конец IX—начало XI вв.)—В кн Исследования по истории славянских и балканских народов, с 109

¹⁸ Археографический сборник Вильно, 1807 т 1, с 89

¹⁹ Москвитянин, 1837, кн 1, с 10

²⁰ Поппе А Деякі питання заселення польсько-руського рубежа с 57

²¹ Poppe A Grod Wołyń—In Studia wczesnosrednowieczne Wrocław, Warszawa, 1958, t 4, s 298

²² Ленин В И О государстве—Полн собр соч, т 39 с 74

²³ История и социология—М, 1964, с 59

²⁴ Кизилов Ю А Географический фактор в истории средневековой Руси—Вопр истории, 1973, № 3, с 51

²⁵ Исаевич Я Д «Грады Червенские» и Перемышльская земля

ля, с 109—110, *Porpe A Grody Czerwienskie*, s 168 Несколько иначе по обе стороны Буя, локализует Червенскую землю польский историк С Персовский (*Perowski S Studia nad pograniczem polsko ruskim w X—XI w — Wrocław etc*, 1962, s 110), однако его концепции носят сугубо умозрительный характер

²⁶ *Kuczynski S Wschodnia granica państwa Polskiego w X w — In Polska i państwa Polskiego Poznań 1962*, s 242—244

²⁷ *Łowmiański H Lędziane — Slav Antiqua*, 1953, t 4, s 112

²⁸ *Андріяшев А М Указ соч*, с 85

²⁹ *Поппе А* Деяки питания заселения польско-русского рубежа, с 61

³⁰ *Чацьовський Л* Княжин Белз — Зап Наук т ва ім Шевченка, 1937, т 154, с 18—22, *Тихомиров М Н* Древнерусские города, с 325—326

³¹ *Z otchłani wiekow*, 1935 t 11, z 10/11, s 133 1937, z 7/8 с 109, *Рагич О О* Давньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР — К, 1957, с 19

³² *Исаевич Я Д* «Грады Червенские» и Перемышльская земля, с 110

³³ *Раппопорт П А* Новые данные по исторической географии Волинии — КСИА АН СССР, 1964, вып 99, с 54—58

³⁴ *Тихомиров М Н* Древнерусские города, с 322—323

³⁵ *Рагич О О* Давньоруські археологічні пам'ятки, с 20

³⁶ *Тихомиров М Н* Древнерусские города, с 323

³⁷ *Насонов А Н* «Русская земля», с 132

³⁸ *I Długossii opera omnia Krakow*, 1873, t 10 p 52

³⁹ *Исаевич Я Д* «Грады Червенские» и Перемышльская земля, с 119

⁴⁰ *Тихомиров М Н* Древнерусские города с 336

⁴¹ *Żaki A Przemysl — In Słownik starożytności słowiańskich Wrocław etc*, 1970, t 4, cz 1, s 387—388

⁴² *Насонов А Н* «Русская земля», с 136

⁴³ *Wędzki A Trembowla — In Słownik starożytności słowiańskich Wrocław etc*, 1977, t 6, cz 1 p 152—153

⁴⁴ *Насонов А Н* «Русская земля», с 6

⁴⁵ *Исаевич Я Д* «Грады Червенские» и Перемышльская земля, с 107—108

Глава третья

¹ *Насонов А Н* «Русская земля», с 128, 133

² *Татищев В Н* История Российской М, Л, 1963, т 2, с 64

³ *Лихачев Д С* Комментарий (к «Повести временных лет») — В кн Повесть временных лет М, Л, 1950, ч 2, с 343

⁴ *Пресняков А Е* Лекции по русской истории, т 1, с 94

⁵ *Лихачев Д С* Указ соч, с 343

⁶ *Каргер М К* Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв во Владимире Волинском — Учен зап Леннигр унта Сер обществ наук, 1958, № 252, вып 29, с 3

⁷ *Тихомиров М Н* Древнерусские города, с 318

⁸ История культуры Древней Руси М, Л 1951, т 2, с 275—276 *Рагич О О* Указ соч, с 7—8, и др

⁹ *Тихомиров М Н* Пособие для изучения Русской Правды — М 1953 с 21

¹⁰ *Андріяшев А* Указ соч, с 76

¹¹ Там же с 112

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред и с предисл А Н Насонова — М, Л, 1950, с 15 (Далее Новг)

¹³ *Łowmiański H Świętopolek w Bresciu w r 1019 — In Litopis — Słowianszczyzna — Polska / Studia ku uczczeniu prof K Tymienieckiego Poznań*, 1970, s 229—244

¹⁴ *Насонов А Н* «Русская земля», с 127—128

¹⁵ *Лысенко П Ф* Города Туровской земли — Минск, 1974, с 20—21.

¹⁶ Ратиц О. О. Вказ. праця, с. 11.

¹⁷ КСИИМК, 1951, вып. 41, с. 32; Кучера М. П. Археологические исследования Волинского отряда.— В кн.: Археол. исслед. на Украине в 1968 г. Киев, 1971, с. 242—245.

¹⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 322.

¹⁹ См., например: Ochmański J. Luczanie.— In: Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław etc., 1967, t. 3, cz. 1, s. 131—132.

²⁰ Погодин М. П. Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г.— Спб., 1848, с. 22; Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1850, т. 4, с. 162.

²¹ Андрияшев А. Указ. соч., с. 67—68.

²² Насонов А. Н. «Русская земля...», с. 133.

²³ Ратиц О. О. Стародавній Перемиль.— В кн.: XXXIX наук. конф. Львів. ун-ту, присвяч. підсумкам н.-д. роботи за 1964 р.: Тези доп. Львів, 1965, с. 60—61.

²⁴ Лихачев Д. С. Комментарий, с. 441.

²⁵ Кучкин В. А. «Поучение» Владимира Мономаха.— Сов. славяноведение, 1971, № 2, с. 32.

²⁶ Кучинко М. М. Матеріальна культура населення междуречья Западного Буга и Вепра в IX—XIII вв.— В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов: Киев. Русь и ее слав. соседи. М., 1972, с. 80—81.

²⁷ Погодин М. П. Разыскания о городах..., с. 19; Насонов А. Н. Указ. соч., с. 132.

²⁸ Tyszkiewicz J. Turijsk.— In: Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław etc., 1971, t. 6, cz. 1, s. 216.

²⁹ Ibid., s. 216.

³⁰ Андрияшев А. Указ. соч., с. 66.

³¹ Ратиц О. О. Древньоруські археологічні пам'ятки, с. 15.

³² Археологічні пам'ятки УРСР. К., 1952, т. 3, с. 352; Ратиц О. О.

Древньоруські археологічні пам'ятки, с. 36.

³³ Андрияшев А. Указ. соч., с. 116.

³⁴ Татищев В. Н. Указ. соч., т. 2, с. 132.

³⁵ ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою, летописью.— Спб., 1862, с. 150.

³⁶ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания.— М., 1963, с. 127.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.— 2-е изд.— Л., 1927, стб. 292. (Далее: Сузд.)

³⁸ Это подтверждается и польскими источниками, см. например: Rocznik Traski.— In: Monumenta Poloniae Historica. Lwów, 1872, t. 2, s. 831.

³⁹ Андрияшев А. Указ. соч., с. 119.

⁴⁰ Там же, с. 121.

⁴¹ Новг., с. 28.

⁴² Будовиц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси.— М., 1960, с. 149—150.

⁴³ Греков Б. Д. Киевская Русь.— М., 1953, с. 505.

⁴⁴ Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII вв.— Вopr. истории, 1962, № 4, с. 49—50.

⁴⁵ Насонов А. Н. «Русская земля»..., с. 26—27.

⁴⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 36 и сл.

⁴⁷ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории.— М., 1964, с. 155.

⁴⁸ Лысенко П. Ф. Указ. соч., с. 20.

⁴⁹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 323.

⁵⁰ Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— М., 1967, с. 51—55. См. также: Cynkalowski O. Materiały do pradziejów Wołynia i Polesia Wołyńskiego.— Warszawa, 1961, s. 190.

⁵¹ Аулік В. В. До питання про місцезнаходження літописної Пересопниці.— В кн.: Середні віки

на Україні. К., 1971, вип. 1, с. 175.

⁵² Летописец Переяславля-Суздальского: Сост. в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.) / Изд. К. М. Оболенским.— М., 1851, с. 64.

⁵³ Андрияшев А. Указ. соч., с. 79.

⁵⁴ Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu.— In: Materiały wczesnośredniowieczne. Wrocław etc., 1969, t. 6, s. 229—232; Poppe A. Drohiczin.— In: Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław etc., 1962, t. 1, cz. 2, s. 386.

⁵⁵ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории, с. 150.

⁵⁶ Андрияшев А. Указ. соч., с. 134—135.

⁵⁷ Умер между 1174 и 1180 гг. См.: Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X au XIII siècle.— Roma, 1927, tabl. 5, N 39.

⁵⁸ Андрияшев А. Указ. соч., с. 35.

⁵⁹ См.: Погодин М. П. Разыскания о городах и пределах древних русских княжеств с 1054 по 1240 г.— Спб., 1848, с. 47.

⁶⁰ Там же, с. 72.

⁶¹ Молчановский Н. Очерк известий о Подольской земле до 1434 г.— Киев, 1885, с. 77.

⁶² Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии: География начальной летописи.— Варшава, 1885, с. 121—122, 292.

Глава четвертая

¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 329.

² См., например: Аулих В. В. Историческая топография древнего Галича.— В кн.: Славянские древности. Киев, 1980, с. 137 и сл.

³ См., например: История Украинської РСР: У 8-ми т., 10-ти кн. К., 1977, т. 1, с. 373.

⁴ Насонов А. Н. «Русская земля»..., с. 136.

⁵ Ратиц О. О. Давньоруські археологічні пам'ятки..., с. 70—71.

⁶ ПСРЛ. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршею, или Никоновскою, летописью.—

Спб., 1862, с. 152. См.: Baumgarten N. Op. cit., tabl. III, p. 16.

⁷ Шелом'янцив-Терський В. С. З історії давньоруського міста Звенигорода.— В кн.: Київська Русь: Культура, традиції, с. 20.

⁸ Baumgarten N. Op. cit., tabl. III, 7. См.: Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszyskiej Rusi. Warszawa, 1846, t. 1, s. 187.

⁹ Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego.— Warszawa, 1969, ks. 3/4, s. 370—371. (Далее: Długosz). См. критический разбор древнерусских известий Длугоша в кн.: Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVIII вв.— Л., 1978.

¹⁰ Терский-Шеломенцев В. С. Исследования детинца Звенигорода Галицкого.— Сов. археология, 1978, № 1, с. 269.

¹¹ Терський-Шелом'янець В. С. Дослідження посаду літописного Звенигорода.— Археологія, 1978, вип. 27, с. 86—93. См. также другие работы того же автора.

¹² Długosz, ks. 3—4, s. 165; Татищев В. Н. История Российская, т. 2, с. 138.

¹³ Аулих В. В. Историческая топография древнего Галича, с. 145.

¹⁴ См.: Аулих В. В. З історії долітописного Галича.— В кн.: Дослідження з слов'яноноруської археології. К., 1976 и ряд других работ того же автора о Галиче.

¹⁵ Аулих В. В. Историческая топография древнего Галича, с. 141.

¹⁶ См., например: Baumgarten N. Op. cit., tabl. III, 5.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.— 2-е изд. Л., 1927, стб. 312. (Далее: Сузд.).

¹⁸ Бережков Н. Г. Хронология русского летописания.— М., 1963, с. 60.

¹⁹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М., 1982, с. 514.

²⁰ Magistri Vincentii Chronicon Polonorum.— In: Monumenta Po-

loniae Historica. Lwów, 1972, t. 2, p. 436—441.

²¹ Ibid., p. 440; Długosz, ks. 6, s. 213.

²² Например, Длугош сообщает об его остром конфликте с владимирским епископом (Długosz, ks. 6, s. 240—241).

²³ Magistri Vincentii Chronicon Polonorum, p. 441.

²⁴ Пашуго В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.— М., 1950, с. 192.

²⁵ Гончаров В. К. Древний Галич.— Вісн. АН УРСР, 1956, № 1, с. 62; см. также: Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников.— Л., 1982, с. 108—111.

²⁶ Тихомиров М. И. Древнерусские города, с. 329.

²⁷ Патерик Киевского Печерского монастыря.— Сиб., 1911, с. 207.

²⁸ Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути.— В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951, т. 1, с. 340, 343.

²⁹ Тихомиров М. И. Древнерусские города, с. 332—333.

³⁰ Тихомиров М. И. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв.— М., 1955, с. 202.

³¹ Пашуго В. Т. Общественно-политический строй Древнерусского государства.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 27—28.

³² Колчин Б. А., Янин В. Л. Археология Новгорода 50 лет — В кн.: Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 117.

³³ Довженко В. И. Селища и городища в окрестностях древнего Галича.— КСИА АН УССР. 1955, вып. 4, с. 12—13.

³⁴ Słownik starożytności słowiańskich, t. 5, s. 50.

³⁵ Насонов А. И. «Русская земля»..., с. 138.

³⁶ Rocznik Przemyski, 1961, t. 9, z. 2, s. 222.

³⁷ Дашкевич Н. Княжение Данила Галицкого по русским и иностранным источникам.— Киев, 1873, с. 64.

³⁸ Тимощук Б. О. Давньоруська Буковина (X—перша половина XIII ст.).— Киев, 1982, с. 86.

³⁹ Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— М., 1967, с. 176.

⁴⁰ Ісаєвич Я. Д. Історична географія Угорщини та суміжних країв XI—XIV ст.— Арх. України, 1967, № 2, с. 72—73.

⁴¹ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии.— Варшава, 1885, с. 117—118.

⁴² Барсов Н. П. Географический словарь Русской земли.— Вильно, 1865, с. 53.

⁴³ Ратич О. О. Вказ. праця, с. 25—30.

⁴⁴ Кучера М. П. Основні етапи розвитку стародавнього Плісеська.— В кн.: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. К., 1959, вип. 2, с. 138—140.

⁴⁵ Baumgarten N. Op. cit., tabl. V, N 40, s. 23.

⁴⁶ Ibid., N 46.

⁴⁷ См., например, работы: Беляев И. О северном берегу Черного моря и прилежащих к нему степях.— Зап. Одес. о-ва истории и древностей, 1853, т. 3, с. 36; Дашкевич Н. Княжение Данила Галицкого по русским и иностранным известиям, с. 73; Лончинов А. В. Червенские города.— Варшава, 1885, с. 160; Середонин С. М. Историческая география.— Пг., 1916, с. 129; Кудряшов К. В. Половецкая степь.— М., 1948, с. 125; Лихачев Д. С. Комментарий.— В кн.: Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 2, прил., с. 483; Рыбаков Б. А. Первые века русской истории.— М., 1964, с. 211; Історія Української РСР: У 8-ми т. 10-ти кн. К., 1977, т. 1, с. 371, и многие другие.

⁴⁸ Слово о полку Игореве / Под ред. В. А. Андряновой-Петр. с. 22.

⁴⁹ Дашкевич Н. Указ. соч., с. 74.

⁵⁰ Середонин С. М. Указ. соч., с. 184.

⁵¹ Лихачев Д. С. Слово о пол-

ку Игореве: Ист.-лит. очерк.— В кн.: Слово о полку Игореве. М.: Л., 1950, с. 249.

⁵² Слово о полку Игореве.— М.: Л., 1950, с. 442—443.

⁵³ Слово о полку Игореве: Словарь-справ. Л., 1978, вып. 5, с. 252.

⁵⁴ *Bogdan I. Diploma Barladena din 1134 si principatulii. Bucur., 1889.*

⁵⁵ *Соболевский А. И.* Грамота князя Ивана Берладника 1134 г. В кн.: Тр. VIII Археол. съезда в Москве. М., 1895, т. 2, с. 173—174.

⁵⁶ *Соболевский А. И.* Указ. соч., с. 174.

⁵⁷ *Дашкевич Н.* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г.— В кн.: Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904, с. 378—379.

⁵⁸ *Дашкевич Н.* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника: 1134 г., с. 378.

⁵⁹ См. об этом подробно нашу статью: Кто такі бродники.— Укр. іст. журн., 1969, № 5.

⁶⁰ *Татищев В. П.* История Российской. М.: Л., 1963, т. 2, с. 170.

⁶¹ Там же, т. 3, с. 64—65.

⁶² *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии, с. 287.

⁶³ *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 г.— Киев, 1885, с. 86.

⁶⁴ *Насонов А. Н.* «Русская земля»..., с. 138.

⁶⁵ *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина, с. 84—85.

⁶⁶ *Кучера М. П., Горшинский П. А.* Исследования летописной Ушницы.— В кн.: Тез. докл. XVII науч. конф. Ин-та археологии АН УССР. Ужгород, 1978, с. 114.

⁶⁷ *Тимощук Б. О.* Літописні міста Буковини за археологічними даними.— Укр. іст. журн., 1960, № 6, с. 164—166.

⁶⁸ *Тимощук Б. А.* Исчезнувшие города Буковины.— Вопр. истории, 1964, № 5, с. 213.

⁶⁹ *Барсов Н.* Географический

словарь Русской земли, с. 86—87.

⁷⁰ *Винокур И. С., Хотюн Г. Н.* Исследование средневекового дворца-замка в Бакоте на Днестре.— В кн.: Тези доп. Поділ. іст.-краєзнав. конф. Хмельницький, 1965, с. 85—86.

⁷¹ *Логвин Г. Н., Тимощук Б. А.* Белокаменный храм XII в. в Василеве.— В кн.: Памятники культуры. М., 1961, с. 37—50.

⁷² *Тимощук Б. О.* Літописні міста Буковини, с. 164—165.

⁷³ *Janusz B. Zabytki przedhistoryczne Galicyi Wschodniej.— Lwów, 1918, s. 242—243; Ратич О. О.* Вказ. праця, с. 58.

⁷⁴ *Дашкевич Н.* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г., с. 373.

⁷⁵ *Лихачев Д. С.* Комментарий, с. 483.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку.— Спб., 1856, с. 240.

⁷⁷ *Лихачев Д. С.* Комментарий, с. 483.

⁷⁸ *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии.— Варшава, 1885, с. 114.

⁷⁹ *Насонов А. Н.* «Русская земля»..., с. 6.

⁸⁰ См.: *Успенский Ф. И.* Образование Второго Болгарского царства.— Зап. Новорос. ун-та, т. 27, с. 208 и сл.

⁸¹ *Scriptores rerum Hungaricarum. Vindobonae, 1746, t. 1, p. 116, 130—133, 141 etc.*

⁸² Собрание путешествий к татарам.— Спб., 1825, с. 24.

⁸³ *Татищев В. П.* История Российской, т. 2, с. 125.

⁸⁴ Там же, с. 132.

⁸⁵ *Nic. Chop. De Alex. Is. Ang. fr., III, 5, ed. Bonn., p. 691—692.*

⁸⁶ См. русский перевод в публикации П. Марголина (Три путешествия.— Спб., 1882).

⁸⁷ *Дашкевич Н.* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г., с. 375.

⁸⁸ *Nic. Chop. De Man., IV, 2, ed. Bonn, p. 171.*

⁸⁹ *Ioh. Cinn., VI, 3, ed. Bonn, p. 260.*

⁹⁰ *Стамати К.* Корреспонденция

о Бессарабии и ее древних крепостях.— Зап. Одес. о-ва истории и древностей, 1850, т. 2, отд. 2/3, с. 811.

⁶¹ См. нашу статью: Русь на Дупаї.— Укр. іст. журн., 1966, № 9.

⁶² *Татищев В. П.* История Российской, т. 2, с. 158; т. 3, с. 37.

⁶³ Const. Porphyg. De adm. imp., cap. 37 (по изданию: Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Greek text ed. by G. Moravcsik. Engl. transl. by V. J. Jenkins. Budapest, 1949, p. 168—169).

⁶⁴ *Татищев В. П.* История Российской, т. 2, с. 133. «Внук Володимерь Василко Маричичь», сын дочери Мономаха Маричи и Льва Дногена, погиб в княжеских усобицах на Руси в 1136 г. (Ипат. с. 214).

Глава пятая

¹ *Татищев В. П.* История Российской, М.; Л., 1964, т. 3, с. 170.

² Там же, т. 3, с. 169—170.

³ Там же, с. 257.

⁴ *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи.— М., 1963, с. 153.

⁵ *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.— М., 1950, с. 193.

⁶ *Энгельс Ф.* Франкский период.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 497.

⁷ См., например: *Хлебников Н.* Общество и государство в домонгольский период русской истории.— Спб., 1872, с. 102 и др.

⁸ *Греков Б. Д.* Киевская Русь.— М., 1953, с. 129.

⁹ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социал.-экон. истории.— Л., 1974, с. 65.

¹⁰ *Черепнин Л. В.* Русь: Спорные вопр. истории феодал. земель. собственности в IX—XV вв.— В кн.: Пути развития феодализма. М., 1972, с. 160.

¹¹ Там же.

¹² *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 161.

¹³ *Черепнин Л. В.* Еще раз о феодализме в Киевской Руси.— В кн.: Из истории экономической

и общественной жизни России. М., 1976, с. 17.

¹⁴ *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина.— М., 1981, с. 272.

¹⁵ *Тихомиров М. П.* Условное феодальное держание на Руси XII в.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 100—104.

¹⁶ *Черепнин Л. В.* Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности, с. 161.

¹⁷ *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 52. Впрочем, и Л. В. Черепнин признавал, что система «кормления» была связана с отношениями вассалитета и распределением ренты» (*Черепнин Л. В.* Еще раз о феодализме в Киевской Руси, с. 18).

¹⁸ *Сказкин С. Д.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века.— М., 1968, с. 125—126.

¹⁹ *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. М., 1933, т. 1, с. 39.

²⁰ Там же, с. 41 и сл.

²¹ См., например: *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства.— М., 1949, с. 135—136.

²² *Янин В. Л.* Указ. соч., с. 272.

²³ *Фроянов И. Я.* Указ. соч., с. 98, 158.

²⁴ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв.— М., 1982, с. 472.

²⁵ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 21, с. 150.

²⁶ *Черепнин Л. В.* Еще раз о феодализме в Киевской Руси, с. 19.

²⁷ *Рыбаков Б. А.* Указ. соч., с. 95.

²⁸ *Дашкевич Н.* Болоховская земля и ее значение в русской истории.— Киев, 1876; *Дашкевич Н.* Еще разыскания и вопросы о Болохове и болоховцах.— Киев, 1899.

²⁹ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 139 и сл.

³⁰ Черепнин Л. В. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности, с. 161.

³¹ Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории.— Пг., 1919, с. 38; Очерки истории СССР: Период феодализма, IX—XV вв. М., 1953, ч. 2, с. 66.

³² Тихомиров М. Н. Указ. соч., с. 100—104.

³³ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 139.

³⁴ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 478.

³⁵ Энгельс Ф. Франкский период.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 507—508.

³⁶ См., например: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 143—144. Эти бояре так и назывались «держателями града» (Ипат., с. 524).

³⁷ См. сводку сведений летописи в кн.: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 139—140.

³⁸ Кирпичников А. П. Военное дело на Руси.— Л., 1976, с. 7—9.

³⁹ Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века).— В кн.: Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования. М., 1981, с. 116.

⁴⁰ Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 411.

⁴¹ Там же.

⁴² Тихомиров М. Н. Древнерусские города.— М., 1956, с. 210, 334; Пашуто В. Т. Черты городского строя Древней Руси, с. 33.

⁴³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 334.

⁴⁴ Лихачев Л. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение.— М.; Л., 1947, с. 248.

⁴⁵ Не упоминая о большом количестве статей по отдельным вопросам истории изучаемого нами региона в XIII в., назовем лишь

некоторые монографические исследования: Шараневич И. История Галицко-Володимерской Руси от наивнейших времен до року 1453.— Львов, 1863; Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям.— Киев, 1873; Пашуто В. Т. Очерки истории Галицко-Волынской Руси.— М., 1950; Котляр М. Ф. Данило Галицкий.— К., 1979.

⁴⁶ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 193 и сл.

⁴⁷ Андрияшев А. Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст.— Киев, 1887, с. 154.

⁴⁸ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 209.

⁴⁹ Андрияшев А. Указ. соч., с. 173. Подобное мнение нам кажется наиболее вероятным.

⁵⁰ Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.).— М., 1956, с. 145.

⁵¹ См.: Marx K. Secret diplomatic history of the eighteenth century.— London, 1899, p. 80.

⁵² Насонов А. Н. Монголы и Русь.— М.; Л., 1940, с. 5.

⁵³ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 234—235.

⁵⁴ См. об этом подробнее: Котляр М. Ф. Данило Галицкий, с. 143 и сл.

⁵⁵ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 164.

⁵⁶ Погудин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1850, т. 4, с. 196.

⁵⁷ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии, с. 121; Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли до конца XIV в.— Одесса, 1895, с. 70 и др.

⁵⁸ Baliński M., Lipiński T. Starożytna polska. Warszawa, 1895, t. 2, s. 783.

⁵⁹ Ратич О. О. Древноруські археологічні пам'ятки на території

piń zachodnich областей УРСР, с. 44.

⁶⁰ *Janusz B. Zabytki przedhistoryczne Galicyi wschodniej.*—Lwów, 1918, s. 277—278; *Wiadomości archeologiczne*, t. 16, s. 357—362; *Ратич О. О.* Указ. соч., с. 69—70.

⁶¹ ПСРЛ. Спб., 1908, т. 2, прил. с. 60.

⁶² *Ратич О. О.* Указ. соч., с. 21.

⁶³ *Погодин М. П.* Указ. соч., с. 200.

⁶⁴ Там же, с. 201.

⁶⁵ *Тимощук Б. А.* Исчезнувшие города Буковины.—*Вопр. истории*, 1964, № 5, с. 213.

⁶⁶ *Погодин М. П.* Указ. соч., с. 201.

⁶⁷ *Зап. императ.* Одес. о-ва истории и древностей, 1853, т. 4, отд. 1, с. 354.

⁶⁸ *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1234 г.—*Киев*, 1885, с. 84—85.

⁶⁹ *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина.—*К.*, 1982, с. 86—93, 182.

⁷⁰ *Пащуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 164.

⁷¹ *Андріяшев А. М.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст.—*Киев*, 1887, с. 61.

⁷² ЗИТШ, т. CLIV, с. 263; *Археологічні пам'ятки УРСР*, 1952, т. 3, с. 407; *Ратич О. О.* Вказ. праця, с. 65.

⁷³ *Андріяшев А. М.* Указ. соч., с. 61.

⁷⁴ Там же, с. 70.

⁷⁵ *Раппопорт П. А.* Новые данные по исторической географии Волыни.—*КСИА АН СССР*, 1964, вып. 99, с. 54—55.

⁷⁶ *Барсов Н. П.* Указ. соч., с. 123.

⁷⁷ *Археологія Української РСР*, К., 1975, т. 3, с. 274—276.

⁷⁸ *Гончаров В. К.* Древний Колодяжн.—*КСИМК*, 1951, вып. LXI, с. 53.

⁷⁹ *Каргер М. К.* Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957—1961 гг.—*В кн.: Тез. докл. сов. делегации на I Междунар. конгр.*

слав археологии М, 1965, с. 39—41.

⁸⁰ *Археологія Української РСР*, т. 3, с. 276—277.

⁸¹ *Пащуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, с. 217.

⁸² *Раппопорт П. А.* *Холм.*—*Сов. археология*, 1954, т. 2, с. 315—320.

⁸³ *Погодин М. П.* Указ. соч., с. 203.

⁸⁴ *Ратич А. А.* Древнерусские городища в Судовой Вишне.—*В кн.: Тез. докл. сов. делегации на I Междунар. конгр. слав. археологии*, М., 1965, с. 39—41; *Ратич О. О.* До питання про соціально-економічний характер літописної Вишні.—*В кн.: Матеріали III Поділ. іст.-краєзнав. конф.* Львів, 1970.

⁸⁵ *Барсов Н.* Географический словарь Русской земли.—*Вильна*, 1865, с. 2.

⁸⁶ *Погодин М. П.* Указ. соч., с. 205.

⁸⁷ *Барсов Н.* Географический словарь Русской земли, с. 38.

⁸⁸ *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии, с. 121.

⁸⁹ См. подробный рассказ об этом в сочинении XVI в.: *Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi.* Warszawa, 1846, t. 1, s. 287.

⁹⁰ *Раппопорт П. А.* Новые данные по исторической географии Волыни, с. 56—57.

⁹¹ *Барсов Н.* Географический словарь Русской земли, с. 131.

⁹² *Андріяшев А. М.* Указ. соч., с. 99; *Барсов Н.* Географический словарь Русской земли, с. 172; *Дашкевич Н.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям.—*Киев*, 1873, с. 72.

⁹³ *Раппопорт П. А.* Новые данные по исторической географии Волыни, с. 55—56.

⁹⁴ *Андріяшев А. М.* Указ. соч., с. 69.

⁹⁵ *Барсов Н. П.* Очерки русской исторической географии, с. 118, 290.

⁹⁶ *Дашкевич Н. П.* Указ. соч.,

с. 66; Лонгинов А. В. Червенские города, с. 164.

⁹⁷ Рожко М. Ф. Карпатські фортеці доби Київської Русі.— В кн.: Київська Русь: Культура, традиції. К., 1982, с. 13.

⁹⁸ Насонов А. Н. Монголы и Русь, с. 138.

⁹⁹ Рожко М. Ф. Указ. соч., с. 13—20.

¹⁰⁰ Нариси історії Львова.— Львів, 1956, с. 22.

¹⁰¹ Ратич О. О. Древноруські матеріали з розкопок 1955—1956 рр. на Замковій горі у Львові.— В кн.: Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. К., 1961, с. 115—127.

¹⁰² Андрияшев А. М. Указ. соч., с. 33, 93; Барсов Н. Географический словарь Русской земли, с. 50.

¹⁰³ Пашуто А. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси, с. 166.

¹⁰⁴ См., например: Кучинко М. М. Материальная культура населения междуречья Западного Буга и Вепра в X—XIII вв.— В кн.: Исследования по истории славянских и балканских народов: Киев. Русь и ее слав. соседи. М., 1972, с. 89—90.

¹⁰⁵ Gervasii Otia imperialia.— In: Scriptores regum brunsviciensium, t. 2, p. 764—765.

¹⁰⁶ См.: Ісаевич Я. Д. Джерела про західні межі української етнічної території в період феодалізму.— Укр. іст. журн., 1968, № 12, с. 79.

¹⁰⁷ Крыжановский Е. Забуж-

ская Русь.— Спб., 1885, с. 46—47.

¹⁰⁸ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии, с. 268—269.

¹⁰⁹ Бунин А. И. Где находились Ворота, упоминаемые в летописи под 1268 г.— Изв. XI Археол. съезда в Киеве, 1899, № 12, с. 177—178.

¹¹⁰ Рожко М. Ф. Древнерусские поселения в предгорьях Карпат в X—XIV вв.— Новое в планировке, стр-ве и архитектуре села, 1974, № 52; Рожко М. Ф. Крепость Тустань.— КСИА АН СССР, 1981, вып. 164 и др.

¹¹¹ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии, с. 111; Середонин С. М. Историческая география.— Пг., 1916, с. 187.

¹¹² Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии, с. 111.

¹¹³ Погодин М. П. Указ. соч., с. 206.

¹¹⁴ Середонин С. М. Указ. соч., с. 189.

¹¹⁵ Дашкевич Н. П. Болоховская земля и ее значение в русской истории.— Киев, 1876; Дашкевич Н. П. Еще разыскания о Болохове и болоховцах.— Киев, 1899, и др.

¹¹⁶ Терещук К. І. До питання про локалізацію Болохівської землі.— В кн.: Дослідження з слов'яно-руської археології. К., 1976.

¹¹⁷ Маркс К. Л. Кугельману.— В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1958, с. 264.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Генезис волыньских и галицких городов . .	5
Глава вторая. Начальный этап складывания территории Галицко-Волынской Руси (образование Червенской, Белзской и Перемышльской земель)	24
Глава третья. Формирование Волынской земли	42
Глава четвертая. Образование Галицкой земли	75
Глава пятая. Галицко-Волынское княжество. Его территориальное развитие и города	118
Примечания	172

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ КОТЛЯР

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОРОДОВ ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ РУСИ IX—XII ВВ.

Утверждено к печати ученым советом Института истории АН УССР

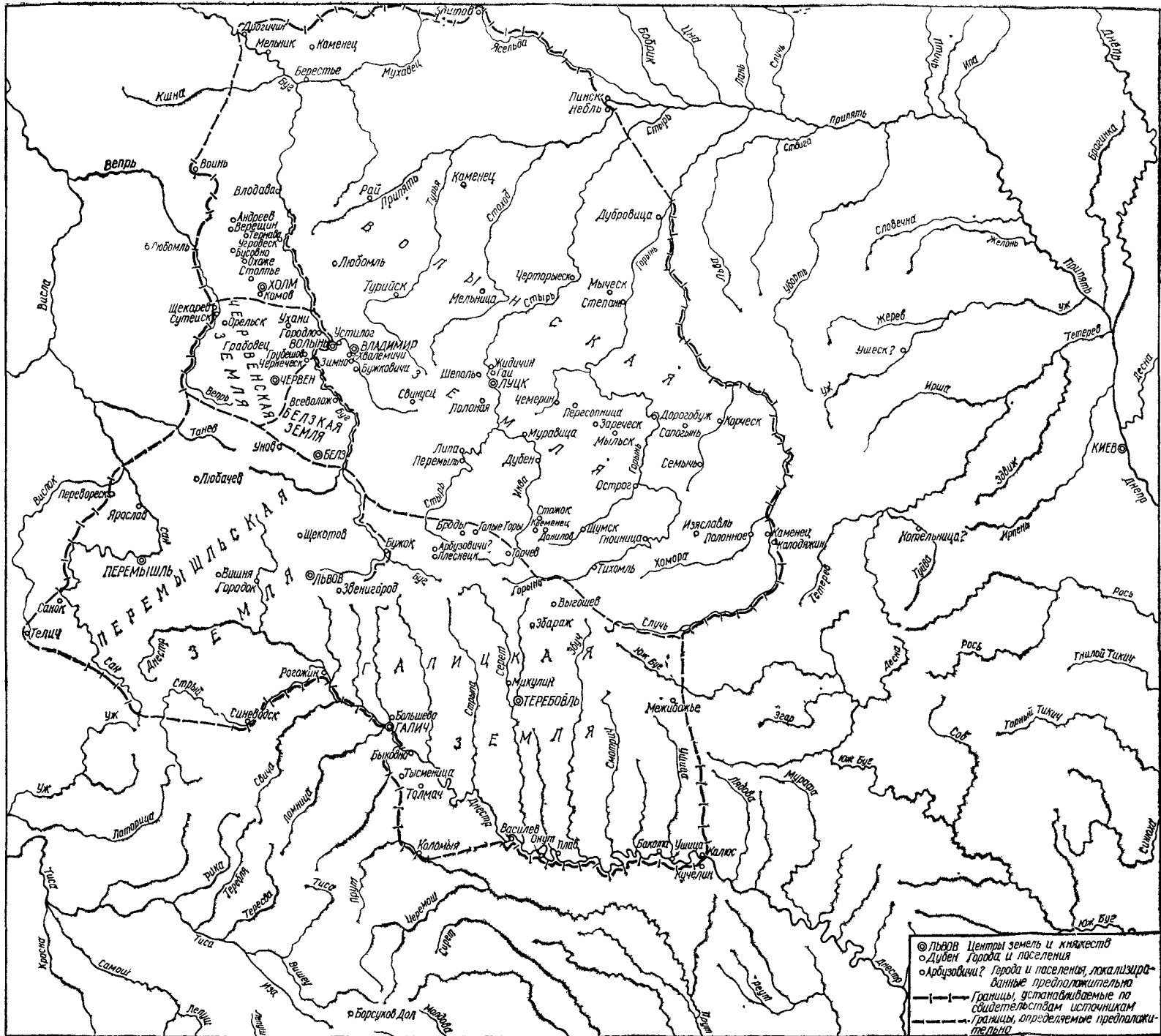
Редактор Е. Л. Пугачева. Оформление художника Н. Ю. Слепцовой. Художественный редактор С. П. Квитка. Технический редактор Г. Р. Бод*
вер. Корректоры Т. А. Обора, З. П. Школьник, А. Н. Брушко.

ИБ № 7288

Слано в набор 01.03.85. Подл. в печ. 12.05.85. БФ 01062. Формат 84x108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Лит. гарн. Выс. печ. Физ. печ. л. 5,75+1 вкл. Усл. печ. л. 9,87. Усл. кр.-отт. 10,19. Уч.-изд. л. 11,54. Тираж 2000 экз. Заказ 5—820. Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наукова думка» 252601 Киев 4. ул. Рейсна, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственно-го объединения «Полиграфкнига». 252057, Киев, ул. Довженко, 3, в Нестеровской городской типографии. 292310. Нестеров, Чигровской обл., ул. Горького, 8. Зак. 3160.

● Львов Центры земель и княжеств
 ○ Дубен Города и поселения
 ○ Арбузовичи? Города и поселения, локализуемые предположительно
 - - - - - Границы, устанавливаемые по свидетельствам источникам
 - - - - - Границы, определяемые предположительно